

Семенов Ю.И.

Введение в науку философии

Книга 3

Марксистский прорыв в философии

Семенов Юрий Иванович

Введение в науку философии. Книга 3. Марксистский прорыв в философии

Многие из вопросов, которые были детально рассмотрены во второй книге цикла «Введение в науку философии» — «Вечные проблемы философии», долгое время не могли быть решены. Идеалисты в принципе не были способны это сделать. Материалистам мешала их непоследовательность: они были материалистами только во взглядах на природу, в понимании же общества все они стояли на позициях идеализма. Чтобы выйти из тупика, нужно было найти объективный источник общественных идей, объективное общественное бытие («социальную материю»). Это сделали К. Маркс и Ф. Энгельс, впервые в истории человеческой мысли создавшие до конца последовательный материализм. Формирование материалистического понимания истории позволило открыть объективный источник активности сознания, соединить материализм с диалектикой, создать принципиально новую форму детерминизма и решить проблему свободы и необходимости. Обо всем этом идет речь в настоящей, третьей книге цикла.

Содержание

Глава 1. Историческая, философская, экономическая и политическая мысль в поисках объективного источника общественных идей, основы общества и движущих сил истории 7

1. Постановка проблемы 9
2. Крах волюнтаризма и возникновение философии истории Г. В. Ф. Гегеля 23
3. Французские историки эпохи Реставрации: открытие ими общественных классов и классовой борьбы 32
4. Возникновение политической экономии и открытие социально-экономических отношений 44
5. Превращение трехчленной периодизации истории цивилизованного общества в унитарно-стадиальную концепцию истории 58
6. Выявление еще одной всемирно-исторической эпохи — эры Древнего Востока 61
7. Философско-историческая концепция А. Сен-Симона 63
8. Исследование докапиталистических экономических систем и разработка общих проблем развития общественного производства в первой половине XIX в. (Т. Годскин, Р. Джонс) 66

Глава 2. Открытие объективного источника общественных идей (объективного социального бытия) и создание материалистического понимания истории 77

1. Открытие объективного социального бытия 79
2. Всемирная история как естественно-исторический процесс развития и смены общественно-экономических формаций 88
3. Объективный источник императивов человеческой деятельности 91

Глава 3. Открытие материального источника активности мышления и создание диалектического материализма 95

1. Открытие материального источника активности мышления 97
2. Создание диалектического материализма 101

Глава 4. Возникновение производства и вместе с ним познания общего — мышления 107

1. Коренное, качественное отличие человеческой деятельности от деятельности животных 109
2. Производство как неразрывное единство субъективной человеческой деятельности и объективного процесса превращения одних материальных вещей в другие 116
3. К истории возникновения производственной деятельности и мышления 122
4. Способ проникновения общего в человеческое мышление 129

Глава 5. Вероятностный (вариативный, относительный, диалектический) детерминизм и его основные категории 141

1. Вводные замечания 143
2. Гносеологические корни абсолютного детерминизма 148
3. Причина и условия. Кондиционализм против каузализма 153
4. Движение познания от явлений к сущности, от событий к процессу. Процесс, его факторы, условия, уровни и подуровни 162
5. Предопределенность и неопределенность. Необходимость и случайность 167
6. Возможность и действительность, возможность и невозможность, вероятность и неизбежность 170
7. Закономерность как категория вероятностного (вариативного, относительного) детерминизма 177
8. Проблема предопределенности и неопределенности и современная наука 179

Глава 6. Диалектико-материалистическое решение проблемы свободы и необходимости 189

1. Обыденное понимание соотношения свободы и необходимости 191
2. Проблема отношения свободы и необходимости в домарксистской философии 192
3. Свобода как практическое господство человека над объективным миром, «приручение», «оседлание», «обуздание» необходимости 197
4. Две основные сферы человеческой деятельности: свободная и несвободная (зависимая) 206
5. Свобода воли: формальная и реальная 210
6. Свобода и необходимость в обществе и его истории 212

Глава 7. Диалектико-материалистическое решение основного вопроса философии 217

Именной указатель 235

Глава 1. Историческая, философская, экономическая и политическая мысль в поисках объективного источника общественных идей, основы общества и движущих сил истории

1. Постановка проблемы

В первой книге цикла «Введение в науку философии» был детально рассмотрен основной вопрос философии — вопрос об отношении мира и сознания, — более конкретно о том, какой из этих двух видов реальности является первичным, а какой — вторичным, производным. На этот вопрос существуют два главных ответа. Первый из них состоит в признании мира первичным, а сознания, духовного, идеального, ментального — вторичным, производным. Философы, придерживающиеся такого мнения, принадлежат к направлению, который принято именовать *материализмом*. Вторым главным ответом на основной вопрос философии: сознание, идеальное, духовное — первично, а мир — вторичен, произведен. Это направление принято называть *идеализмом*.

Мир не сводится к природе. Он включает в себя также и общество. Поэтому философия, являясь предельно общим воззрением на мир, неизбежно включает в себе предельно общий взгляд на общество и его историю. Эту предельно общее понимание общества и его истории принято называть *социальной философией (социософией)*, или *философией истории (историософией)*.

Но главное основание для включения общего взгляда на общество в философию состоит вовсе не в том, что философия есть предельно общее мировоззрение, а общество — часть мира. Суть в том, что сознание всегда носит общественный характер, является общественным сознанием.

Словосочетание «общественное сознание» имеет два немного отличных друг от друга значения. Первое — совокупность всех вообще представлений людей о мире, включая и их знания о природе. Это общественное сознание в широком смысле. Физика, конечно, представляет собой отражение только природы, но никак не общества. Однако сама она, безусловно, — общественное явление. И в этом смысле физика относится к общественному сознанию в широком смысле. Второе значение словосочетания «общественное сознание» — представления людей исключительно лишь об общественных явлениях. Это — общественное сознание в узком смысле.

В последующем изложении термин «общественное сознание» будет использоваться только в широком смысле. Для обозначения совокупности представлений людей об обществе будет употребляться термин «*социарное сознание*», а их взглядов на природу — «*натурарное сознание*». Конечно, грань между социарным и натурарным сознанием относительна, но она, тем не менее, существует.

Натурарному сознанию противостоит природа, которая предстает перед человеком как огромное множество чувствозримых вещей. Соответственно, социарному сознанию противостоит общество. Но в отличие от природы оно не чувствозримо, его нельзя ни увидеть, ни пощупать. Увидеть можно только людей и окружающие их вещи. Поэтому, если в существовании природы никто из философов никогда не сомневался, то иначе обстоит дело с обществом. Имеется целое направление, именуемое «социологическим номинализмом» — учение о том, что никакого общества как особого образования вообще нет. Существуют лишь люди, индивиды. Такого взгляда придерживались и придерживаются немалое число философов, социологов и историков (Н. И. Кареев, М. Вебер, Ф. А. фон Хайек, Л. фон Мизес, К. Р. Поппер, Р. Будон и др.).

Наиболее ярко такой взгляд выражен в предисловии Дарио Антисери и Лоренцо Инфантино к сборнику работ Фридриха фон Хайека (1899-1992) «Познание, конкуренция и свобода. Антология». «*Не существует ни классов, ни общества как такового, — категорически утверждают они, — существуют лишь индивиды*»¹. Иначе говоря, с точки зрения социологических номиналистов, если социальное и существует, то оно сводится к социарному сознанию, является полностью духовным.

Кроме «социологического номинализма» существует и «социологический реализм», или «социологический субстанциализм», рассматривающий общество как особое целостное образование, ни в коем случае не сводимое к простой совокупности индивидов. Несомненным для «социологических реалистов» было существование социарного сознания, т. е. духовного социального. И пред ними вставал вопрос, а существует ли в обществе что-то независимое от сознания и определяющее его, т. е. объективно-реальное, а если существует, то что оно собой представляет. И от решения этой проблемы, т. е. основного вопроса философии применительно к обществу, зависело понимание природы общества и тем самым социального. А такое понимание было действительно необходимо для исследования познания. Ведь философия есть наука о разумном мышлении. Мышление же в сущности своей — явление социальное. Поэтому подлинная наука философии с необходимостью должна включать в себя предельно общий взгляд на социальное, т. е. на общество и его историю.

Нередко социальную философию, которая одновременно является философией истории, понимают как общую теорию общества и истории. С этим трудно согласиться. Социоисториософия ограничивается одной лишь проблемой — решением основного вопроса философии применительно к обществу и только.

¹ Хайек Ф. А. фон. Познание, конкуренция и свобода. Антология сочинений. СПб., 1999. С. 43. Подробнее о «социологическом номинализме» см.: Семенов Ю. И. Философия истории: Общая теория, основные проблемы, идеи и концепции от древности до наших дней. М., 2003. С. 15-17.

Именно это и делает ее философией, а не какой-либо другой наукой. Всеми остальными общими проблемами общества и его историей занимается общая теоретическая социология, она же и общая теоретическая историология. Существуют также частная теоретическая социология и частная теоретическая историология. По отношению к ним социоисториософия выступает как общий метод познания общества и истории.

Во всей истории философской мысли вплоть до возникновения марксизма принципиальное различие между материализмом и идеализмом имело место лишь во взглядах на природу. Материалисты считали природу первичной по отношению к сознанию, идеалисты придерживались противоположного точки зрения: они рассматривали природу как вторичное, как порождение духа, сознания. Во взглядах же на общество между идеалистами и домарксистскими материалистами принципиальных различий не было. И те и другие в равной степени считали общество порождением духа.

Весь домарксистский (а также и весь позднейший немарксистский) материализм был и является материализмом только во взглядах на природу. Это был *частичный, партикулярный* (от лат. *pars (partis)* — часть) материализм (*партматериализм*), *натуристический* материализм (*натурматериализм*). Объективный мир домарксистские и позднейшие немарксистские материалисты сводили к природе, природному миру. Когда же они обращались к обществу, то с неизбежностью переходили на позиции идеализма. Общество у них так или иначе, прямо или в завуалированной форме выступало как производное от сознания, как порождение человеческого сознания.

И это совершенно не случайно. Общество представляет собой не что иное, как совокупность особого рода отношений, которые называются общественными, или социальными. Эти отношения незримы, вообще недоступны органам чувств человека. Можно видеть, слышать наблюдать лишь людей и их разнообразные действия. С этим и связан уже упоминавшийся выше «социологический номинализм».

Ему, как уже указывалось, противостоял «социологический реализм», или «социологический субстанциализм», рассматривающий общество как целостное образование, ни в коем случае не сводимое к простой совокупности индивидов. Большинство «социологических субстанциалистов» придерживалось взгляда на социальные отношения как на существующие вне сознания людей. Совокупность этих отношений вместе с их узлами — социальными институтами и учреждениями (государство, политические партии, церковь и т. п.) — давно уже принято называть *общественной средой*. Важнейший вопрос, который вставал перед исследователями, заключался в выявлении отношений между общественной средой и тем, что раньше обычно именовалось *общественным мнением*, а сейчас чаще всего — *общественным сознанием*. Разумеется, что под общественным мнением всегда подразумевалось общественное сознание не в широком, а в узком смысле слова, т. е. социальное сознание.

Старые материалисты в большинстве своем были убежденными сенсуалистами. Никто из них не допускал существование врожденных идей. Согласно их взглядам, источником всех человеческих идей мог быть только внешний мир. Истоком идей о природе была сама природная среда. Отсюда у старых материалистов, естественно, напрашивался вывод, что источник общественных идей следует искать в общественной среде.

Но тут же перед ними вставал другой вопрос: а от чего зависит, что общественная среда является именно такой, а не иной. Ведь в разных обществах эта среда далеко не одинакова. И в ходе развития общества она может претерпеть и претерпевает существенные изменения. И вот здесь старые материалисты сталкивались с проблемой, решить которую оказались не в состоянии.

Когда речь шла о природной среде, все было понятно. Природа существовала до человека и без человека. И объяснять, почему она является именно такой, не было необходимости. Но общественная среда возникла только с человеком и представляет собой его творение. Человек своими действиями создает и изменяет общественную среду. А он — существо сознательное, его действия определяются его идеями и т. д. Отсюда само собой напрашивался вывод, что общественная среда является такой, а не иной потому, что таким, а не иным является общественное мнение. В результате у старых материалистов получалось, что хотя социальная реальность, как и природная, существует вне сознания, но она в отличие от природы зависит от сознания, порождается им. Если природа является реальностью, существующей не только вне сознания, но и независимо от него, т. е. объективной реальностью, то общественная среда в отличие от природной — такой реальностью, которая, хотя и существует вне сознания, но зависит от него. Такую реальность нельзя назвать объективной. Она, если можно так выразиться, является субъективно-объективной реальностью, субъективно-объективным бытием.

В результате старые материалисты оказывались в порочном кругу: общественная среда определяет общественное мнение, а общественное мнение детерминирует общественную среду. Такая позиция исключала возможность не только какого бы то ни было объяснения истории, но даже допущения развития общества. Ведь, в самом деле, для того, чтобы изменилась общественная среда, необходимо, чтобы предварительно изменилось общественное мнение, но само изменение общественного мнения невозможно без предварительного изменения общественной среды. Выходило, что общество развиваться не может. Но в реальности-то оно развивалось, изменялось. Отсюда многочисленные попытки мыслителей разорвать создавшийся порочный круг. Все они кончались неудачей (см.: П.18) ².

² При ссылке на иные разделы данной книги вначале указывается номер главы, а затем раздела. При ссылке на другие книги цикла указаны римскими цифрами номер книги и арабскими — номер главы и раздела.

В конечном счете, старые материалисты так или иначе, осознавая это четко или не осознавая, находили выход в допущении существования двух сортов людей. Одни — обычные, рядовые, серые люди, обыватели. Они способны лишь на то, чтобы усваивать общепринятые мнения. И если бы общество состояло только из подобных людей, то никаких изменений в нем произойти бы не могло.

Но, к счастью, в обществе, кроме таких людей, время от времени появляются и совсем иные. Хотя эти люди живут в той же самой среде и в обстановке господства того же самого общественного мнения, но они в силу своих исключительных качеств способны создавать новые оригинальные идеи. Выработав эти идеи, они их распространяют, меняют общественное мнение, а вслед за этим происходит изменение и общественной среды.

В результате получалось, что движущей силой истории является разум и воля особого рода выдающихся индивидов, которые с полным правом могут быть названы великими людьми. Такую концепцию истории принято именовать *волюнтаристической*. Старым материалистам удавалось разорвать порочный круг, но дорогой ценой — путем признания идей движущей силой исторического развития, т.е. перехода на позиции особого рода идеализма, который может быть назван *социоисторическим* (II.18).

Таким был путь, который приводил старых материалистов к идеалистическому решению основного вопроса философии применительно к обществу, а тем самым и его истории. Беда их была в том, что они рассматривали все социальные отношения как волевые отношения, т. е. как определяемые сознанием и волей людей. Они оказались не в состоянии найти в системе общественных отношений такие социальные связи, которые не только и не просто возникали и существовали вне и независимо от сознания и воли людей, но определяли бы их сознание и волю, были бы объективными. Иными словами, они не могли обнаружить объективного источника социарного сознания.

Единственная дорога, которая могла привести к материалистическому решению основного вопроса философии в применении к обществу и его истории, заключался в открытии заслоняемых волевыми социальными связями объективных социальных отношений, образующих объективное социальное бытие, которое нередко именуется также и социальной материей. Система этих объективных социальных отношений не только не определяется общественными взглядами людей, но, наоборот, определяет эти их взгляды, тем самым действия людей и соответственно характер волевых социальных связей, является первичной по отношению к социарному сознанию.

Помимо указанных причин открытию объективных общественных отношений препятствовало еще одно обстоятельство. Эти объективные социальные связи в отличие от природных вещей, которые возникают без сознания и могут существовать без него, появляются только вместе с обществом, которое не мыслимо без общественного сознания. Поэтому они могут возникнуть только вместе с общественным сознанием и не могут существовать без последнего. В этом и только этом смысле они зависимы от общественного сознания. Таким образом, словосочетание «зависимость от сознания» в применении к обществу имеет два разных значения: первое — не только не существовать без сознания, но и быть производным от него, второе — лишь не существовать без сознания, но не быть производным от него.

Этого различия старые материалисты не видели. Заметив, что все социальные отношения не могут существовать без общественного сознания, они полагали, что все они производны от последнего. В результате они так и не смогли найти ничего объективного в обществе, обнаружить объективный, т. е. независимый от сознания, источник общественных идей, объективное общественное бытие.

Объективный, т. е. независимый от самых общественных идей, источник этих идей, объективное социальное бытие нужно было искать. И эта проблема все в большей степени не обязательно в адекватной форме стала осознаваться.

В результате, начиная с конца XVIII в., в философии вообще, в философии истории в частности, в исторической и других общественных науках начался активный поиск реального объективного источника общественных идей, приводящих людей в движение.

Одновременно к тому времени перед историософской и исторической мыслью встали еще две проблемы. Их постановка была связана с накоплением исторического материала. Становилось все более ясным, что человеческое общество в целом состоит из множества отдельных конкретных обществ, каждое из которых является относительно самостоятельной единицей исторического развития. Эти конкретные отдельные общества я в свое время назвал социоисторическими организмами (сокращенно — социорами). Этим термином я и буду пользоваться во всем последующем изложении. В ходе исторических исследований выявлялось, что одни такие отдельные общества весьма сходны, относятся к одному и тому же историческому типу, другие же существенно отличны друг от друга, относятся к разным историческим типам.

В результате, перед историософами и историками встала проблема типологии социоисторических организмов. Возник вопрос, что именно определяет тип общества, а тем самым и вопрос, что лежит в основе, фундаменте общества.

Начались поиски ответа на него. Он с неизбежностью совпал, слился с вопросом об источнике общественных идей. Ведь люди создают общество в соответствии со своими взглядами. И если в одних случаях они создают общества, относящиеся к одному типу, в других — общества разных типов, то это свидетельствует, что в одних случаях они руководствовались одинаковыми взглядами, в других — различными. И вопрос о причинах сходства и различия взглядов, которыми руководствовались люди в своей деятельности по созданию обществ, является одновременно вопросом и о сходстве и различии основ обществ и о сходстве и различии объективного источника общественных идей.

Вторая проблема, которая встала перед историческими философами и историками, — вопрос о движущих силах истории. Ее постановка связана с тем, что в западноевропейской мысли, начиная с XVI в., все настойчивее стала пробивать себе дорогу идея исторического прогресса. Она присутствует уже в труде Жана Бодена (1530-1596) «Метод легкого познания истории» (1566) и в сочинении Джордано Бруно (1548-1600) «Пир на пепле» (1584). К концу XVIII в. эта идея окончательно победила.

Прочную основу для этого создали те периодизации всемирной истории, которые к тому времени утвердились в науке. Их возникновение и разработка была связана с Великими географическими открытиями, расширившими кругозор европейцев, ознакомившими их с различными народами, жившими совершенно иначе, чем европейцы. Главный материал для этого дала тогда Америка.

Одна из этих периодизаций заключалась в подразделении всей истории человечества на периоды *дикости*, *варварства* и *цивилизации*. Три последних понятия формировались постепенно и стихийно. Люди долгое время пользовались этими понятиями, не пытаясь их теоретически осмыслить, провести четкие грани между обозначаемыми ими периодами. Первую теоретическую разработку этой периодизации мы находим в труде шотландского мыслителя Адама Фергюсона (1723-1816) «Опыт истории гражданского общества» (1767).

А. Фергюсон применяет для обозначения социоисторического организма слово «нация». Он прежде всего различает «нации» развитые, воспитанные, цивилизованные и «нации» неразвитые, грубые, примитивные. Было время, когда все человечество находилось в грубом, примитивном состоянии. В последующем часть его в результате медленного и постепенного прогресса достигла более высокого состояния.

В свою очередь среди грубых «наций» можно выделить дикарские и варварские. Дикарские «нации» жили охотой, рыболовством, собирательством, а в некоторых случаях и земледелием. У них не было частной собственности. Весь продукт шел общине и делился между ее членами соответственно их нуждам. Все люди были равны. Не было ни бедных, ни богатых, ни правителей, ни управляемых.

Таким образом, у А. Фергюсона мы сталкиваемся не просто с идеей первобытного коммунизма, которая присутствовала уже в «Опытах» (1580) Мишеля Эйкема де Монтеня (1533-1592), «О праве войны и мира» (1625) Гуго Гроция (Хейга де Гроота) (1583-1645) и «Кодексе природы» (1755) Морелли, а с достаточно разработанной его концепцией. Варварское состояние А. Фергюсон связывал прежде всего со скотоводством. Но он не настаивал на том, что все варвары были кочевниками-скотоводами. В Западной Европе, например, они были земледельцами. С переходом от дикого состояния к варварскому зародились частная собственность, различного рода отношения зависимости, деление на ранги, власть одних людей над другими. Когда же возникло широкое общественное разделение труда, появились общественные классы и государство, на смену варварскому состоянию пришло цивилизованное.

Утверждение представлений о дикости, варварстве и цивилизации как трех этапах развития человеческого общества было одновременно возникновением определенной классификации социоисторических организмов. Все они были подразделены на дикарские, варварские и цивилизованные. Это была первая достаточно четкая типология социоисторических организмов, а тем самым и их систем, причем типология стадияльная. В результате теоретической разработки, предпринятой прежде всего А. Фергюсоном, трехчленная периодизация истории человечества превратилась в более или менее стройную концепцию мировой истории. Суть этой концепции заключалась в том, что история человечества понималась как один единый процесс поступательного развития, в ходе которого одни стадии эволюции человеческого общества в целом сменялись другими, более высокими. Согласно этой концепции в истории человечества происходила смена всемирных эпох, в основе которой лежала смена стадий развития человеческого общества в целом. Она с полным правом может быть названа *унитарно-стадияльной* концепцией всемирной истории.

Другая периодизация — выделение в истории человечества периодов, отличающихся друг от друга способами обеспечения существования человека. Вначале были выделены охотничье-собирательская, скотоводческая, или пастушеская, и земледельческая стадии. Вскоре к ним добавилась в качестве высшей торговая (коммерческая), или торгово-промышленная, стадия. Тем самым возникла и определенная стадияльная типология социально-исторических организмов. Таким образом, данная периодизация истории человечества стала одновременно и определенной, причем тоже унитарно-стадияльной, концепцией всемирной истории. Впервые в достаточно четкой форме концепция была изложена в работе французского экономиста Анн Робера Жака Тюрго (1727-1781) «Рассуждения о всеобщей истории» (ок. 1750) и в лекциях, которые читал в начале 50-х гг. XVIII в. в университете Глазго выдающийся британский экономист Адам Смит (1723-1790). Впоследствии А. Смит изложил свои взгляды в труде «Исследование о природе и причинах богатства народов» (1776).

Из двух рассмотренных выше периодизаций историков (в отличие от экономистов и философов) все же больше привлекало деление человеческой истории на стадии дикости, варварства и цивилизации. Но эта периодизация была для них явно недостаточной. Ведь историки вплоть до середины XIX в. занимались исследованием исключительно лишь писаной истории, т. е. историей только цивилизованных обществ. Поэтому историческая наука настоятельно нуждалась в периодизации писаной истории человечества.

И такая периодизация начала возникать, причем довольно рано — еще в эпоху Возрождения. Начало свое она берет в трудах выдающихся итальянских историков: Леонардо Бруни (1370/74-1444) и Флавио Бьондо (1392-1463). Она состояла в подразделении писаной, цивилизованной всемирной истории на античную, средневековую и новую.

Эта периодизация складывалась постепенно и впервые нашла свое совершенно четкое выражение в трудах немецкого историка Кристофа Келлера (1637-1707), именовавшего себя на латинский лад Христофором Целлариусом (Целларием). В 1675 г. он опубликовал работу, носившую название «Ядро истории средней между античной и новой» (*Nucleus historiae inter antiquam et novam mediae*). За этим последовала его «Трехчастная история» (*Historia tripartita*). Первая книга вышла в 1685 г. и называлась «Античная история» (*Historia antiqua*). В ней изложение доводилось до Константина Великого. Вторая книга, увидевшая свет в 1688 г., носила название «История средних веков от времени Константина Великого до взятия турками Константинополя» (*Historia medii aevi a temporibus Constantini Magni ad Constantinopolim a Turcis captam deducta*). В 1696 г. появилась третья и последняя книга — «Новая история» (*Historia nova*).

С самого начала в подразделении истории на Античность, Средние века и Новое время в неявной форме присутствовала известная классификация социоисторических организмов. В качестве типов в ней выступали античные и средневековые социоисторические организмы, а также общества Нового времени. Однако эта типология была на первых порах крайне неопределенной. Да и стадийной назвать ее было трудно. Ведь первоначально античная, средневековая и новая эпохи не понимались как связанные с разными стадиями поступательного развития человеческого общества.

В целом, результатом развития философско-исторической, исторической и вообще обществоведческой мысли XVI-XVIII вв. было утверждение к началу XIX в. в исторической — и не только исторической — науке унитарно-стадийного понимания развития человечества. В результате, история человечества предстала не просто как цепь событий, а как один единый объективный закономерный процесс.

И если раньше историки занимались поисками причин тех или иных исторических событий, то теперь перед историософской и исторической мыслью более чем остро встал вопрос о факторах, определявших переход общества от одной стадии поступательного развития к другой, более высокой. Мыслители и раньше задумывались над движущими силами истории. В XVIII — начале XIX в. решение этой проблемы стало настоятельной необходимостью. В результате, появившаяся еще в трудах Ж. Бодена концепция географического детерминизма получила разработку в знаменитой работе Шарля Луи де Секонда барона де ля Бред и Монтескье (1689-1755) «О духе законов» (1748). Клодом Адрианом Гельвеецем (1715-1780) в работе «О человеке» (1769; 1773) была изложена концепция демографического детерминизма, которая была в дальнейшем конкретизирована в трудах Антуана Пьера Жозефа Мари Барнава (1761-1793) «Введение во Французскую революцию» (1793).

Обе эти концепции были подхвачены историософами и историками и продолжают в разных формах существовать вплоть до наших дней.

Таким образом, историософская и историческая мысль занялась поисками одновременно и объективного источника общественных идей (объективного социального бытия), и основы общества, и движущих сил истории.

2. Крах волюнтаризма и возникновение философии истории Г. В. Ф. Гегеля

События, имевшие место до Великой Французской революции и в ее ходе, внешне выглядели как подтверждение правоты волюнтаристских представлений об истории. Более тысячи лет во Франции существовали несправедливые порядки. Однако люди терпели, смирялись с ними, ибо не понимали насколько они плохи. Но вот появилась плеяда умных людей, которые поняли, наконец, что эти порядки противоречат самой природе человека, требующей для полной своей реализации свободы, равенства и братства. Они своей деятельностью помогли понять это всем остальным людям и тем самым радикально изменили общественное мнение. В результате, народ поднялся на борьбу и коренным образом преобразовал общественную среду. А самая глубокая причина перемен — ум и воля просветителей.

Казалось бы, что сам ход революции полностью подтверждал волюнтаристический взгляд на историю: появились великие люди, от ума и воли которых зависел ход событий: Оноре Габриэль Рикети Мирабо (1749-1791), Жан Поль Марат (1743-1793), Жорж Жак Дантон (1759-1794), Максимильтен Мари Изидор Робеспьер (1758-1794). Наконец, на историческую арену вышел Наполеон Бонапарт (1769-1821), который по своему произволу стирал с карты и создавал государства, бесконтрольно вершил судьбами Европы. Оседлав историю, он гнал ее в нужном ему направлении.

Но тот же ход событий полностью опровергал волюнтаризм. М. Робеспьер действительно некоторое время имел почти неограниченную власть. Но кончил он свою жизнь на гильотине. Наполеон действительно создавал и уничтожал королевства, сажал на престол и убирал монархов. Но конечный результат его деятельности был противоположен тому, что он замыслил. Вместо того чтобы стать властелином Европы и мира, он окончил свою жизнь в плену на острове, затерянном в Атлантике. Он жаждал одного, стремился к одному, а получилось совсем иное. Все планы его рухнули. В результате, наблюдателям всех этих событий невольно навязывалось представление о какой-то объективной силе, которая определяет ход событий и которой не могут противостоять никакие, даже самые великие люди. Такое представление возникало не только у философов, историков, но и у поэтов, причем необязательно великих. Достаточно, например, вспомнить стихотворение малоизвестного русского писателя Николая Семеновича Соколова (1808-1859) «Он», которое не было забыто потому, что стало популярной народной песней. Поэт вкладывает в уста Наполеона, наблюдающего московский пожар, такие слова:

Судьба играет человеком;
Она, лукавая, всегда
То вознесет тебя над веком,
То бросит в пропасти стыда.
И я, водивший за собою
Европу целую в цепях,
Теперь поникнул головою
На этих горестных стенах!³

³ Соколов Н. С. Он // Кубок. Баллады, сказания, легенды. М., 1970. С. 183-184.

В годы, последующие за началом Великой Французской революции, может быть, впервые в истории человечества на глазах одного поколения коренным образом изменился мир. К 1815 г. Западная Европа стала совершенно иной, чем она была в 1789 г. И всем вдумчивым свидетелям великих событий было ясно, что эти грандиозные преобразования не были случайными. Они были неизбежными, неотвратимыми. Конкретные события могли быть одними, могли быть иными, но конечный их итог не мог быть другим. Это создавало условия для возрождения исторического фатализма и даже провиденциализма.

Французский мыслитель и писатель Жозеф де Местр (1753-1821) в работе «Рассуждения о Франции» (1797) прежде всего подчеркивал объективную предопределенность хода Великой французской революции. «Самое поразительное во французской революции, — писал он, — увлекающая собой ее мощь, которая устраняет все препятствия. Этот вихрь уносит как легкие соломинки все, чем человек мог от него заслониться: никто еще безнаказанно не мог преградить ему дорогу. Чистота помыслов могла высветить препятствие и только; и эта ревнивая сила неуклонно двигаясь к своей цели, равно низвергает Шаретта, Дюмурье и Друэ. С полным основанием было отмечено, что французская революция управляет людьми более, чем люди управляют ею. Это наблюдение очень справедливо, и хотя его можно отнести в большей или меньшей степени ко всем великим революциям, однако оно никогда не было более разительным, нежели теперь. И даже злодеи, которые кажутся вожаками революции, участвуют в ней в качестве простых орудий, и как только они проявляют стремление возобладать над ней, они подло низвергаются»⁴. Силой, определяющей ход революции и истории вообще, Ж. де Местр считал божественный промысел. Он попытался на новой основе возродить давно уже ушедший в прошлое провиденциализм.

⁴ Местр Ж. де. Рассуждения о Франции. М., 1997. С. 14-15.

Философское осмысление получили события конца XVIII - начала XIX в. в философии истории Георга Вильгельма Фридриха Гегеля (1770-1831). В центре его — представление об объективной основе общества и объективной силе, определяющей ход истории. Эту основу и эту силу он называл абсолютным, или мировым, духом. Идея неизбежности преобразований, которые происходили на глазах Гегеля, получила четкое выражение в его «Феноменологии духа», увидевшей свет в 1807 г. «Впрочем, не трудно видеть, — писал он, — что наше время есть время рождения и перехода к новому периоду. Дух порвал с прежним миром своего наличного бытия и своего представления, он готов погрузить его в прошлое и трудится над своим преобразованием. Правда, он никогда не пребывает в покое, а вовлечен в непрерывное движение вперед. Но как у младенца при рождении после длительного спокойного питания первый глоток воздуха обрывает прежнюю постепенность лишь количественного роста, совершается качественный скачок — и ребенок появился на свет, так образующийся дух медленно и спокойно созревает для новой формы, разрушает одну частицу здания своего прежнего мира за другой; о неустойчивости последнего свидетельствуют лишь отдельные симптомы. Легкомыслие, как и скука, распространяющиеся в существующем, неопределенное предчувствие чего-то неведомого — все это предвестники того, что приближается нечто иное. Это постепенное измельчание, не изменившее облика целого, прерывается восходом, который сразу, словно вспышка молнии, озаряет картину нового мира»⁵.

⁵ Гегель Г. Система наук. Ч. 1. Феноменология духа // Соч. Т. 4. М., 1959. С. 6.

И возвращение Бурбонов в 1815 г. во Францию ни в малейшей степени не поколебало убеждения Г. Гегеля в неотвратимости изменений. Оно с особой силой звучит в одном из его писем, относящемся к 1816 г. «Я считаю, — писал он, — что мировой дух скомандовал времени вперед. Этой команде противятся, но целое движется, неодолимо и неприметно для глаз, как бронированная и сомкнутая фаланга, как движется солнца, все преодолевая и сметая на своем пути. Бесчисленные легко вооруженные отряды бьются где-то на флангах, выступая за и против, большая часть их вообще не подозревает, в чем дело, и только получает удары по голове как бы незримой дланью. И ничто не поможет им: ни пускание пыли в глаза, ни хитроумные выходки и выкрутасы. Можно достать до ремней на башмаках этого колосса, немного замарать их дегтем или грязью, но не развязать их, тем более стащить с него сандалии бога с подвижными, согласно Фоссу (см. „Мифологические письма“ и др.), подошвами, или семимильные сапоги, которые тот наденет»⁶.

Мировой дух, по Гегелю, в каждый данный момент является объективной основой общества. Он определяет общественные взгляды людей (общественное мнение прежних мыслителей), их общезначимые действия, а тем самым и общественное устройство (общественную среду).

Эта объективная основа общества не является неизменной. Она развивается, причем независимо от воли и сознания людей. Это развитие носит поступательный характер. Происходит переход объективной основы от одной ступени исторического развития к другой, а тем самым и всего общества в целом. Мировой дух есть не только объективная основа общества, но и движущая сила истории. Развитие общества носит необходимый характер. Оно предопределено. Но историческая необходимость может проявляться только в действиях людей. И перед Г. Гегелем естественно вставала проблема свободы и необходимости.

⁶ Гегель Г. Письмо Нитхаммеру. Нюрнберг, 12 июля 1816 г. // Работы разных лет. Т. 2. М., 1971. С. 357-358. Упомянутый в письме Иоганн Генрих Фосс (1751-1826) — немецкий поэт, переводчик античных авторов, профессор Йенского, затем Гейдельбергского университетов.

Когда для мирового духа становится необходимым переход на новую стадию его развития, становится необходимым преобразование общества, он должен привести людей в движение, ибо назревшие перемены могут быть совершены только их руками. А для этого нужно, чтобы они осознали необходимость преобразований, чтобы они оказались заинтересованы в изменении общества, чтобы они страстно стремились произвести эти изменения.

Осознание людьми задач, поставленных мировым духом, никогда не является адекватным, но оно всегда должно иметь место. Люди всегда преследуют частные цели. И хитрость мирового духа заключается в том, что он побуждает людей ставить такие частные цели, реализация которых способствует осуществлению объективной идеи, общей объективной цели истории или, иными словами, исторической необходимости.

Людей, в частных целях которых содержится всеобщая цель, Г. Гегель называет всемирно-историческими личностями, великими людьми, героями⁷. Эти люди одновременно и осознавали объективную цель, идею, и не осознавали ее. «Такие лица, — писал Г. Гегель, — преследуя свои цели, не сознавали идеи вообще; но они являлись практическими и политическими деятелями. Но в то же время они были мыслящими людьми, понимавшими, что нужно и что *своевременно*.

⁷ См.: Гегель Г. Философия истории // Соч. Т. 8. М.; Л., 1935. С. 29-30.

Именно это являлось правдой их времени и их мира, так сказать, ближайшим родом, который уже находился внутри. Их дело было знать это всеобщее, необходимую ближайшую ступень в развитии их мира, сделать ее своей целью и вложить в ее осуществление свою энергию... Именно великие люди и являлись теми, которые всего лучше понимали суть дела и от которых затем все усваивали себе это их понимание и одобряли его или по крайней мере примирились с ним»⁸.

Конечный вывод Г. Гегеля состоит в том, что «во всемирной истории благодаря действиям людей вообще получают еще и несколько иные результаты, чем те, к которым они стремятся и которые они достигают, чем те результаты, о которых они непосредственно знают и которых они желают; они добиваются удовлетворения своих интересов, но благодаря этому осуществляется еще и нечто дальнейшее, нечто такое, что скрыто содержится в них, но не сознавалось ими и не входило в их намерения»⁹.

Касааясь участи великих людей, Г. Гегель замечает: «Если мы бросим взгляд на судьбу этих всемирно-исторических личностей, призвание которых заключалось в том, чтобы быть доверенными лицами мирового духа, оказывается, что эта судьба не была счастлива. Они появлялись не для спокойного наслаждения, вся их жизнь являлась тяжелым трудом, вся их натура выражалась в их страсти. Когда цель достигнута, они отпадают, как пустая оболочка зерна. Они рано умирают, как Александр, их убивают, как Цезаря, или их ссылают, как Наполеона на остров Св. Елены»¹⁰.

Как видно из сказанного, Г. Гегель отвергал не только волюнтаризм, но и фатализм. Люди не свободны в выборе общественного строя, не свободны в выборе общего направления исторического процесса. Но каждый человек волен выбрать тот или иной образ действий, волен действовать так, а не иначе.

⁸ См.: Гегель Г. *Философия истории* // Соч. Т. 8. С. 29-30.

⁹ Там же. С. 27.

¹⁰ Там же. С. 30.

Таким образом, Г. Гегель исходя из признания существования объективной необходимости, не только не исключал, а наоборот, предполагал бытие случайности, причем случайности объективной. Г. Гегель был диалектиком. Согласно его взгляду, необходимость и случайность существовали не рядом друг с другом, а представляли неразрывное единство. Они были не только не одним и тем же, но одновременно и одним и тем же. Необходимость проявлялась, а тем самым существовала только в случайностях и через случайности. А случайности были проявлением необходимости или дополнением к необходимости. Поэтому необходимость по своему проявлению всегда случайна, а случайности существуют только в связи с необходимостью.

Иначе говоря, по Гегелю, то, чего не могло не быть, проявлялось в том, что могло быть, а могло не быть. Или, иными словами, то, что могло быть, а могло и не быть, было формой, в которой проявлялось то, чего не могло не быть. Если применить все это к истории, то выходило, что ход ее одновременно и предопределен, и неопределен. Предопределено общее направление исторического процесса, но не конкретные события, которые могут быть одними, а могут быть и другими.

Г. Гегель понял, что существует некая объективная основа общества, что эта объективная основа развивается и тем самым определяет ход всемирно-исторического процесса, что именно эта развивающаяся основа и есть движущая сила истории. Однако раскрыть природу этой основы, этой движущей силы истории он оказался не в состоянии. Выявив, что существует какой-то черный ящик, действие которого определяет ход исторического процесса, он так и не смог проникнуть в него и обнаружить действующий в нем реальный механизм. В результате ему ничего не оставалось, кроме как назвать эту объективную основу и объективную силу мировым духом, что ничего ровным счетом не объясняло.

И в определенной степени Г. Гегель это понимал. С этим связаны неоднократно предпринимаемые им попытки найти хоть какие-то реальные силы, определявшие исторический процесс. Обращаясь к вопросу о природе государства, Г. Гегель без конца повторяет, что оно является «полной реализацией духа в наличном бытии», что «государство есть божественная идея как на она существует на земле» и т. п.¹¹ Однако наряду с подобного рода утверждениями мы встречаем у него и мысль, «что настоящее государство и настоящее правительство возникают лишь тогда, когда уже существует различие сословий, когда богатство и бедность становятся очень велики...»¹².

Пытаясь объяснить упадок греческого мира, Г. Гегель в строгом соответствии со своей концепцией пишет: «Дух мог лишь в течение непродолжительного времени оставаться на той точке зрения прекрасного духовного единства, которую мы только что охарактеризовали, и источником дальнейшего прогресса и гибели явился момент субъективности, моральности, подлинной рефлексии и внутреннего мира»¹³. Но буквально вслед за этим он отмечает, что во время упадка Греции «в городах не прекращалась борьба, и граждане разделились на партии, как в итальянских городах в Средние века»¹⁴. А, касаясь истории Спарты, он прямо говорит, что «главной причиной упадка Лакедемона было имущественное неравенство...»¹⁵.

¹¹ См.: Гегель Г. *Философия истории* // Соч. Т. 8. С. 17, 38 и др.

¹² Там же. С. 82.

¹³ Там же. С. 248.

¹⁴ Там же. С. 250.

¹⁵ Там же. С. 246.

Но это были не более как догадки, не получившие развития. К тому времени, когда Г. Гегель создавал свою философию истории, уже существовала британская классическая политическая экономия и появились основные труды французских историков эпохи Реставрации. Но хотя он был достаточно хорошо знаком с работами А. Смита, и Д. Рикардо, это практически никак не сказалось на его философско-исторических построениях. Прощел он и мимо трудов названных историков.

А между тем только обращение к общественным классам и классовой борьбе и экономическим отношениям создавало возможность проникнуть в обнаруженный Г. Гегелем черный ящик истории и нащупать действующий в нем механизм.

3. Французские историки эпохи Реставрации: открытие ими общественных классов и классовой борьбы

К числу французских историков эпохи Реставрации относятся Жак Никола Огюстен Тьерри (1795-1856), Франсуа Пьер Гийом Гизо (1787-1874), Франсуа Мари Огюст Минье (1796-1884) и Луи Адольф Тьер (1797-1877).

Если коротко охарактеризовать их вклад в развитие философско-исторической мысли, то он заключается в открытии ими общественных классов и классовой борьбы. Они не были первыми, кто подметил существование общественных классов и классовой борьбы. В той или иной форме идея общественных классов и классовой борьбы существовала в античное время, эпоху Возрождения и тем более в XVII-XVIII вв. Но первая концепция общественных классов и классовой борьбы, которая была использована для понимания хода истории, была создана лишь французскими историками эпохи Реставрации.

Между их взглядами существует определенное различие, да и воззрения каждого из них в течение жизни претерпевали изменения. Не вдаваясь ни в какие детали, попытаюсь проследить логику движения их мысли, которая завершилась созданием концепции общественных классов и классовой борьбы.

Начну с общей характеристики эпохи, к которой относятся начало их научной деятельности. В 1815 г. после второго и окончательного отстранения Наполеона от власти во Франции вновь утвердились Бурбоны. Французским королем стал брат обезглавленного по приговору Конвента Людовика XVI — Людовик XVIII. Вместе с ним к власти во Франции вновь пришло дворянство. Конечно, социально-экономический строй страны не претерпел сколько-нибудь существенных изменений. Франция, окончательно ставшая в годы революции страной буржуазной, такую и осталась. Дворянство было вынуждено считаться с интересами буржуазии, однако к власти последнюю не допускало. Буржуазию, которую такое положение не устраивало, повела борьбу за власть, в ходе которой она опиралась на поддержку широких масс населения.

Политическая классовая борьба с неизбежностью сочеталась с идеологической. Идеологи дворянства, оправдывая его претензии на политическую власть, обращались к истории. Идеологи буржуазии приняли вызов. Целая плеяда видных историков обратилась к прошлому страны с тем, чтобы обосновать претензии именно этого класса на политическое господство.

Особое внимание было уделено детальному исследованию того периода истории Франции, когда дворянство было отстранено от власти, т. е. эпохи Великой революции. И когда люди, которые сами были активными участниками классовой борьбы, начали изучать ход революции, то им бросилось в глаза, что в эту эпоху вся страна раскололась на два лагеря, которые вели между собой борьбу не на жизнь, а на смерть. И было совершенно ясно, что от исхода этой борьбы зависело будущее Франции.

Сразу же возникал вопрос о том: появились ли эти две силы только в ходе революции или они существовали и раньше. И когда историки эпохи Реставрации под таким углом зрения подошли к историческому материалу, то ответа на него долго искать не пришлось. Можно было только удивляться тому, как историки этого раньше не замечали. Эти две общественные силы, эти два общественных класса существовали в течение всей истории Франции. И на протяжении всего этого времени между ними шла, то обостряясь, то принимая более умеренные формы, непрерывная борьба. И революция была кульминацией этой борьбы.

Следующий вопрос: из-за чего шла борьба, чего добивались борющиеся силы? Весь ход Великой революции неопровержимо говорил о том, что борьба шла за власть. Совершенно ясно было, что основным вопросом революции был вопрос о власти. И наконец, еще один, самый, пожалуй, важный вопрос: ради чего шла борьба за власть, зачем эта власть была нужна как тому, так и другому классу? Борьба за власть велась не ради самой власти. Власть нужна была каждому из борющихся классов для защиты и реализации своих интересов, для сохранения или создания выгодного ему общественного порядка.

У классов были различные, более того противоположные интересы. И эти интересы были объективными. Шли века, сменялись поколения, а деление на классы с разными интересами сохранялось. Интересы классов не зависели от сознания и воли отдельных людей. Наоборот, эти существующие независимо от сознания и воли людей интересы определяли их сознание и волю, тем самым их общезначимые действия и, в конечном счете, ход истории.

«Господствующие интересы, — писал Ф. Минье в работе „О феодализме“, — определяют ход социального движения. Это движение пробивается к своей цели сквозь все стоящие на его пути препятствия, прекращается, когда оно достигло цели, и замещается другим, которое на первых порах совершенно незаметно и которое дает о себе знать лишь тогда, когда оно становится наиболее мощным. Таков был ход феодального строя. Этот строй был нужен обществу до того, как он установился в действительности, — это первый период его; затем он существовал фактически, перестав быть нужным, — второй его период. И это привело к тому, что он перестал быть фактом»¹⁶. Так был сделан решающий шаг к открытию в истории того фактора, который, существуя независимо от воли и сознания людей, определял их сознание и волю.

Было совершенно ясно, что корни классовых интересов заключены не в биологической природе человека. И дворяне, и буржуа, и крестьяне по своей биологической природе не отличались друг от друга. А интересы были разными. Проще всего было раскрыть корни различия интересов дворянства и крестьянства. Дворяне владели землей, которую обрабатывали крестьяне, и в силу этого имели право на часть продукта, созданного последними. Они были кровно заинтересованы в сохранении такого рода поземельных отношений, ибо они обеспечивали их существование. Крестьяне же, наоборот, были кровно заинтересованы в уничтожении такого рода поземельных отношений. Они хотели стать полными собственниками земли, которую обрабатывали, хотели избавиться от эксплуатации со стороны дворян. Дворянам власть была нужна для увековечения существующих поземельных отношений. Крестьяне все в большей степени проникались пониманием того, что без лишения дворян политической власти невозможно ликвидировать несправедливые, по их убеждению, отношения поземельной собственности.

¹⁶ Цит.: Плеханов Г. В. Материалистическое понимание истории // Соч. Т. 24. М.; Л., 1927. С. 361-362.

Понятие общественного класса у историков эпохи Реставрации было не очень четким. Поэтому они выделяли то два, то три, то еще большее число классов. Под одним общественным классом они понимали дворянство, которое действительно был таковым. В случае двухклассового деления общества под вторым классом они понимали «третье сословие», т. е. все непривилегированные слои населения дореволюционной Франции, включая буржуазию, мелкую буржуазию, крестьянство и городскую бедноту, в том числе предпролетариат.

Когда речь шла о дворянстве и крестьянстве, то было ясно, что эти две группы людей отличались друг от друга прежде всего тем, что занимали разные места в системе поземельных отношений, т. е. отношений собственности на землю. В отношении других групп, входивших в состав третьего сословия, так сказать было нельзя.

В результате, историки эпохи Реставрации пришли к выводу, что общественные классы суть большие группы людей, занимающие разные места в системе не только поземельных отношений, но всех вообще отношений собственности, всех вообще имущественных отношений. Именно различие мест в системе имущественных отношений и определяет различие интересов общественных классов. И когда историки эпохи Реставрации принимали во внимание не только поземельные, и прочие имущественные отношения, то число выделяемых ими классов увеличивалось.

Таким образом, историки эпохи Реставрации ушли далеко от примитивного представления о классах как группах людей, из которых одна имеет много (богатые), а другая мало или совсем ничего (бедняки). Не в богатстве одних и бедности других состоит суть деления на классы. Богатство одних людей и бедность других производны от мест, которые занимают эти группы людей в системе имущественных отношений.

Имущественные отношения являются основными, фундаментальными. Они определяют интересы людей, а те — общественное мнение и тем самым общезначимые действия людей во всех основных сферах общественной жизни. Характер имущественных отношений определяет ход политической борьбы, природу создаваемых людьми политических и иных общественных институтов. Иначе говоря, имущественные отношения определяют политические и все прочие общественные отношения. Если имущественные отношения являются фундаментальными, базисными, то все прочие в конечном счете — производными от них. Таким образом, все общественные отношения были фактически подразделены на две категории: отношения первичные и отношения вторичные, производные от первых.

С открытием классов и классовой борьбы в историологию впервые вошел народ, причем не как пассивная страдающая масса, а как активная действующая социальная сила. По-новому встал вопрос о выдающихся деятелях истории и их отношении к массам. Великим становится человек, который лучше других понял и выразил интересы своего класса и который возглавил его борьбу за эти интересы. Сила великого человека в тех людях, которые за ним идут. Если он пренебрегает интересами своего класса, то теряет сторонников и последователей и лишается силы, лишается возможности воздействовать на ход исторического процесса.

Стремясь выяснить, является ли наличие общественных классов и классовой борьбы специфической особенностью развития Франции или же это присуще и другим странам, историки эпохи Реставрации обратились к истории Англии. И убедились, что открытие ими закономерности не в меньшей степени проявляются в истории и этой страны. Английское общество тоже было расколото на классы, между которыми на всем протяжении его истории шла упорная борьба. Кульминацией этой классовой борьбы была Английская революция XVII в.

Открыв общественные классы и классовую борьбу, французские историки эпохи Реставрации тем самым пришли к определенному общему взгляду на историю, который, однако, ими нигде сколько-нибудь четко изложен не был. Ими фактически было признано существование нескольких качественно отличных общественных укладов, в основе каждого из которых лежала определенная система имущественных отношений, с неизбежностью порождавшая деление на общественные классы — группы людей с разными объективными интересами. Каждый уклад существовал до тех пор, пока отвечал потребностям времени. Однако рано или поздно такому соответствию приходил конец. Тогда возникала объективная необходимость замены этого общественного уклада новым.

Но эта смена укладов никогда не происходила автоматически. Были классы, кровно заинтересованные в сохранении старых отживших отношений и имевшие возможность воспрепятствовать назревшим переменам, ибо им принадлежала власть. Чтобы эти перемены произошли, необходимо было, чтобы классы, интересы которых требовали преобразований, поднялись на борьбу и захватили власть. Только переход власти в руки этих прогрессивных сил мог обеспечить смену одного общественного строя другим, отвечающим нуждам времени.

Из всех французских историков эпохи Реставрации ближе всего к такому пониманию истории подошел Ф. Минье. Выше уже были процитированы строки из его работы, в которых говорилось об объективном характере социального движения, ведущего к смене одного общественного строя другим. Приведу еще одно из его высказываний, с которого начинается его основной труд «История Французской революции с 1789 по 1814 гг.».

«Я собираюсь, — писал он, — дать краткий очерк Французской революции, с которой начинается в Европе эра нового общественного уклада... Эта революция не только изменила соотношение политических сил, но произвела переворот во всем внутреннем существовании нации. В то время еще существовали средневековые формы общества. Вся земля была разделена на враждовавшие друг с другом провинции, а общество разделялось на соперничающие друг с другом классы. Дворянство, утратив всю свою власть, однако, сохранило свои преимущества; народ не пользовался никакими правами; королевская власть была ничем не ограничена, и Франция была предана министерскому самовластью, местным управлениям и сословным привилегиям. Этот противозаконный порядок революция заменила новым, более справедливым и более соответствующим требованиям времени. Она заменила произвол — законом, привилегии — равенством, она освободила людей от классовых различий, землю — от провинциальных застав, промышленность — от оков цехов и корпораций, земледелие — от феодальных повинностей и от тяжести десятины, частную собственность — от принудительного наследования; она все свела к одинаковому состоянию, одному праву и одному народу... Главная цель была достигнута: в империи во время революции разрушилось старое общество и на месте его создано новое»¹⁷.

А затем следует обобщающий вывод: «Когда какая-нибудь реформа сделалась необходимой и момент выполнения ее наступил, то ничто не может помешать ей и все ей способствует. Счастливы были бы люди, если бы они умели этому подчиняться, если бы уступили то, что у них есть лишнего, а другие бы не требовали того, что им не хватает; тогда революции происходили бы мирным путем, и историкам не приходилось бы упоминать ни об излишествах, ни о бедствиях; им бы только пришлось отмечать, что человечество стало более мудрым. Но до сих пор летописи народов не дают нам ни одного примера подобного благоразумия: одна сторона постоянно отказывается от принесения жертв, а другая их требует, и благо, как и зло, вводится при помощи насилий и захвата. Не было до сих пор другого властелина, кроме силы»¹⁸.

¹⁷ Минье Ф. История Французской революции с 1789 до 1814 гг. М., 2006. С. 35-36.

¹⁸ Там же. С. 36.

Казалось бы у французских историков эпохи Реставрации все встало на свое место: действия людей, из которых складывается история, определяются общественным мнением, а общественное мнение, разное у разных классов, детерминируется интересами этих классов, которые обусловлены местом этих больших групп людей в системе имущественных отношений.

Имущественные отношения — основа общества, история есть смена систем имущественных отношений, а классовая борьба — сила, определяющая переход от одной такой системы к другой, и тем самым ход истории. История есть объективный процесс, ход которого в общем и целом предопределен, причем ни богом, ни абсолютным разумом, ни разумом человечества, ни разумом и волей великих людей, а объективными естественными (т. е. не сверхъестественными) факторами. Проблема, казалось, была решена.

На деле же до решения ее было еще очень далеко. На пути к нему историков эпохи Реставрации подстерегал роковой вопрос: а почему в обществе существуют именно такие, а не иные имущественные отношения, чем определяется характер этих отношений, а вслед за этим и вопрос о том, почему те или иные системы имущественных отношений перестают соответствовать потребностям времени, почему возникает необходимость смены одних таких систем другими, что лежит в основе этой смены?

Проблема возникновения тех или иных систем имущественных отношений была одновременно и вопросом о происхождении общественных классов.

И вот здесь историки эпохи Реставрации не смогли удержаться на достигнутой высоте. В большинстве своем они стали объяснять возникновение классов во Франции франкским завоеванием. Вторгшиеся в страну франки, победив галлов, превратили их в своих крепостных, а сами стали дворянами. Побежденные не могли смириться с поражением и вели борьбу за свое освобождение от чужеземного гнета. Два общественных класса в своей основе суть две расы: раса победителей и раса побежденных. Классовой борьба в своей сущности есть борьба рас. Со стороны побежденных и их потомков это была борьба за освобождение от чужого господства. Из среды крестьян вышли горожане, лучшие из них стали буржуа. Естественно, что крестьяне, рядовые горожане и буржуа составляют один класс, борьбу которого по праву возглавила лучшая его часть — буржуазия. В ходе революции потомки побежденных одержали победу и по праву вернули себе власть над страной, которая была утрачена в результате франкского завоевания.

Дворянство во время революции проявило свою антинациональную суть, в массе своей бежав за границу и примкнув к внешним врагам Франции. Многие из дворян вступили в ряды армий государств, вошедших в антифранцузские коалиции, и с оружием в руках сражались против своей бывшей родины. И вот теперь, возвратившись в обозе оккупационных войск, дворяне снова пытаются вернуть страну к прошлому. Истинным французам нужно снова объединиться, чтобы добиться своего полного освобождения. И эту борьбу, естественно, может возглавить только самая активная часть народа — буржуазия. Ее нужно поддержать.

Таким образом, у историков эпохи Реставрации были две трактовки и общественных классов, и классовых интересов, и классовой борьбы: социальная и расовая. В одних их работах выступала на первый план первая, в других — вторая. Но главное в том, что и в случае социальной трактовки классов и классовых интересов, такое объяснение возникновения классов делало появление феодальных имущественных отношений результатом сознательной деятельности группы людей.

Завоеватели путем насилия поработили аборигенов, а затем закрепили это в законах. Бесспорно, что право является волей государства. Выходило, что феодальные отношения возникли по воле группы людей и созданного ими государства, т. е. являются, как все прочие общественные связи, отношениями волевыми.

И порочный круг снова замкнулся: общественное мнение определяется системой имущественных отношений, а сама система этих отношений возникла по воле группы людей, в силу того, что у них существовало именно такое, а не иное общественное мнение. И выходом из этого круга был опять-таки волюнтаризм. Люди, забравшие в свои руки власть, путем насилия или убеждения могут создать любые имущественные, а тем самым и все прочие отношения. И поэтому наряду с рассмотренными выше положениями, свидетельствующими о фактическом признании французскими историками названной школы объективного характера исторического процесса, встречаются и прямо им противоположные.

Французские историки эпохи Реставрации смогли бы продвинуться в теоретическом плане значительно дальше, если бы попытались применить основные положения своей концепции классов и общественной борьбы к современному им буржуазному обществу. Чисто идейные предпосылки для этого существовали. В самой Франции еще в XVIII в. появились мыслители, которые подметили существование и иных классов-антагонистов, кроме дворянства и крестьянства. К числу их относятся такие мыслители, как Гийом Тома Франсуа Рейналь (1713-1796) и Симон Никола Анри Ленге (1736-1794), прямо писавшие об эксплуатации предпринимателями наемных рабочих и об антагонизме между этими классами. Да и сами французские историки приближались к этой идее, что можно видеть на примере работ и Ф. Гизо, и Ф. Минье.

Французские историки эпохи Реставрации были идеологами буржуазии. Они обратили внимание на ту классовую борьбу, которая обеспечила приход буржуазии к власти. Но ту классовую борьбу, которая угрожала господству буржуазии, они заметить не захотели. Если бы историки эпохи Реставрации занялись исследованием классов и классовой борьбой в буржуазном обществе, то с неизбежностью бы поняли, что ни завоевание, ни насилие само по себе взятое, ни законодательная деятельность государства не могут объяснить возникновение и существование тех или иных отношений собственности. Им бы пришлось обратиться к политической экономии. Но хотя они знали о существовании этой науки, ее достижения оказались ими неустраиваемыми.

А между тем именно в результате ее развития было установлено, что существуют два качественно отличных вида отношений собственности. Первый вид — правовые, волевые по своей природе, отношения собственности. Именно эти и только эти отношения имелись в виду, когда французские историки вели речь об имущественных отношениях. Эти отношения действительно были производными от воли. Но кроме этих отношений собственности существует другой их вид — экономические отношения собственности, которые проявляются и существуют как отношения распределения и обмена материальных благ. Имущественные отношения, или волевые, отношения собственности были производными от этих фундаментальных связей.

4. Возникновение политической экономии и открытие социально-экономических отношений

Экономические отношения существовали всегда, на всех этапах развития человеческого общества. Но долгое время их не замечали и не изучали. Их стали исследовать лишь начиная с XVI в. Только в это время стала зарождаться наука об экономических отношениях — политическая экономия. Связано это было со становлением капиталистических социально-экономических отношений. Капиталистические экономические отношения были первыми, которые были замечены и стали объектом исследования. И это неслучайно.

Дело в том, что все докапиталистические экономические отношения были скрыты под покровом имущественных, т. е. волевых, отношений собственности. Люди видели волевые отношения собственности, но не замечали экономических отношений собственности. Капиталистические экономические отношения собственности были первыми, которые прорвали покров волевых отношений собственности, выступили как нечто самостоятельное, качественно отличное от имущественных отношений и тем самым стали зримыми.

Капиталистическое общество было первым в истории человечества индустриальным обществом. В этом обществе ведущая роль принадлежит не сельскохозяйственному производству, а обрабатывающей промышленности. Переход к индустриальному обществу предполагал появление достаточно крупных хозяйственных ячеек, специализированных на производстве того или иного вида промышленной продукции. Как следствие, для индустриального общества характерно существование необычайного широкого общественного разделения труда. Каждая вещь в таком обществе есть продукт труда не отдельного работника, а множества производителей, занятых в разных отраслях производства и в разных хозяйственных ячейках.

Производство каждого конкретного продукта всегда происходит в одной из множества хозяйственных ячеек, каждая из которых является при капитализме ячейкой частной собственности. Поэтому необходимым условием не просто даже нормального функционирования, а вообще функционирования общественного производства в таком обществе является непрерывная циркуляция средств производства между хозяйственными ячейками и соответственно постоянная координация их производственной деятельности.

При капитализме это осуществляется посредством рынка. Все продукты покидают хозяйственную ячейку, в которой они были созданы, в форме товаров. Соответственно, непрерывная циркуляция продуктов труда между хозяйственными ячейками облекается в форму обмена товарами, приобретает облик товарного обращения. Но товарный характер производства при капитализме обусловлен не только и даже не столько разделением труда между хозяйственными ячейками. Он вытекает из самой сути капиталистического производства. И мелкое промышленное (ремесленное) производство, которое тоже было специализированным, предполагало ту или иную форму обмена, в частности и товарообмен. Но ремесленник создавал тот или иной вид продукта для того, чтобы взамен получить набор вещей, необходимых для обеспечения существования и самого себя, и своей семьи. На капиталистическом же предприятии продукт создается исключительно для продажи и целью является получение максимально возможной прибыли. Капитализм без рынка в принципе невозможен.

Каждый товар имеет не только потребительную ценность, но и стоимость, которая выражается в цене. Когда продукт поступает на рынок, цена его не может быть установлена его собственником произвольно. Она зависит не только от его стоимости, но и от спроса и предложения. Когда данного продукта произведено больше, чем нужно обществу, цена на него падает, производить его становится невыгодным и производство его сокращается или даже совсем прекращается. Если данного продукта производится меньше, чем необходимо, цена на него поднимается, и становится выгодным производить его в большем количестве. Соответственно, производство его растет. Так рынок осуществляет координацию производственной деятельности частно-владельческих хозяйственных ячеек.

Цены на рынке все время колеблются, причем независимо от воли и сознания продавцов и покупателей. Капиталист с неизбежностью сталкивается на рынке с конкурентами, предлагающими такой же товар. Чтобы победить соперников, капиталист должен либо продавать по той же цене, что и они, товар более высокого качества, либо предлагать товар того же самого качества, но по более низкой цене. Но существует объективный предел снижения цены — издержки производства. Продавать товар по цене, равной издержкам, тем более не окупающей этих издержек производства, капиталист не может. Он в таком случае с неизбежностью разорится.

Чтобы продавать товар по более низкой цене, чем конкуренты, и в то же время получить прибыль, капиталист должен снизить издержки производства. Один из важнейших способов достижения такой цели — внедрение более совершенной техники и технологии. Но когда он добивается таким образом снижения издержек производства и обходит своих конкурентов, у последних не остается никакого другого выхода, кроме как заняться тем же самым — внедрением новой техники. В противном случае они с неизбежностью разорятся. Так рынок диктует капиталистам, как им нужно действовать, чтобы не только уцелеть, но и получить максимальную прибыль.

Капиталист, чтобы выжить, должен непрерывно вести самый точный расчет. Прежде чем заняться производством того или того продукта, капиталист должен прикинуть, во сколько ему обойдется его производство этого товара, найдет ли этот товар сбыт, много ли у него будет конкурентов, как будет складываться рыночная конъюнктура к тому времени, когда его товар поступит в продажу. Каждый капиталист есть не только продавец, но и покупатель. Как продавец он стремится продать по возможно большей цене, как покупатель — купить как возможно дешевле, но при том по возможности лучшего качества. Необходимостью для него является самое точное калькулирование издержек производства, соотношение цены и качества и т.п. и т.д.

Капиталистическое общество возникло одновременно как общество индустриальное и общество рыночное. Рынок возник задолго до капитализма. Рынки встречаются даже в предклассовом обществе, не говоря уже о докапиталистических классовых обществах. Рынки были на Древнем Востоке и в античном мире. Но даже в античном обществе в пору его расцвета, когда товарно-денежные отношения достигли небывалой для древности степени развития, рынок играл в экономике периферийную роль. До капитализма существовали экономики с рынком, но никогда и нигде не было рыночной экономики.

Капиталистическая экономика — первая в истории человечества рыночная экономика. При капитализме рынок не просто существует и действует. Он является регулятором общественного производства. Рынок при капитализме есть общественная форма, в которой осуществляется процесс производства.

При капитализме все экономические отношения в обществе выступили в форме рыночных, товарно-денежных. И люди в большей степени начали осознавать, что эти отношения существуют независимо от их воли и сознания, являются отношениями объективными. Рынок представляет собой объективную систему отношений, функционирующую по объективным законам. И когда рынок возник, людям ничего другого не оставалось, по крайней мере в экономической сфере, как приспособливаться к этой объективной реальности. Рынок не просто существует и действует независимо от сознания людей. Он выступает как объективная сила, заставляющая людей действовать именно так, а не иначе. Он определяет сознание и волю людей, формирует у них определенные мотивы, стимулирует их деятельность, заставляет людей поступать именно так, а не иначе. И это относится не только к капиталистам.

Если капиталистов заставляет так или иначе действовать диктуемое рынком стремление к выгоде, то людей, не владеющих средствами производства, — порожденная рынком же нужда. Человек, чтобы жить, должен удовлетворять по меньшей мере хотя бы такие свои потребности, как, например, в пище, одежде и крове. В капиталистическом обществе единственный способ получить пищу, одежду и место под крышей — купить их на рынке за деньги. Чтобы иметь деньги, нужно что-то продать. Капиталист продает товары, созданные на его предприятии с помощью принадлежащих ему средств производства. Человек, не имеющий средств производства, может продать только одно — свою рабочую силу. Поэтому ему не остается ничего другого, кроме как искать покупателя этой силы, т. е. стать наемным работником на предприятии капиталиста.

Система рыночных отношений всегда выступает перед людьми, живущими в капиталистическом обществе, как объективная сила. Особенно наглядно это проявляется во время экономических и финансовых кризисов. Перед этими катастрофами люди столь же беспомощны, как и перед природными бедствиями. Они не могут их отворотить и становятся их жертвами.

Конечно, и при капитализме существует право, существуют волевые отношения собственности. И при капитализме экономические отношения собственности проявляются в правовых отношениях собственности. Каждое действие по обмену, каждая купля-продажа является правовым актом — сделкой, которая регулируется законами государства. Однако не нормы права заставляет людей продавать и покупать, не право вынуждает человека наниматься на работу к капиталисту. Действовать так заставляет рынок.

При капитализме в экономической сфере в идеале не существует внеэкономического принуждения. Капиталистическая экономика для своего функционирования в нем не нуждается. И роль права как внеэкономической силы заключается в этой области в том, чтобы не допустить внеэкономического принуждения, обеспечить неприкосновенность частной собственности и личности собственника. Не право определяет, каким должен быть рынок. Наоборот, рынок определяет, каким является право.

Общепризнанно, что для капитализма характерно экономическое принуждение. Но далеко не все делают из этого соответствующие выводы. Ведь бытие экономического принуждения означает, что система экономических отношений выступает как явление, существующее независимо от сознания и воли людей, живущих в этой системе, и прямо, непосредственно заставляющее, принуждающее этих людей действовать именно так, а не иначе, т. е. определяющее их сознание и их волю.

И люди, живущие под диктатом экономических отношений, рано или поздно с неизбежностью должны осознать вначале на уровне обыденного сознания, а затем и теоретически и существование этих отношений, и их объективность, т. е. их независимость от человеческого сознания и человеческой воли.

На житейском уровне осознание диктата товарно-денежных, рыночных отношений происходило не в адекватной форме. Характерная особенность товарного, рыночного производства заключается в том, что отношения людей, втянутых в его процесс, с необходимостью приобретают вещный характер. Иными словами, материальные производственные отношения людей с неизбежностью предстают в их глазах как вне их сознания существующие общественные отношения вещей¹⁹.

Приняв форму общественных отношений вещей, рынка, система производственных отношений выступает перед людьми как объективная реальность, к которой они должны приспосабливаться, которая не только не находится под их контролем, а, наоборот, господствует над ними, определяет их экономическую деятельность. «Величины стоимостей, — писал К. Маркс, — непрерывно изменяются, независимо от желания, предвидения и деятельности лиц, обменивающихся продуктами. В глазах последних их собственное общественное движение принимает форму движения вещей, под контролем которого они находятся, вместо того, чтобы его контролировать»²⁰. Великий экономист назвал это товарным фетишизмом.

¹⁹ Маркс К. Капитал. Т. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. Т. 23. С. 43-165; Они же. Экономические рукописи 1857-1859 годов, первый вариант «Капитала». Ч. 1. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч... Т. 46. Ч. 1. С. 99-108.

²⁰ Маркс К. Капитал. Т. 1... С. 85.

Наиболее ярко осознание власти товарно-денежных отношений над людьми как господства над ними вещей проявилось в представлении о владычестве над ними товара, являющегося всеобщим эквивалентом, деньгами — золотом. Достаточно вспомнить знаменитые куплеты Мефистофеля из оперы Шарля Гуно (1818-1893) «Фауст» (1859):

На Земле весь род людской
Чтит один кумир священный.
Он царит над всей вселенной.
Тот кумир — телец золотой.

В умилении сердечном, прославляя истукан,
Люди разных каст и стран
Пляшут в круге бесконечном,
Окружая пьедестал, окружая пьедестал.
Сатана там правит бал, там правит бал.

Этот идол золотой
Волю неба презирает,
Насмехаясь, изменяет
Он закон небес святой!
В угожденье богу злата
Край на край идет войной.
И людская кровь рекой
По клинку течет булата.
Люди гибнут за металл, люди гибнут за металл.
Сатана там править бал, там правит бал...

Таким образом, с возникновением капитализма открытие экономических отношений стало неизбежным. Однако процесс научного осознания их существования, причем существования объективного, был далеко не прост. С началом становления капитализма стал возникать единый экономический комплекс в масштабах целой страны, подобного которому в истории человечества никогда не существовало. С этого времени начинают говорить о народном, или национальном, хозяйстве. С появлением такого всеобщего хозяйства возникает настоятельная нужда в экономической политике государства.

Необходимостью становится принятие и проведение такой политики. И экономическая наука первоначально возникает как такая область знания, которая должна помочь людям, стоящим у власти, выработать наиболее правильную, наиболее выгодную для государства экономическую политику.

Первая экономическая концепция и вытекающая из нее практика получили название *меркантилизма*. Она зародилась в XVI в. Одним из первых выдающихся представителей меркантилизма был Антуан Монкретьен (1575/6-1621). Именно ему новая наука была обязана своим названием. В 1615 г. в Руане увидела свет его книга, носившая название «Трактат политической экономии».

Термин экономика возник в результате сочетания двух греческих слов. Первое из них «ойкос», означавшее домовое хозяйство, в состав которого, кроме членов семьи, могли входить зависимые люди, в частности рабы: второе — «номос» — закон. Уже в античной Греции стали появляться книги, целью которых было научить искусству ведения этого хозяйства — ойкономии (экономии).

Целью А. Монкретьена было подчеркнуть, что в его работе речь идет о ведении не домашнего хозяйства, а хозяйства страны, государства. Греческий термин для обозначения государства — «полития». Отсюда и термин «политическая экономия», т. е. наука об экономике государства, страны.

Уже меркантилисты стремились не только предложить определенную экономическую программу, но и разобраться в самой экономике.

Капиталистическая экономика на поверхности выступает как рынок, как система отношений обмена, а люди, втянутые в эту систему, исключительно лишь как продавцы и покупатели. Если принять во внимание, что меркантилисты особое внимание обращали на международную торговлю, то нетрудно понять, почему они занимались в основном лишь сферой обращения. Собственно производством они пренебрегали.

Их прежде всего интересовала прибыль, которая у них сводилась к торговой прибыли. Такую прибыль можно было получить одним путем: покупая товары по одной цене, а продавая по другой, более высокой. Поэтому их не мог не заинтересовать механизм образования и изменения цен. Так они подошли к проблеме стоимости и закона стоимости. Но решить ее они не могли. Помимо всего прочего мешало и то, что внешняя торговля, которая находилась в центре их внимания, нередко носила в те времена характер неэквивалентного обмена.

Следующий шаг был сделан двумя выдающимися экономистами XVII в. — англичанином Уильямом Петти (1623-1687) и французом Пьером Лепезаном де Буагильбером (1646-1714). Они явились родоначальниками буржуазной классической политэкономии. Оба они пришли к выводу, что источник богатства нужно искать не в сфере обращения, а в сфере производства.

Исследуя стоимость товара, У. Петти пришел к выводу, что она определяется затратами труда. Так в политическую экономию наряду с обращением был введен труд, а тем самым и производство. У. Петти заложил основы трудовой теории стоимости. Это позволило ему открыть закон стоимости и тем самым проложить путь к пониманию законов движения капиталистического способа производства.

О законах, управляющих обществом, говорили и раньше. Но это были лишь слова. Закон стоимости — первый открытый людьми реальный закон общественного движения. И было совершенно ясно, что этот закон существует и действует независимо от сознания и воли людей. Люди не могут отменить этот закон. Единственное, что остается им: считаться с этим законом, соотносить с ним свои действия. У. Петти одним из первых понял, что в экономике действуют законы столь же объективные, что и законы природы. Поэтому он назвал их естественными законами, естественными в смысле объективных.

Своеобразие капиталистического способа производства состоит в том, что отношения распределения при нем проявляются в отношениях обмена и поэтому они не сразу заметны. Если подходить чисто внешне, то создается впечатление, что при капитализме вообще нет отношений распределения, а существуют лишь отношения обмена. Когда У. Петти перенес внимание с товарного обращения на производство, стало ясным, что все, чем люди обмениваются, является продуктом труда, и что этот продукт, прежде чем поступить в обращение, должен быть распределен между членами общества. Так было обнаружено, что за отношениями обмена скрываются отношения распределения. У. Петти интересовала не торговая прибыль, а рента, из которой он выводил и промышленную прибыль, и процент. Обращал он внимание и на такую форму получения доли общественного продукта, как заработная плата. У. Петти ставил вопрос о законах, которые естественным образом определяют ренту и заработную плату.

Несмотря на достижения названных выше, а также целого ряда других экономистов, политическая экономия все же так и не стала в их трудах подлинной теоретической дисциплиной. Первая настоящая система политэкономии была создана А. Смитом и изложена в его знаменитом «Исследовании о природе и причинах богатства народов» (1776). Другой крупнейший представитель английской (точнее — британской) классической политической экономии — Давид Рикардо (1772-1823), основная работа которого носит название «Начала политической экономии и налогового обложения» (1817). В трудах этих выдающихся ученых политическая экономия выступила как истинная наука о системе капиталистических экономических отношений.

В центре внимания А. Смита и Д. Рикардо был, конечно, не обмен, не обращение, а производство, причем как сельскохозяйственное, так и промышленное. Но они, как все вообще политэкономы, занимались исследованием не собственно производства, а той общественной формы, в которой оно осуществлялось, т. е. системы социально-экономических отношений. В их трудах получила глубокую разработку трудовая теория стоимости, а рыночный закон стоимости окончательно выступил как регулятор, координатор и двигатель общественного производства.

Отношения по распределению национального дохода, а не обмена товарами — важный объект исследования у А. Смита, и главный у Д. Рикардо.

Результатом было открытие ими классов, на которые распадалось капиталистическое общество. «Весь годовой продукт земли и труда каждой страны, или, что то же самое, вся цена этого годового продукта, — писал А. Смит, — естественно, распадается, как уже было замечено, на три части: ренту с земли, заработную плату труда и прибыль на капитал — и составляет доход трех различных классов народа: тех, кто живет на ренту, тех, кто живет на заработную плату, и тех, кто живет на прибыль с капитала. Это три главных и первоначальных класса в каждом цивилизованном обществе, из дохода которых извлекается в конечном счете доход всякого другого класса»²¹.

А. Смит прекрасно видел, что в основе распределения национального дохода лежало распределение факторов производства. В основе получения ренты лежала собственность на землю, в основе получения прибыли — собственность на капитал, т. е. на средства производства, заработную плату получали люди, которые могли предложить лишь свой труд.

Со всей отчетливостью это было сформулировано Д. Рикардо, который писал: «Продукт земли — все что получается с ее поверхности путем соединенного приложения труда, машин и капитала — делится между тремя классами общества, а именно: владельцами земли, собственниками денег или капитала, необходимого для ее обработки, и рабочими, трудом которых она обрабатывается»²².

²¹ Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М., 1962. С. 194.

²² Рикардо Д. Начала политической экономии и налогового обложения // Соч. Т. 1. М., 1955. С. 30.

Выявив, что земельная рента представляет собой вычет из прибыли капиталиста, Д. Рикардо по существу свел три класса капиталистического общества к двум основным. А далее им был четко сделан вывод об обратной зависимости размеров прибыли и заработной платы. Стоимость национального дохода распадется на заработную плату и прибыль (включая ренту). Увеличение прибыли капиталиста достигается за счет уменьшения заработной платы, возрастание заработной платы означает сокращение прибыли. Отсюда у Д. Рикардо вытекает вывод о принципиальной противоположности классовых интересов буржуазии и пролетариата.

Вполне понятно, что и А. Смит, и Д. Рикардо рассматривали экономические отношения как объективные, как не только не зависящие от сознания и воли людей, но, наоборот, определяющие их сознание и волю, по крайней мере в сфере обращения и производства. У них не было сомнения в объективности экономических законов.

Как подчеркивал А. Смит, каждый капиталист «преследует лишь собственную выгоду, причем в этом случае, как и во многих других, он невидимой рукой направляется к цели, которая совсем и не входила в его намерения; при этом общество не всегда страдает от того, что эта цель не входила в его намерения. Преследуя свои собственные интересы, он часто более действительным образом служит интересам общества, чем тогда, когда сознательно стремится делать это»²³. Под невидимой рукой А. Смит понимает здесь стихийное действие объективных законов капиталистической экономики.

²³ Там же. С. 332.

Когда классики британской политической экономии окончательно пришли к выводу об объективном характере экономических отношений, то перед ними, пусть в неявной форме, встал вопрос: а почему в Англии и не только в ней существуют именно такие, а не иные экономические отношения? И ответ, который давался ими, был довольно прост: потому что иных экономических отношений быть не может. Они существовали всегда, ибо вытекают из самой природы человека.

Нарисовав в своей работе картину исторического развития от падения Западной Римской империи до своего времени, упомянув о существовании у древних греков и римлян рабства, а в средневековой Западной Европе — крепостных крестьян, А. Смит тем не менее упорно утверждает, что в каждом цивилизованном обществе всегда существуют одни и те же классы: получателей земельной ренты, получателей прибыли на капитал и людей, живущих на заработную плату. Буржуазное общество он считает единственно возможным, естественным и вечным.

Сходных взглядов придерживалось и большинство последующих экономистов. Однако с накоплением знаний им становилось все труднее игнорировать существование и других, кроме капиталистической, экономических систем. Многими из них выход был найден опять-таки в той же человеческой природе. Люди склонны не только обмениваться, но и прибегать к насилию. И в результате применения силы единственная естественная экономическая система могла быть искажена или даже полностью разрушена, заменена, разумеется, лишь на время, неестественной, извращенной, искусственной системой.

Как писал по этому поводу К. Маркс: «Экономисты употребляют очень странный прием в своих рассуждениях. Для них существуют только два рода институтов: одни — искусственные, другие — естественные. Феодалные институты — искусственные, буржуазные — естественные. В этом случае экономисты похожи на теологов, которые тоже устанавливают два вида религий. Всякая чужая религия является выдумкой людей, тогда как их собственная религия есть эманация бога»²⁴.

²⁴ Маркс К. Ницета философии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. Т. 4... С. 142.

Такие точки зрения продолжают существовать и в наше время. Одни экономисты и сейчас утверждают, что никакой экономики, кроме рыночной, капиталистической, вообще нет и быть не может. Другие допускают существование наряду с естественной капиталистической системой систем искусственных, неестественных. Если ограничиться лишь современными российскими экономистами, то можно назвать Николая Петровича Шмелева²⁵ и Николая Яковлевича Петракова²⁶.

5. Превращение трехчленной периодизации истории цивилизованного общества в унитарно-стадиальную концепцию истории

Одновременно с прослеженным выше развитием философско-исторической, исторической и экономической мысли шел процесс формирования на основе рассмотренной выше трехчленной (Античность — Средние века — Новое время) периодизации истории цивилизованного общества подлинной унитарно-стадиальной концепции. Первоначально историки мало что могли сказать о существенных признаках, отличающих античные, средневековые и современные им социоисторические организмы. Но постепенно по мере накопления фактического материала и его осмысления крайне неопределенная в начале классификация начала обретать черты подлинной типологии, причем типологии стадиальной.

²⁵ См.: Шмелев Н. П. Либо сила, либо рубль// Знамя. 1989. № 1. С. 129-130.

²⁶ См.: Петраков Н. Я. Русская рулетка. М., 1998. С. 7-9, 36 и др.

Публикация античных источников и работ исследователей обществ Древней Греции и древнего Рима, из числа которых особенно выделялся вышедший в 1776-1788 гг. семитомный труд Эдуарда Гиббона (1737-1794) «История упадка и разрушения Римской империи» дали основание прийти к выводу, что античный мир базировался на рабстве.

Довольно рано началась разработка проблемы общественного строя средневековой Западной Европы. Еще первые гуманисты, в частности Фраческо Петрарка (1304-1374), поставили вопрос о происхождении феодалов (*de origine feodorum*) и других средневековых институтов. Эта проблема была объектом дискуссий историков и юристов XVI в. Одни из них считали, что корни этих учреждений уходят в античность, другие выводили их из порядков галлов или германцев, третьи склонялись к признанию их результатом германо-романского или, шире, варварско-романского синтеза²⁷. Для характеристики вначале правовых, а затем и иных институтов западноевропейского средневекового общества все чаще стало использоваться прилагательное «феодальный» и существительное «феодализм». Как считает выдающийся французский историк Марк Блок (1886-1944), эти слова обрели смысл понятий исторической науки появившихся в 1727 г. работе графа Анри де Буленвилье (1658-1722) «История древнего управления во Франции»²⁸. Затем слово «феодализм» в значении особого общественного строя стало привычным.

²⁷ См.: Kelley D. R. De Origine Feodorm: Beginnigs of the Historical Problem // Speculum. 1964. Vol. 39. №2.

²⁸ Блок М. Феодалное общество. М., 2003. С. 5.

Если первоначально под «феодальным порядком» понималась в основном лишь столь характерная для определенного периода средневековья иерархическая система, связывавшая сюзеренов и вассалов, то в последующем все больше внимания стало уделяться отношениям между господствующим классом и крестьянством, прежде всего крепостничеству. В этом отношении большую роль сыграла работа британского историка Уильяма Робертсона (1771-1793) «История царствования императора Карла V» (1769). Средневековое общество все в большей степени стало рассматриваться как основанное на крепостничестве.

Тогда же возник и вопрос о том, представляет ли феодализм специфически западноевропейское явление или же он существовал и за пределами этого региона. Большинство историков придерживалось первой точки зрения. Напротив, Вольтер в своем «Опыте о нравах и духе народов» (1756; 1769) находил феодальные порядки и в Оттоманской империи, Персии, Монголии, Перу, России. Существенный вклад в разработку проблем феодального общества внесли упомянутые выше французские историки эпохи Реставрации.

При попытке понять сущность социоисторических организмов Нового времени исследователи все чаще стали обращаться к понятиям, разработанным сторонниками той периодизации истории человечества, в основу которой была положена смена «способов жизнеобеспечения», прежде всего к понятию торгово-промышленного общества. Как наука об этом и первоначально только об этом обществе возникла политическая экономия. Понятие «капитал», появившееся впервые в XII—XIII вв. в связи с бурным развитием в Западной Европе товарно-денежных отношений, получило к XVIII в. статус научной категории. К нему добавились понятия товара, стоимости, земельной ренты, заработной платы. В XVII в. возникло, а в XVIII в. получило права гражданства и слово «капиталист». В результате, общество Нового времени в конце концов получило название капиталистического.

6. Выявление еще одной всемирно-исторической эпохи — эры Древнего Востока

Конечно, историки с самого начала знали, что до Греции и Рима на Востоке существовали государства — Египет, Ассирия, Персия и др. Некоторые мыслители, в частности Жан Боден и Луи Леруа (1510-1577), еще в XVI-XVII вв. создавали схемы, в которых Древний Восток и Античность выступали как качественно отличные стадии исторического развития. Но такие представления не получили широкого признания.

О социальных порядках обществ Древнего Востока в то время практически ничего не было известно. До начала XVII в. мало что знали европейцы и об общественном строе и современных стран Востока. Но затем положение начало меняться. Стали накапливаться материалы о специфике общественного строя стран тогдашнего Востока. В труде французского философа, врача и путешественника Франсуа Бернье (1620-1688) «История последних политических потрясений в государстве Великого Могола» (Т. 1-4, 1670-1671) было достаточно убедительно показано качественное отличие отношений собственности и вообще всех общественных порядков стран Востока (Индии, Персии, Турции) от социального строя государств Западной Европы, причем как от того, что существовал там в Средние века, т. е. феодального, так и от того, который шел ему на смену — капиталистического. Главную особенность стран Востока Ф. Бернье видел в том, что там вся земля была собственностью государства, точнее правителя государства. Это он истолковывал как отсутствие частной собственности на землю. По существу, он дал первое систематическое описание того, что в дальнейшем получило название *азиатского способа производства*.

В последующем к таким же взглядам пришли многие английские исследователи Индии, значительная часть которой оказалась к тому времени под властью Великобритании: Александр Доу в «Истории Индостана» (1770-1772), Джон Грант в «Исследовании природы земиндарского землевладения» (1790). Подобного рода воззрения развивались в работах Чарлза Паттона «Влияние собственности на общество и государство» (1797) и его брата Роберта Паттона «Принципы азиатских монархий, политически и экономически исследованные и противопоставленные тем, что действовали в монархиях Европы...» (1801).

Те исследователи XVII-XVIII вв., которые рассматривали восточные общества как особый социальный тип, отличный от рабовладельческого, феодального и капиталистического общества, в большинстве своем не характеризовали его как стадийный. Они писали в основном о современном им Востоке. Исключение составляла названная выше работа Р. Паттона, в которой к числу обществ с государственной собственностью на землю отнесены не только все современные государства Востока, но и Древняя Персия и Древний Египет.

Положение изменилось в XIX в., в котором мир Древнего Востока впервые предстал перед европейцами во всем своем величии. С этого времени исследователи все чаще стали выделять историю Древнего Востока в качестве особой самостоятельной эпохи, отличной от классической Античности. Во второй половине XIX в. деление цивилизованной истории человечества на четыре мировых эпохи — древневосточную, античную, средневековую и новую — в основном утвердилось в исторической науке.

7. Философско-историческая концепция А. Сен-Симона

В определенной степени многие из этих достижений исторической науки того времени нашли свое концентрированное выражение в философско-исторической концепции, созданной выдающимся французским мыслителем Клодом Анри де Ревруа, графом де Сен-Симоном (1760-1825).

А. Сен-Симон не сомневался в существовании первобытной эпохи в истории человечества, но на ней специально не задерживался. Почти совсем не было учтено им все то, что связано с историей Востока вообще, Древнего Востока в частности. В его концепции присутствуют лишь античная, средневековая и новая эпохи мировой истории. Но здесь им сказано новое слово. Каждую из этих эпох он совершенно четко связывает с определенной общественной системой, определенной организацией общества.

С античной эпохой он связывает общественную систему, основанную на рабстве, причем, в отличие от многих мыслителей XVIII в., он считает появление рабства огромным прогрессом в развитии человечества. Для средневековой эпохи была характерна феодально-богословская, или просто феодальная, система, базирующаяся на крепостничестве. Ее возникновение было большим шагом вперед в человеческой истории. Эпохе Нового времени соответствует индустриальная (промышленная) система.

Каждая новая общественная система является более прогрессивной, чем предшествующая. Возникновение каждой из них означает подъем человечества на новую, более высокую ступень развития. Именно переход от одной такой общественной системы к другой лежит в основе смены эпох мировой истории.

Каждую из двух первых выделенных им стадий всемирно-исторического развития А. Сен-Симон связывает с определенной формой эксплуатации человека человеком: античную — с рабством, феодальную — с крепостничеством. Но хотя ему было прекрасно известно, что для индустриальной системы характерным был наемный труд, он это оставлял в тени. Данная непоследовательность была преодолена в трудах его учеников и почитателей. В книге «Изложение учения Сен-Симона. 1828-1829», представляющей собой запись лекций Сен-Амана Базара (1791-1832), которые были прочитаны по поручению сенсимонистской школы, история цивилизованного человечества предстает прежде всего как последовательная смена форм эксплуатации человека человеком. Первая из них — рабство, следующая — более мягкая — крепостничество, а последняя — еще более ослабленная — наемный труд. Следующий шаг в истории человечества должен состоять в полном уничтожении всякой эксплуатации и возникновении общества, в котором ее не будет совсем.

Сен-Симон не только выделил три сменяющие друг друга типа общества, но и попытался раскрыть силу, действие которой определило эту смену. По Сен-Симону, переход от одной общественной системы к другой был обусловлен развитием разума, но не отдельных людей, а человечества в целом. Важнейшим законом всемирной истории А. Сен-Симон считал закон прогресса человеческого разума.

Каждая общественная система до известного момента отвечает состоянию человеческого разума, цивилизации. В ее рамках человечество может развиваться. И сама она способна совершенствоваться. Но затем человеческий разум ее перерастает. В результате между основой этой системы и состоянием разума происходит разрыв и наступает период критики, разрушения системы. За этим следует период построения новой системы, отвечающей новому уровню развития разума, достижениям цивилизации.

Говоря о разуме, А. Сен-Симон имел в виду отнюдь не мышление, а то, что сейчас принято именовать общественным сознанием. И поэтому развитие разума он не сводил лишь к росту знаний, как это делали Вольтер, Ж. Тюрго и развивавший идеи последнего известный французский мыслитель Мари Жан Антуан Никола Кондорсе (1743-1794) — автор работы «Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума» (1794). А. Сен-Симон включал туда и эволюцию религии, причем, по его мнению, именно религии долгое время принадлежала ведущая роль.

Общественное сознание, не существуя без сознания отдельных людей, в то же время не представляет собой простой суммы индивидуальных сознаний. По отношению к сознаниям отдельных людей оно выступает как нечто от них независимое и в этом смысле объективное. Именно это «объективное» сознание и выступало у А. Сен-Симона в качестве силы, приводящей общество в движение.

А. Сен-Симон догадывался об огромной роли производства и отношений собственности. Это позволило ему создать стадиальную типологию социоисторических организмов, в которой стадийные типы общества были по существу выделены по признаку сходства и различия их экономических систем. А это с необходимостью предполагало и выделение основных типов собственности, основных экономических систем.

А. Сен-Симон одним из первых обратил особое внимание на общественные классы и классовую борьбу. Именно из его идей исходили в своих трудах французские историки эпохи Реставрации. Основоположник этой школы О. Тьерри в 1813-1817 гг. был секретарем и учеником А. Сен-Симона.

Но все это не было сведено великим мыслителем в стройную систему. Ему чуждо бы представление о том, что именно развитие производства было основой исторической эволюции общества. А это понимание набирало силу в трудах целого ряда экономистов первой половины XIX в.

8. Исследование докапиталистических экономических систем и разработка общих проблем развития общественного производства в первой половине XIX в. (Т. Годскин, Р. Джонс)

Политическая экономика возникла как наука о капиталистических экономических отношениях, и вплоть до наших дней основным объектом ее исследования является капиталистическая экономика. Однако отдельные экономисты могли предпринимать и предпринимали попытки изучать и докапиталистические экономические системы и делать более или менее широкие обобщения.

В вышедшей в 1825 г. работе «Защита труда против притязаний капитала, или доказанная непроизводительность капитала» английский экономист Томас Годскин (1787-1869) занимался исследованием в основном капиталистической экономики, широко используя при этом теорию трудовой стоимости в том ее виде, который она приобрела в трудах Д. Рикардо.

Для Т. Годскина несомненно существование двух классов: капиталистов и рабочих, интересы которых противоположны и между которыми с неизбежностью идет борьба. Он не только обращает особое внимание на то, что «заработная плата изменяется в противоположном направлении по отношению к прибыли, т. е. заработная плата растет, когда прибыль падает, а прибыль растет, когда заработная плата падает»²⁹, но и делает из теории трудовой стоимости выводы, которых нет у Д. Рикардо.

²⁹ Годскин Т. Защита труда против притязаний капитала // Сочинения. М., 1938. С. 5; 2-е изд. М.: Книжный дом «Либроком»/URSS, 2011.

Только труд создает стоимость. Поэтому продукт труда рабочего должен по праву принадлежать ему, а не капиталисту. Капиталист присваивает значительную часть труда рабочего, что и делает последнего бедным. Единственный выход из нищеты — переход всего продукта труда в собственность рабочих. И пока это не произойдет, пока не восторжествует принцип справедливости, не будет мира на земле. Рабочие должны объединиться для изменения общественного строя и ниспровержения существующей системы.

Система, при которой продукт труда достается работнику, является единственной естественной экономической системой. Распределение по труду — единственная естественная форма распределения. Всякая другая его форма вытекает из искусственно созданного права собственности. Такие системы являются искусственными.

Капитализм — не единственная искусственная система. Ему в Британии и во всей Европе предшествовало личное рабство или крепостное состояние. Рабочие произошли от крепостных и рабов. Капиталисты лучше феодальных баронов. Они давно уже низвели власть прежних тиранов земли до сравнительно незначительной величины и унаследовали власть последних над всем рабочим классом. Теперь наступило время, когда все упреки, которые так долго бросались феодальной аристократии, направлены против капитала и капиталистов. Таким образом, уже в этом труде Т. Годскин не ограничивается современным ему обществом. У него проявляются элементы исторического подхода к классам и классовому делению общества.

Наиболее интересна в этом отношении другая работа Т. Годскина — «Популярная политическая экономия» (1827), в которой он развивает свои взгляды на развитие человечества в целом. Он начинает с утверждения, что необходимо различать, «*во-первых, естественные условия*, или законы, не зависящие от правительства или не исходящие из него, как, например, страсти и способности человека; законы его животного существования и отношения между человеком и внешним миром; и, *во-вторых*, социальные установления, зависящие от правительств или исходящие от них, начиная с тех незыблемых законов, в силу которых присваивается земля страны или которые жалуют страну государственным устройством... и кончая законами о регулировании торговли и административными актами, причем многие из них задаются явно целью увеличить богатство общества или направлять его распределение»³⁰. Начать, конечно, нужно с выявления естественных законов, управляющим производством и распределением.

Прежде всего люди нуждаются в пище. Ее нужно добывать, а значит трудиться. Перед людьми стоит дилемма: или работать, или умереть от голода. Работа — необходимое условие существования человека. По существу в такой форме Т. Годскин одним из первых, а, может быть, даже первым, достаточно четко выразил тезис, что основой существования человека является производство. Но тут же он добавил, что существует альтернатива: человек может работать сам, а может заставить работать на себя других. В последнем случае мы имеем дело с социальными законами, которые представляют собой насилие над естественными законами.

Во всем дальнейшем изложении речь идет прежде всего о производстве и его развитии. Прогресс производства — несомненный факт. Везде развитие шло одинаково: от собирания плодов к охоте, от ней к пастушеству, за которым последовало земледелие и, в конце концов, господство обрабатывающей промышленности. Это обусловило переход человечества от дикости, или варварства, к цивилизации.

³⁰ Годскин Т. Популярная политическая экономия // Сочинения... С. 59.

Для более точной характеристики прогресса производства Т. Годскин вводит понятие «производительная сила». Экономисты раньше писали только о производительной силе труда, имея в виду в основном лишь производительность труда. Т. Годскин, продолжая говорить о производительной силе труда, одновременно пишет о производительной силе или, иначе, о производительной способности того или иного конкретного общества: племени или страны. Прогресс производства прежде всего состоял в росте производительной силы общества. Этот рост всегда имел место, но стал особенно заметным с появлением машинной индустрии. По мнению Т. Годскина, производительная сила современной ему Англии примерно в две с половиной тысячи раз превышает производительную силу Египта той же эпохи. Причина в том, что в Англии широко применяются машины, а в Египте их нет.

Обратив внимание на то, что человек не может жить без производства, Т. Годскин пришел к выводу, что в основе развития общества лежит прогресс производства и поставил проблему движущих сил общественного производства, а тем самым и общества, базирующегося на этом производстве. Самым важным для него был вопрос об источнике развития производства, прогресса производительной силы общества. Он много бился над ним, но ни один ответ его не удовлетворил.

Как видно из сказанного, Т. Годскин одним из первых, если не первым поставил вопрос о существовании и других экономических систем, кроме капиталистической системы. Это, конечно, было известным шагом вперед. Но и капиталистическую, и другие антагонистические экономические системы он рассматривал как произвольно созданные людьми, прежде всего стоящими у власти, как искусственные. И это был, разумеется, шаг назад по сравнению с точкой зрения на капиталистические отношения как на объективные, возникающие и существующие независимо от воли людей и развивающиеся по объективным законам.

И к тому же, о некапиталистических экономических системах Т. Годскин ничего не мог сказать, кроме самых общих слов. Представление о них было у него самым неопределенным. Он, например, то различал рабство и крепостную зависимость, то отождествлял их, то различал рабов и крепостных, то ставил между ними знак равенства. Поэтому его концепция общественного развития носила крайне абстрактный характер.

Первым, кто по настоящему занялся изучением докапиталистических антагонистических способов производства, был замечательный английский экономист Ричард Джонс (1790-1853). В отличие от Т. Годскина, он был человеком очень умеренных, даже консервативных политических взглядов. Ему принадлежит несколько работ, из числа которых прежде всего следует отметить «Опыт о распределении богатства и об источниках налогов» (1831), «Вводная лекция по политической экономии» (1833), «Лекции о труде и капитале» (ок. 1833), «Политическая экономия народов» (1852).

Р. Джонс исходит из того, что политическая экономия есть наука, изучающая законы производства и распределения общественного богатства. Установив, что в разные эпохи и в разных странах общественное богатство (т. е. общественный продукт) создается и распределяется по-разному, он вводит понятие об особых, специфических формах производства и распределения общественного богатства.

Для обозначения этих особых форм общественного производства Р. Джонс использует словосочетания «способ производства и распределения», «способ распределения» и «способ производства». Под способом распределения и производства он понимает, то (1) лишь особую систему экономических отношений, являющуюся общественной формой, в которой идет производство, то (2) все производство в целом, но взятое именно в данной специфической общественной форме, т. е. особое, конкретно-историческое производство.

Способ производства и распределения, понимаемый как система экономических отношений, образует экономический строй, экономическую структуру, экономическую организацию, скелет общества, который определяет все прочие существующие в нем социальные отношения и различные проявления его духовной жизни. Поэтому существуют различные формы общества.

Дальнейшее развитие получило в трудах Р. Джонса понятие производительных сил. Если у Т. Годскина говорится о производительной силе лишь как о характеристике общества, то в работах Р. Джонса производительные силы общества выступают как нечто самостоятельное, способное к развитию.

У Р. Джонса много говорится о развитии производства. Способы производства и потребления выступают у него как ступени экономического развития. В историческом развитии человечества происходит смена способов производства и распределения богатства. Он говорит также о стадиях развития производительных сил. Но сколько-нибудь четкое представление об отношении между системой экономических связей и производительными силами общества у него отсутствует. Он лишь в самом общем виде говорит о влиянии способов распределения общественного богатства на производительные силы, а также на политический и моральный характер народов. Ничего определенного не может он сказать об источниках развития производства.

Но для него несомненно, что развитие производства и преобразования в экономической структуре общества приводит к изменениям во всем обществе. «Изменения в экономической организации общества, — писал Р. Джонс, — сопровождаются крупными политическими, социальными, моральными и интеллектуальными изменениями, затрагивающими те обильные или скудные средства, при помощи которых осуществляются задачи хозяйства.

Эти изменения неизбежно оказывают решительное влияние на различные политические и социальные основы соответствующих народов, и влияния эти распространяются на интеллектуальный характер, обычаи, манеры, нравы и счастье народов»³¹. С изменением экономического строя изменяется форма общества. На каждой новой ступени экономического развития общество обретает новую форму. Поэтому Р. Джонс пишет не только о различных формах, но и этапах развития общества.

То, что экономическая структура общества определяет все его основные особенности, у Р. Джонса не вызывает никакого сомнения. Отсюда он делает очень важный вывод: «Только точное познание этой структуры может дать нам ключ к пониманию минувших судеб различных народов мира, вскрывая их экономическую анатомию и показывая таким образом наиболее глубокие источники их силы, элементы их учреждений и причины их обычаев и характера... Нет ни одного периода древней или новой истории, на который обстоятельное знание различий и изменений в экономической структуре наций не проливало бы ясного и постоянного света. Именно такого рода знание должно научить нас понимать тайные чудеса Древнего Египта, могущество его монархов, великолепие его памятников; военную силу, с которой Греция отбивала легко возобновляемые мириады войск великого царя; юную мощь и длительную слабость Рима; переходящую силу феодальных государств; более постоянную мощь современных наций Европы...»³².

Можно спорить о том, кто стоял у самых истоков того понимания движущих сил истории и самой истории, которое в последующем получило название *экономического детерминизма*, но, безусловно, что его основные положения сформулированы Р. Джонсом с предельной четкостью.

³¹ Джонс Р. Политическая экономия народов // Экономические сочинения. Л., 1937. С. 320-321; 2-е изд. М.: Книжный дом «Либроком»/URSS, 2011.

³² Джонс Р. Вводная лекция по политической экономии // Экономические сочинения... С. 221.

В своих работах он главное внимание уделяет обществам, в которых господствовало земледелие. По существу им было введено понятие аграрного общества, отличного от промышленного, индустриального. Хотя он признает существование первобытного общества, но оно находится за пределами его исследования. Согласно его точке зрения, там, где люди занимаются земледелием, земля всегда находится в собственности немногих, и соответственно там уже существует земельная рента.

В центре его внимания — земельная рента, которую он называет просто рентой. Люди, составляющие любое земледельческое общество, прежде всего подразделяются на тех, кто платит ренту, и тех, кто получает ее. Ренту получают владельцы земли от людей, которые обрабатывают принадлежащую им землю. Система отношений между владельцами земли и теми, кто на ней работает, — главные связи внутри земледельческого общества.

Таким образом, и здесь перед нами предстает система экономических отношений, причем столь же естественная, как и капиталистическая, но только качественно иная. И здесь в основе отношений по распределению общественного продукта лежат не произвол, не насилие, а отношения по распределению средств производства, но только в данном случае прежде всего земли. Эта система также с неизбежностью порождает общественные классы, но иные, чем при капитализме. Рентные отношения образуют скелет земледельческого общества и определяют его социальные, политические и моральные черты. Поэтому изучение ренты дает ключ к пониманию такого общества. Рента, которую платят люди, обрабатывающие землю, ее владельцам, Р. Джонс называет первичной, или крестьянской. Существуют разные формы крестьянской ренты, которые Р. Джонс подвергает исследованию.

Самая древняя форма ренты с незапамятных времен существовала и продолжает существовать в Азии. Ее Р. Джонс именуется рентой райятов (райотов). Единственным собственником земли является здесь правитель государства, монарх. Поэтому все земледельцы страны обязаны платить ему ренту. Полученные доходы монарх использует на содержание своего двора, чиновничьего аппарата и армии. Люди, занимающиеся ремеслом, обслуживают монарха и его двор. Как следствие, никакой социальной силой они не являются. Когда монарх переносит столицу, все ремесленники и торговцы переселяются вслед за ним, и старый город хиреет и исчезает. Так как не существует никакой социальной силы, которая могла бы ограничить власть монарха, в подобном государстве господствует деспотизм.

Для такого общества характерно стремление к непрерывному повышению земельной ренты. Рост ренты при неизменном характере производства ведет к разрушению производительной способности райятов. Это в конце концов приводит государство к краху. На месте могущественной империи остаются руины.

Таким образом, Р. Джонс впервые дал экономический анализ того способа производства, который ранее был описан Ф. Бернье и в последующее время получил название азиатского способа производства. В Европе в прошлом, по его мнению, также преобладали такие же порядки, а затем они приняли смягченные формы и, наконец, исчезли.

В земледельческом обществе более позднего типа существует класс крупных землевладельцев. Они сами ведут хозяйство при помощи чужих рабочих рук. Чтобы избавиться от забот по пропитанию работников, хозяева земли выделяют им участки, чтобы те могли сами содержать себя. А за это землевладельцы требуют от них работы на остальной земле. Это — рента трудом.

При такой форме ренты крестьянин находится в личной зависимости от землевладельца. Земельная аристократия, имея собственный источник дохода, не зависящий от воли монарха, ограничивает власть последнего. Р. Джонс неоднократно употребляет слово «феодализм», но понимает под ним систему иерархических отношений внутри класса землевладельцев. Поэтому, с его точки зрения, феодализм существовал только в Западной Европе и лишь в Средние века.

Неэффективность такого рода хозяйства делает неизбежным замену его издольной арендой. При такой форме землевладелец предоставляет работнику землю и снабжает его капиталом. Крестьянин-арендатор самостоятельно ведет хозяйство и платит землевладельцу ренту продуктами. Он является лично свободным человеком.

В стройную картину эволюции форм земельной ренты диссонансом врываються Античная Греция и Рим. Там земля вначале обрабатывалась рабами, а затем им на смену пришли издольные арендаторы. И это произошло задолго до того, как во Франции и Англии вначале утвердилась рента трудом, а затем сменилась издольщиной.

В земледельческом обществе с издольной арендой проявляются ремесленники и мастеровые. Некоторые из них, разбогатеv, начинают нанимать работников. Так возникает класс капиталистов, отличный от классов наемных рабочих, землевладельцев и земледельцев. Этот класс иногда появляется и в сельском хозяйстве и берет в свои руки земледелие. Таких капиталистов обычно называют фермерами. Ренту, которую они платят земледельцам, можно назвать вторичной, или фермерской.

В целом же при капитализме центр тяжести перемещается с земледелия на промышленность. Основная масса населения капиталистического общества не занимается земледельческим трудом. Капитал выступает как мощный двигатель производительных сил. Рост капитализма приводит к появлению и широкому использованию машин. Но и капитализм является преходящей формой общественного производства и общественного устройства. На смену ему рано или поздно придет новый строй, при котором рабочие станут собственниками средств производства.

В трудах Р. Джонса был сделан большой шаг вперед в понимании развития общества. Он увидел и источник общественных идей, и основу общества в системе социально-экономических отношений. Однако дать ответ на вопрос, чем определяется характер социально-экономических отношений, а тем самым и на вопрос, почему в одну эпоху существуют одни социально-экономические отношения, а в другую — иные, и почему одна социально-экономическая система сменяется в истории человечества другой, он оказался не в состоянии. Поэтому он не смог до конца открыть объективное социальное бытие и соответственно создать целостную концепцию основы общества и движущих сил истории. Эту задачу решили только Карл Генрих Маркс (1818-1883) и Фридрих Энгельс (1820-1895).

**Глава 2. Открытие объективного источника
общественных идей (объективного социального
бытия) и создание материалистического понимания
истории**

1. Открытие объективного социального бытия

К. Маркс был одним из величайших теоретиков политической экономии. Он прекрасно знал современное ему капиталистическое общество. Ему, как и другим экономистам, было совершенно ясно, что капиталистические экономические рыночные отношения существуют независимо от сознания и воли людей, живущих в системе этих отношений, и определяют их сознание и волю. Капиталистический рынок есть не что иное, как общественная форма, в которой идет производство. Капитализм представляет собой прежде всего определенную систему общественного производства и тем самым определенный тип общества.

В Средние века такой системы общественного производства не было. Но производство существовало. Люди и в это время создавали общественный продукт. Но по-другому. Если при капитализме основным создателем общественного продукта был наемный рабочий, то в Средние века — зависимый от феодала крестьянин. В Средние века тоже существовали экономические отношения, но иные, чем при капитализме, — отношения феодальные. И эти феодальные отношения были столь же объективными, как и капиталистические, и тоже определяли сознание и волю людей, живущих в системе этих отношений. Иначе говоря, здесь мы также сталкиваемся с определенной системой общественного производства, но качественно иной, чем капиталистическая. И эта экономическая система определяла тип общества.

В Античную эпоху основным производителем был не наемный рабочий и не феодально-зависимый крестьянин, а раб. Система рабовладельческих экономических отношений была общественной формой, в которой в ту эпоху шло производство. И эта качественно отличная и от капиталистической, и от феодальной система общественного производства определяла тип общества.

Таким образом, для каждой из трех всемирно-исторических эпох — античной, средневековой и новой — прежде всего было характерно существование определенной экономической системы: для первой — рабовладельческой системы, для второй — феодальной, для третьей — капиталистической. Смена экономических систем лежала в основе смены типов общества и тем самым исторических эпох.

К. Маркс не ограничился констатацией этого факта. Им было сделано важное обобщение. Человек качественно отличается от всех животных. И это различие прежде всего состоит в том, что животное только приспосабливается к среде, присваивает при помощи органов своего тела вещи, порожденные природой, а человек преобразует среду, создает вещи, которых в природе не существует. Основной признак человека — производство материальных благ.

И это производство всегда происходит в определенной общественной форме, которую образует система социально-экономических отношений определенного типа. Существует несколько качественно отличных типов социально-экономических (производственных) отношений, и, соответственно, несколько качественно отличных друг от друга их систем, которые в последующем получили название *общественно-экономических укладов* (рабовладельческий, феодальный и т. п.). Каждая такая система социально-экономических отношений является общественной формой, в которой происходит процесс производства. Производство, взятое в определенной общественной форме, есть не что иное, как определенный *способ производства* (рабовладельческий, феодальный и т. п.). Способов производства, т. е. качественно отличных видов общественного производства, существует столько, сколько существует общественно-экономических укладов.

Но самый важный из вопросов, вставших перед К. Марксом, состоял в том, почему в ту или иную эпоху существует именно этот, а не другой способ производства, и почему в историческом развитии одни способы производства сменяются другими, что лежит в основе смены способов производства. Это был тот роковой вопрос, который, правда, не в такой, а в иных формах вставал перед его предшественниками и на который они не смогли дать ответа. Помочь здесь не могли ни ссылка на природу человека, ни на его разум.

К. Маркс и Ф. Энгельс жили в XIX в. В Европе в то время сосуществовали капиталистические и некапиталистические социоисторические организмы. На глазах этих мыслителей в Европе развертывался промышленный переворот и происходили социальные революции. Везде, куда проникала машинная индустрия, рушились феодальные и иные докапиталистические отношения, некапиталистические социоисторические организмы превращались в капиталистические.

На этой основе были сделаны широкие обобщения. Каждая система экономических отношений была общественной формой, в которой шел процесс создания общественного продукта. Общественный продукт создавался определенной силой, которую составляли работники, вооруженные средствами труда. Эти люди вместе со средствами труда, которые они приводили в движение, составляли *производительные силы* общества. И бросалось в глаза, что в разные эпохи разными были не только системы экономических отношений, но и производительные силы общества.

Одной производительной силой были люди, вооруженные каменными топорами, иной — люди, которые создавали нужные им вещи с помощью бронзовых орудий, и совсем другой — люди, которые использовали в своей производственной деятельности машины, приводимые в действие паром. Разные стадии производства отличались друг от друга не только типами экономических отношений, но и уровнем развития производительных сил. Отсюда был сделан вывод о зависимости типа существующих в обществе социально-экономических отношений от уровня развития его производительных сил. Уровень производительных сил общества определяет существующую в нем систему социально-экономических (производственных) отношений. Изменение производительных сил общества рано или поздно ведет к тому, что одна система экономических отношений сменяется качественно иной их системой. А вместе с тем меняется и тип общества.

К выводу о том, что система социально-экономических отношений определяет сознание и волю людей в явной или неявной форме пришли многие мыслители еще до Маркса. Но никто из них не мог объяснить, почему эти отношения являются именно такими, а не иными. Ссылка на природу человека ничего не давала. А любая попытка найти какие-либо иные факторы почти всегда с неизбежностью заставляла вращаться в порочном кругу. И этот круг всегда разрывался так, что при этом экономические отношения оказывались в зависимости от сознания, т. е. теряли свою объективность.

К. Маркс впервые нашел объективную, независимую от сознания и воли людей основу социально-экономических отношений — уровень развития производительных сил. И тем самым они впервые выступили у него как отношения объективные и только объективные, как отношения, определяющие сознание и волю людей и в то же время ни прямо, ни косвенно не зависящие от их сознания и воли. Так, наконец, было открыто объективное социальное бытие, так марксизмом наконец-то была решена проблема, над которой бились целые поколения мыслителей.

Раскрывая значение этого, а также и других открытий К. Маркса, Владимир Ильич Ленин (1870-1924) писал: «История философии и история социальной науки показывают с полной ясностью, что в марксизме нет ничего похожего на „сектанство“ в смысле какого-то замкнутого, замкнутого учения, возникшего в *стороне* от столбовой дороги развития мировой цивилизации. Напротив, вся гениальность Маркса состоит именно в том, что он дал ответы на вопросы, которые передовая мысль человечества уже поставила. Его учение возникло как прямое и непосредственное *продолжение* учения величайших представителей философии, политической экономии и социализма»¹.

К. Маркс, исходя из материалистической традиции, называл открытое им объективное социальное бытие просто общественным бытием, подчеркивая тем самым его первичность по отношению к общественному сознанию. Ранее уже указывалось, что словосочетание «общественное сознание» имеет два несколько отличных друг от друга значения. Первое — совокупность всех вообще представлений людей о мире, включая их знания о природе. Это общественное сознание в широком смысле. Второе значение словосочетания «общественное сознание» — представления людей исключительно лишь об общественных явлениях. Это общественное сознание в узком смысле. Оно было выше названо «*социарным сознанием*».

¹ Ленин В. И. Три источника и три составные части марксизма // Полн. собр. соч. Т. 23. С. 40.

Говоря о первичности общественного бытия по отношению к общественному сознанию, К. Маркс имел в виду общественное сознание в узком смысле этого слова. Объективное социальное бытие, т. е. система социально-экономических отношений, определяет взгляды и представления людей об обществе, их волю и их действия, а тем самым и все прочие общественные отношения. Эти последние, возникнув, тоже существовали вне сознания и в этом смысле их система также представляла собой социальное бытие, но только иного рода, чем бытие социально-экономических отношений. Социально-экономические отношения существовали не только *вне* сознания, но и *независимо* от сознания. Они были объективными и только объективными. Прочие же общественные отношения, существуя *вне* сознания, в то же время *зависели* от него. Эти отношения создавались людьми, которые в своей деятельности руководствовались сознанием и волей. Эти отношения были производными от воли людей, т. е. волевыми. Волевые общественные отношения вместе с их узлами, которые именуются институтами, учреждениями и т. п., образовывали не *объективное социальное бытие*, как система социально-экономических отношений, а *субъективно-объективное бытие*.

Таким образом, в обществе (в отличие от природы) существует два качественно отличных вида бытия. Первый вид — существующее *вне* и *независимо* от сознания и воли, т. е. объективно существующее. Таким бытием являются только социально-экономические отношения. Именно этот вид реальности имел в виду К. Маркс, говоря об общественном бытии. Второй вид — существующее *вне* сознания и воли людей, но *зависящее* от сознания и воли. Эти два вида социальной реальности были выше названы соответственно объективным социальным бытием и субъективно-объективным социальным бытием.

Как уже указывалось, К. Маркс пользовался только термином «общественное бытие», причем применительно лишь к объективному социальному бытию. Особого термина для обозначения субъективно-объективного социального бытия у него не было. Но не различая эти два вида социальной реальности терминологически, он различал их по существу. Когда он рассматривал исключительно лишь отношения между объективным социальным бытием и социальным сознанием, то использовал термины «общественное бытие» и «общественное сознание». Он здесь просто подчеркивал, что общественное бытие первично по отношению к общественному сознанию, представляет собой объективный источник общественных идей.

Когда же речь у него заходила об отношении объективного общественного бытия к социальному сознанию и субъективно-объективной социальной реальности, вместе взятым, то становилось ясным, что термин «общественное бытие» здесь не работает. Ведь субъективно-объективная социальная реальность представляла собой не что иное, как особый вид бытия. Отношение объективного социального бытия и субъективно-объективного социального бытия было отношением двух видов общественной реальности, первый из которых был фундаментом, основой другого.

Поэтому неизбежным было появление еще двух новых понятий — *базиса* и *надстройки*. По отношению к социальному сознанию и субъективно-объективному социальному бытию, вместе взятым, объективное социальное бытие выступало как их базис, а тем самым и как фундамент всего общества в целом, социальное же сознание и субъективно-объективное бытие, вместе взятые, — как надстройка над этим базисом.

Эти открытия означали не что иное, как такой разрыв того порочного круга, в коем вращались все домарксистские материалисты и вообще все мыслители, пытавшиеся найти материальные факторы истории, который вел не к социоисторическому идеализму, а к социоисторическому материализму.

Напомню, что у домарксистских материалистов получалось, что общественная среда (т. е. социальная реальность) определяла общественное мнение (т. е. социальное сознание), а последняя в свою очередь определяла общественную среду. К. Маркс в том, что мыслители прошлых лет называли общественной средой, выделил два качественно отличных компонента. Один из них — система социально-экономических отношений, которая не зависит от социального сознания и определяет его. Другой компонент — система волевых отношений (субъективно-объективное социальное бытие), которая зависит от социального сознания, определяется им. И в результате все стало на свое место.

Как только был открыт объективный источник общественных идей (социального сознания) — объективное социальное бытие, материализм был достроен до верху, до конца. Он стал теперь материализмом во взглядах не только на природу, но и на общество. Материализм Маркса есть материалистическое понимание не только природы, но и общества, а тем самым и истории. Уже этим он качественно отличается от всех остальных видов материализма.

Словосочетание «материалистическое понимание истории» в литературе иногда применяется для обозначения не только марксистской теории исторического процесса, но и различного рода концепций, в которых решающая роль отводится не сознанию, а тем или иным материальным, чаще всего природным, факторам (биологическим, географическим, экологическим и т. п.)². «В частности, — писал английский философ Бертран Артур Уильям Рассел (1872-1970), — философским материализмом не предполагается, что экономические причины являются основными в политике.

² См., например: *Михайловский Н. К.* О г. П. Струве и его «Критических заметках по вопросу об экономическом развитии России» // Русское богатство. 1894. № 10. Отд. 2. С. 50; *Бернгейм Э.* Введение в историческую науку. 2-е изд. М.: Книжный дом «Либроком»/URSS, 2011. С. 10-11; *Kohl P.L.* Materialist Approaches in Prehistory // ARA. Vol. 10. Palo Alto, 1981.

Взгляды Бокля, например, согласно которым климат — один из решающих факторов, равно совместимы с материализмом. Это относится и к взглядам Фрейда, который во всем обнаруживает секс. Существует бесчисленное множество способов рассмотрения истории, которые являются материалистическими в философском смысле слова, не будучи при этом экономическими и не подпадая под формулу Маркса»³.

«Нельзя забывать, — вторит ему, например, российский историк Ефим Борисович Черняк, — и того, что исторический материализм — лишь одна из разновидностей материалистического истолкования истории, выводы из которых порой прямо противоположны марксистскому видению процесса развития общества в новое и новейшее время. Отвергая марксизм, многие историки, не только отечественные, но и зарубежные, сознательно или неосознанно, даже считая себя сторонниками иных философско-исторических идей, на практике придерживаются материалистического понимания истории»⁴.

В действительности точка зрения и Б. Рассела, и Е. Б. Черняка глубоко ошибочна. Подлинное материалистическое понимание истории предполагает выявления объективного *не за пределами* общества, *не вне* общества, а в самом обществе, т. е. в системе общественных отношений. А единственными объективными социальными отношениями являются социально-экономические. Именно они и только они образуют объективное социальное бытие. Поэтому единственным пониманием истории, заслуживающим название материалистического, является марксистская ее теория. Исторический материализм, который может быть только марксистским и никаким другим, является одновременно теорией и общества, и его истории, совмещает в себе социальную философию и философию истории (историософию).

³ Рассел Б. Практика и теория большевизма. М., 1991. С. 68.

⁴ Черняк Е.Б. Цивилиография. Наука о цивилизации. М., 1996. С. 5.

2. Всемирная история как естественно-исторический процесс развития и смены общественно-экономических формаций

Создание материалистического понимания истории означало одновременно открытие и объективного источника общественных идей (объективного социального бытия), и основы, базиса общества, и движущих сил истории.

Так как, согласно материалистическому пониманию истории, фундаментом, базисом любого конкретного общества, т. е. социоисторического организма, является определенная система социально-экономических

(производственных) отношений, то естественным было положить в основу классификации социоисторических организмов господствующие в них общественно-экономические уклады или, что в данном отношении то же самое, способы производства. Социоисторические организмы, в которых господствует один и тот же общественно-экономический уклад, относятся к одному и тому же типу. Социоисторические организмы, в которых доминируют различные способы производства, относятся к разным типам.

Типы социоисторических организмов, выделенные по такому признаку, получили название *общественно-экономических формаций*. Последних существует столько, сколько существует основных способов производства. Общественно-экономические формации — не просто типы общества. Они суть такие типы общества, которые одновременно представляют собой стадии развития человеческого общества. Всемирная история с такой точки зрения есть прежде всего процесс развития и смены общественно-экономических формаций, в основе которого лежит процесс развития материального производства.

К тому времени, когда возник марксизм, науке были достаточно хорошо известны три таких способа производства: рабовладельческий, феодальный и капиталистический. К ним К. Маркс добавил существовавший, по его мнению, на Древнем Востоке особый способ производства, который он назвал азиатским. Исходя из тех материалов, которые легли в основу представления о дикости как первой стадии развития человеческого общества, а также трудов этнографов XIX в., прежде всего работы американского исследователя Льюиса Генри Моргана (1818-1881) «Древнее общество» (1877), К. Маркс пришел к выводу о существовании в прошлом человечества первобытно-коммунистического (первобытно-общинного) способа производства. Таким образом, схема всемирной истории, созданная К. Марксом, включала в себя пять общественно-экономических существовавших и существующих формаций: первобытно-общинную, «азиатскую», античную (рабовладельческую), феодальную и капиталистическую. По мысли К. Маркса, на смену капиталистической общественно-экономической формации в будущем должна была прийти коммунистическая. Но это была уже область не истории, а социальной прогностики, футурологии и политики.

В основе развития и смены общественно-экономических формаций лежали развитие и смена основных способов производства. Развитие производства представляет собой единство эволюции производительных сил и производственных отношений. Ведущим в этом единстве является развитие производительных сил. Прогресс производительных сил лежит в основе развития социально-экономических отношений и смены их типов, а тем самым смены способов производства и соответственно общественно-экономических формаций.

Но сам этот прогресс производительных сил происходит в результате воздействия производственных отношений. На всех стадиях развития человеческого общества всегда существовал один и тот же и в то же время разные источники развития производительных сил. Один источник, ибо при всех способах производства стимулом развития производительных сил были социально-экономические отношения, и разные источники, ибо разным способам производства были присущи качественно отличные системы социально-экономических отношений. На всех этапах развития человеческой экономики единственными стимулами развития производительных сил были производственные отношения, но так как эти отношения на разных этапах были разными, то соответственно и стимулы развития производительных сил были неодинаковыми.

Но те или иные определенные производственные отношения обуславливали развитие производительных сил лишь до поры до времени. По достижении производительными силами определенного уровня производственные отношения того или иного типа переставали стимулировать развитие производительных сил. Наступал застой или даже деградация производительных сил. В результате возникала необходимость в появлении производственных отношений нового, более высокого типа, которые обеспечили бы дальнейший прогресс производительных сил.

Таким образом, источник развития общественного производства заключен в самом производстве. Общественное производство есть саморазвивающаяся система. Эволюционируя по своим собственным объективным законам, общественное производство определяет развитие общества. В результате, история человечества представляет собой, как выражался К. Маркс, естественно-исторический процесс, происходящий по законам, независящим от сознания и воли людей. Так, К. Марксом впервые в истории философско-исторической мысли была создана такая унитарно-стадиальная концепция мировой истории, которая не только выделяет стадии поступательного развития общества, но и раскрывает силы, определявшие переход от одной такой стадии к другой, более высокой.

3. Объективный источник императивов человеческой деятельности

Вполне понятно, что с появлением материалистического понимания истории был в принципе решен и вопрос об объективном источнике общественных императивов вообще (он был рассмотрен во второй книге цикла (II.17)), требований морали в частности.

Там уже говорилось о моральных оценках действий человека как добрых или злых. Эти оценки имеют объективную основу — интересы общества, уходящие в конечном счете своими корнями к системе социально-экономических отношений. Добро — действия людей, совпадающие с интересами общества, служащие этим интересам. Эти действия одобряются обществом. Зло — действия людей, идущие вразрез с интересами общества, наносящие ему ущерб. Подобного рода действия влекут за собой санкции со стороны общества, осуждаются им. У обществ с разными социально-экономическими структурами представления о добре и зле могут не совпадать. Но они всегда существуют и лежат в основе оценки обществом поступков своих членов. Мораль как форма общественной воли диктуется интересами общества, которые объективны, ибо имеют своей основой систему объективных социально-экономических отношений. А эта общественная объективная по своему содержанию воля определяет волю всех членов общества.

Интересы общества заставляют его предъявлять к человеку определенные требования. И эти императивы, эти требования общества к своему члену не выступают перед последним как что-то совершенно ему чуждое. Ведь интересы общества — одновременно и интересы каждого его члена. Конечно, у каждого человека имеются и собственные его интересы, не совпадающие с общественными. Но общественные интересы, если не прямо, то в конечном счете являются и интересами всех членов общества. В силу этого требования общества к человеку выступают перед ним как его долг перед обществом. Объективное совпадение интересов общества с интересами индивида дает основание для превращения требования общества к индивиду в его требования к самому себе. Так возникает чувство *долга*. Человек теперь сам стремится к тому, чего требует от него общество. Он теперь не просто заставляет себя так поступать, он просто не может поступать иначе. Одновременно с чувством долга формируется чувство *чести*. Честь человека состоит в неуклонном следовании требованиям долга. Поступки человека, идущие вразрез с его долгом, пятнают его честь, лишают его чести. Одновременно с чувством чести возникает чувство человеческого *достоинства*. Достоинство человека состоит в следовании велениям долга и чести. Вместе с понятиями долга, чести и достоинства возникает новая оценка действий человека. Они рассматриваются теперь обществом не только как добрые и злые, но и как честные и бесчестные, как достойные и недостойные настоящего человека. Так, человеческие поступки оценивает теперь не только общество, но и сам человек, их совершивший.

Чувства долга, чести и достоинства вместе взятые порождают чувство *совести*. Совесть — внутренний суд человека над самим собой, когда человек оценивает свои собственные действия с тех же позиций, с которых их судит общество. Если эти поступки идут вразрез с требованиями общества и велениями долга, человек испытывает угрызения совести, муки совести, которые нередко являются более страшными, чем физические страдания.

Чувства долга, чести и совести образуют важнейший компонент человеческого духа, костяк его морального облика, ядро человека как общественного существа. Именно они представляют собой систему императивов, определяющих поведение человека. С формированием этих чувств общественные отношения, продолжая свое бытие вне человека, начинают одновременно существовать и в нем самом, входят, хотелось бы сказать, в его плоть и кровь. Но хотя такое высказывание красочно, оно тем не менее неточно. Императивы, имеющие корни в общественных отношениях, имплантируются в человеческий дух.

В конечном счете, то, каким становится человек, определяет социально-экономическая структура общества. Однако она формирует личность человека не прямо, не непосредственно. Прямо, непосредственно личность человека формируется под влиянием существующей в обществе программы поведения, а этой программой является культура, ведущую роль в которой играет общественная воля, мораль.

Так, общественные отношения формируют человека, становятся его сущностью. Как говорил К. Маркс: «Сущность человека не есть абстракт, присущий отдельному индивиду. В своей действительности она есть совокупность всех общественных отношений»⁵.

⁵ Маркс К. Тезисы о Фейербахе // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. Т. 3. С. 3.

Глава 3. Открытие материального источника активности мышления и создание диалектического материализма

1. Открытие материального источника активности мышления

Открытие объективного социального бытия дало ключ к решению всех тех проблем, с которыми не могли справиться старые материалисты. Система определенных социально-экономических отношений представляет собой общественную форму, в которой идет процесс производства. Производство есть отличительный признак человека. Животные лишь приспосабливаются к среде, они используют предметы, которые дает природа. Человек же создает вещи, которых нет в природе. Он преобразует, переделывает природу. Производство есть основа человеческой жизни. Стоит прекратиться процессу производства, и человечество погибнет.

И раньше философы замечали не только идеальную активность человека, но и его практическую, материальную активность. Но при этом почти все они, причем не только идеалисты, но и материалисты, принимали духовную активность за первичную, а материальную — за вторичную, производную. Основание для такого вывода: человек вначале ставит цель, планирует свои действия и лишь потом действует. Поэтому даже такой убежденный материалист, как выдающийся русский ученый и публицист Николай Гаврилович Чернышевский (1828-1889), считал самой собой разумеющимся, что предки человека вначале поумнели, а уже затем начали пользоваться орудиями и изготавливать их ¹.

¹ Чернышевский Н. Г. Очерк научных понятий по некоторым проблемам всеобщей истории // Избранные философские сочинения. Т. 3. М., 1951. С. 619-620, 637-640.

На таких позициях стоят и многие современные не только философы, но и естествоиспытатели. Крупный американский нейропсихолог Элхонон Голдберг, который много занимался проблемой активности человеческого сознания, писал «Развитие нейронной системы, способной к созданию и сохранению образов будущего, — лобных долей — можно рассматривать как необходимое предварительное условие для производства орудий, и, таким образом, для появления человека и начала человеческой цивилизации, как она обычно определяется»².

Важный шаг к истинному пониманию отношения мышления и практики был сделан Иоганном Готлибом Фихте (1762-1814), который провозглашал, что философы должны не ограничиваться изучением мира, а принимать самое активное участие в его изменении к лучшему. «Стоять и жаловаться на человеческое падение, не двинув рукой для его уменьшения, значит, — писал он, — поступать по-женски. Карать и злобно издеваться, не сказав людям, как им стать лучше, не по-дружески. Действовать! Действовать! — вот для чего мы существуем»³. Отсюда вытекал вывод о примате практического разума над теоретическим, дела над мыслью. «Мы должны признать, — заявлял он, — что мы вообще действуем и что мы должны действовать определенным образом; мы принуждены признать определенную сферу этого действия; эта сфера — действительно, на самом деле, существующий мир, такой, каким мы его находим; и наоборот — этот мир исключительно только сфера наших действий и ничего больше.

² Голдберг Э. Управляющий мозг. Лобные доли, лидерство и цивилизация. М., 2003. С. 49.

³ Фихте И. Г. О назначении ученого. М., 1935. С. 132.

Из этой потребности действовать вытекает сознание мира, не наоборот — сознание, потребность действовать из сознания мира: потребность действовать — первоначальное, сознание мира — производное. Мы не потому действуем, что познаем, а познаем потому, что предназначены действовать. Практический разум есть корень всякого разума»⁴. Но в конечном счете само дело представало у И. Фихте как совершающееся в сознании. Дело было действием, хотя и практического, но тем не менее все же разума.

Одним из немногих, кто догадался, что первичным в отношении мысли и дела является не мысленное, а реальное дело, совершающееся не в сознании, а в объективном мире, был великий немецкий поэт и мыслитель Иоганн Вольфганг Гёте (1749-1832). Эту догадку он вложил в уста Фауста, размышляющего над переводом первой строки евангелия от Иоанна:

Написано: «Вначале было Слово»,
И вот уже одно препятствие готово:
Я Слово не могу так высоко ценить.
Да, в переводе текст я должен изменить,
Когда мне верно чувство подсказало,
Я напишу, что Мысль — всему начало.
Стой, не спеши, чтоб первая строка
От истины была недалеко!
Ведь Мысль творить и действовать не может!
Не Сила ли начало всех начал?
Пишу и вновь я колебаться стал,
И вновь сомненье душу мне тревожит.
Но свет блеснул — и выход вижу, смело
Могу писать: «Вначале было дело!»⁵

⁴ *Фихте И.* Предназначение человека // Фихте И. Факты сознания. Назначение человека. Наукоучение. Минск; М., 2000. С. 662-663.

⁵ *Гёте И. В.* Фауст / Пер. Н. А. Холодковского // Гёте И. В. Стихотворения. Страдания молодого Вертера. Фауст. М., 1998. С. 193.

Но если И. В. Гёте лишь догадывался о первичности реального дела и вторичности мысли, то К. Маркс и Ф. Энгельс, выявив роль производства как основы существования общества, это положение обосновали. Они поняли, что если в каждом конкретном производственном (и не только производственном) акте человека идеальное творчество предшествует материальному, то в общеисторическом масштабе все обстояло как раз наоборот: материальное творчество, возникнув до и без идеального творчества, с неизбежностью вызвало к жизни духовное творчество. Чтобы производственная деятельность могла успешно развиваться, необходимо было появление принципиально новой формы отражения мира. Необходимостью стало создание образов еще не существующих вещей. А это было невозможным без отражения общего, прежде всего качества вещей, а также существенных, прежде всего причинных, связей между объективными явлениями.

Таким образом, источник активности сознания не в природе самой по себе и не в организме человека, а в преобразовании природы человеком. «Как естествознание, так и философия, — писал Ф. Энгельс, — до сих пор совершенно пренебрегали исследованием влияния деятельности человека на его мышление. Они знают, с одной стороны, только природу, а с другой — только мысль. Но существеннейшей и ближайшей основой человеческого мышления является как раз *изменение природы человеком*, а не одна природа как таковая, и разум человека развивался соответственно тому, как человек научался изменять природу»⁶.

⁶ Энгельс Ф. Диалектика природы // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. Т. 20. С. 545.

Именно исходя из положения о том, что производство лежит в основе общества, Ф. Энгельс в работе «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека» выдвинул тезис, что труд создал человека⁷. Написанная в 1876 г. и опубликованная впервые в 1896 г. статья практически была мало известна палеоантропологам и археологам, исключая советских ученых. Тем более важно подчеркнуть, что к настоящему времени высказанная в ней идея стала общепризнанной в научном мире. И самое главное, сейчас совершенно твердо установлено, что между появлением первых искусственных орудий и началом формирования мышления и языка прошло около 1 млн лет. Орудия начали изготавливать хабилисы, появившиеся около 2,6-2,5 млн лет назад, а зачатки мышления и языка обнаруживаются лишь у архантропов (питекантропов, синантропов, атлантропов и т. п.), которые пришли на смену хабилисам около 1,9-1,8 млн лет назад⁸.

Так был открыт объективный источник активности сознания. Основой идеальной активности человека оказалась его материальная активность, его практическая деятельность и прежде всего его деятельность по созданию материальных благ, производственная.

2. Создание диалектического материализма

Именно выявление первичности роли производственной, а тем самым всей практической деятельности вообще позволило К. Марксу и Ф. Энгельсу понять значение того великого открытия в философии, которое было сделано Г. Гегелем. Как уже указывалось (II.9; 1; 3), этот немецкий философ открыл, что мышление есть не только субъективная деятельность человека, но и объективный процесс, идущий по объективным законам, являющимся одновременно и наиболее общими законами самодвижения мира.

⁷ Энгельс Ф. Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека // Энгельс Ф. Диалектика природы...

⁸ Подробнее см.: Семенов Ю. И. Как возникло человечество. Изд. 2-е (с новым предисловием и приложениями). М., 2002; Он же. На заре человеческой истории. М., 1989.

Но открытый им процесс движения предельно общих понятий (категорий диалектики) по предельно общим законам мира (законам диалектики) был им мистифицирован: оторван от человека и превращен в существующую совершенно самостоятельно и творящую мир абсолютную идею.

Необходимым было трезвое, материалистическое осмысление этого открытия. Натурматериалисты оказались неспособными это сделать. Главная причина заключалась в том, что они, будучи не в состоянии найти материальный источник активности мышления, отрицали существование этой его активности. Взгляд на мышление как на саморазвивающийся процесс был для них совершенно неприемлемым. Он, в частности, не был принят даже Людвигом Андреасом Фейербахом (1804-1872), который прежде чем стать материалистом прошел школу Гегеля.

К. Маркс и Ф. Энгельс, открыв роль производства, а тем самым практики вообще, сумели сделать то, что не удалось Фейербаху. Они создали материалистическую диалектику. Тем самым они завершили тот переворот в философии, начало которому положил Г. Гегель. Возникло новое понимание философии. Изменился ее предмет. Если у Г. Гегеля философия выступала не только как наука о разумном мышлении, диалектика, но и как общая картина мира, включающая в себя натурфилософию, то марксистская философия окончательно стала наукой о разумном мышлении — диалектикой, которая, в отличие от гегелевской диалектики, является диалектикой не идеалистической, а материалистической. В материалистической диалектике, или, что то же самое, диалектическом материализме были слиты воедино теория познания (гносеология, эпистемология), логика (теория мышления) и онтология. Как писал В. И. Ленин: «Если Маркс не оставил „*Логики*“ (с большой буквы), то он оставил *логику* „Капитала“, и это следовало бы сугубо использовать по данному вопросу. В „Капитале“ применена к одной науке логика, диалектика и теория познания [не надо 3-х слов: это одно и то же] материализма, взявшего все ценное у Гегеля и двинувшего сие ценное вперед»⁹.

⁹ Ленин В. И. План диалектики (логики) Гегеля. Философские тетради // Полн. собр. соч. Т. 29. С. 301.

«Современный материализм, — писал, характеризуя начатый Г. Гегелем и завершенный марксизмом переворот в философии, Ф. Энгельс, — является по существу диалектическим и не нуждается больше ни в какой философии, стоящей над всеми прочими науками. Как только перед каждой отдельной наукой ставится требование выявить ее место во всеобщей связи вещей и знаний о вещах, какая-либо особая наука об этой всеобщей связи становится излишней. И тогда из всей прежней философии самостоятельное существование сохраняет еще учение о мышлении и его законах — формальная логика и диалектика. Все остальное входит в положительную науку о природе и обществе»¹⁰.

На основании этого высказывания Ф. Энгельсу иногда приписывается мысль о вхождении формальной логики в состав философии. На деле у него речь идет лишь о самостоятельном существовании этой науки, и никак не больше. И эта наука действительно существует вполне самостоятельно, все более отдаляясь от философии. Созданную им совместно с К. Марксом философию Ф. Энгельс всегда понимал только как материалистическую диалектику, или диалектический материализм. Как писал он в черновом наброске «Введения» к «Анти-Дюрингу»: «Гегелевская система была последней, самой законченной формой философии, поскольку философия мыслится как особая наука, стоящая над всеми другими науками. Вместе ней потерпела крушение вся философия. Остался только диалектический способ мышления...»¹¹.

¹⁰ Энгельс Ф. Анти-Дюринг. Переворот в науке, произведенный господином Евгением Дюрингом // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. Т. 20. С. 25.

¹¹ Энгельс Ф. Анти-Дюринг... С. 23. Сноска.

Неоднократные заявления Ф. Энгельса о крушении с появлением марксизма всей прежней философии, некоторыми и марксистами, и мыслителями, стоящими на иных позициях, были истолкованы как тезис о конце всякой философии и тем самым об отсутствии ее у марксизма. В лучшем случае, полагали они, у марксизма есть только метод познания, но не теория познания (гносеология) и не предельно общий взгляд на мир (предельно общее мировоззрение, онтология), т. е. философия.

В самом начале своей деятельности на такой позиции стоял В. И. Ленин. «С точки зрения Маркса и Энгельса, — писал он в работе „Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве“ (1895), — философия не имеет права на отдельное самостоятельное существование, и ее материал распадается между разными отраслями положительной науки»¹². Эта точка зрения не была последовательно выдержана В. И. Лениным и в указанной работе, а затем он от нее полностью отказался. «Признает ли референт, — обращался он в 1908 г. с вопросом к Александру Александровичу Богданову (1873-1928), который, полностью перейдя на позиции идеализма, продолжал настаивать на своей принадлежности к числу марксистов, — что философия марксизма есть *диалектический материализм*? Если нет, то почему не разобрал он ни разу бесчисленных заявлений Энгельса об этом»¹³.

¹² Ленин В. И. Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве // Полн. собр. соч. Т. 1. С. 438.

¹³ Ленин В. И. Десять вопросов референту // Полн. собр. соч. Т. 18. С. 5.

В. И. Ленин, по-видимому, имел в виду прежде всего известное высказывание Ф. Энгельса в «Анти-Дюринге». «Современный материализм, — писал великий мыслитель, — отрицание отрицания — представляет собой не просто восстановление старого материализма, ибо к непреходящим основам последнего он присоединяет еще все идейное содержание двухтысячного развития философии и естествознания, как и самой этой двухтысячелетней истории. Это вообще уже больше не философия, а просто мировоззрение, которое должно найти себе подтверждение и проявить себя не в некоей особой науке наук, а в реальных науках. Философия, таким образом, здесь „снята“, т. е. „одновременно преодолена и сохранена“, преодолена по форме, сохранена по своему действительному содержанию»¹⁴.

В советской философской литературе долгие годы безраздельно господствовало представление о том, что К. Маркс и Ф. Энгельс вначале сотворили диалектический материализм и уже затем, распространив его положения на явления общественной жизни, создали исторический материализм. «Диалектический материализм, — говорил в 1923 г. на лекциях по марксистской философии Семен Яковлевич Вольфсон (1894-1941), — сломал диктатуру идеализма в области объяснения исторического процесса. Перенесение основных принципов диалектического материализма в сферу исследования социальных отношений родило *материалистическое понимание истории*»¹⁵. «Исторический материализм, как мы знаем, — вторил ему другой советский философ Ф. Месин (наст. имя — Фаина Абрамовна Коган-Бернштейн), — есть примененный к истории материализм. Исторический материализм срощся с известным великим мировоззрением, вместе с которым он стоит и падает. Маркс и Энгельс пришли в философии к материалистической позиции еще до того, как они развили свою историческую концепцию»¹⁶. Это положение повторялось во всех учебных пособиях по философии и тех философских трудах, в которых затрагивалась эта проблема. Как явствует из всего сказанного выше, данный тезис глубоко ошибочен.

¹⁴ Энгельс Ф. Анти-Дюринг... С. 142.

¹⁵ Вольфсон С.Я. Диалектический материализм. Ч. 1, 2. Минск, 1923. С. 117.

¹⁶ Месин Ф. Новая ревизия материалистического понимания истории. К критике книги К. Каутского о «Материалистическом понимании истории». М., 1929. С. 8.

Не возникновение диалектического материализма привело к созданию исторического материализма, а, наоборот, только возникновение материалистического понимания истории сделало возможным создание диалектического материализма. Пока не было исторического материализма, не мог существовать диалектический материализм. Отстаивание тезиса о первичности диалектического материализма и вторичности исторического свидетельствует о непонимании самой сути марксистской философии.

Открытие К. Марксом и Ф. Энгельсом объективного общественного бытия, выявление роли практической, прежде всего производственной, деятельности и создание материалистической диалектики сделало возможным решение всех тех проблем, с которыми не могла справиться вся предшествующая философская мысль: ни материалистическая, ни идеалистическая. Это прежде всего проблема проникновения общего из объективного мира в сознание человека, проблема детерминизма и проблема свободы и необходимости.

Глава 4. Возникновение производства и вместе с ним познания общего — мышления

1. Коренное, качественное отличие человеческой деятельности от деятельности животных

Как уже указывалось еще во второй книге цикла (II.7.3), и животные не просто созерцают мир. Они приспосабливаются к миру, взаимодействуют с ним и даже в известной степени воздействуют на него, производя определенные изменения тех или иных природных вещей. Хищники терзают свои жертвы, превращая тем самым живые организмы в куски мяса, обезьяны поглощают плоды, листья, корни, насекомых и т. п., жвачные животные щиплют траву. Муравьи сооружают муравейники, бобры — плотины, медведи — берлоги, кроты — норы. Известно, что шимпанзе в отдельных случаях используют камни, палки, пучки растений для защиты от хищников, для разбивания пальмовых орехов, ветки — для выживания термитов из их жилищ, листья — для стирания грязи и крови с тела, для извлечения воды, скопившейся в дуплах деревьев. При этом иногда с используемых в качестве орудий ветвей предварительно срывались листья, сдиралась кора, их разламывали и расщепляли ¹.

¹ Подробнее об этом см.: Семенов Ю. И. На заре человеческой истории. М., 1989. С. 49-51; Он же. Как возникло человечество... С. 727-729.

Отсюда нередко делались и делаются выводы, что различие животных как существ, приспособляющихся к среде, пользующихся только готовыми дарами природы, и людей как существ, создающих вещи, которых в природе нет, занимающихся производством предметов, преобразующих природу, не имеет под собой сколько-нибудь прочной основы. Люди создают предметы, чтобы лучше приспособиться к среде. Некоторые животные тоже приспособляются к среде с помощью не только органов тела, но различного рода предметов, включая и созданные ими. Таким образом, различие между животными и человеком, если оно и имеет место, то носит не качественный, а количественный характер.

Согласиться с таким выводом нельзя. Суть различия между животным и человеком состоит прежде всего в том, что последний заставляет одни материальные, вне его тела находящиеся предметы таким образом воздействовать на другие материальные внетелесные же объекты, что последние превращаются в качественно иные вещи, нужные ему для удовлетворения потребностей, не являющихся непосредственно биологическими. Именно с этого начинается материальное производство в точном научном смысле этого слова.

Как образно выразился Г. Гегель в «Энциклопедии философских наук»: «Разум столь же *хитер*, сколь *могуществен*. Хитрость состоит вообще в опосредствующей деятельности, которая позволив объектам действовать друг на друга соответственно их природе и истощать себя в этом воздействии, не вмешиваясь вместе с тем непосредственно в этот процесс, все же осуществляет лишь *свою* собственную цель»². Эту мысль он развил в «Лекциях по философии истории». «Человек с его потребностями, — говорил он, — практически относится к внешней природе и, удовлетворяя при ее посредстве свои потребности, он играет при этом роль посредника.

² Гегель Г. Энциклопедия философских наук. Т. 1. Наука логики. М., 1974. С. 397.

А именно, предметы, существующие в природе, могучи и оказывают многообразное сопротивление. Чтобы справиться с предметами, человек вставляет между ними другие предметы, существующие в природе; следовательно, он пользуется природой против самой природы и изобретает *орудия* для достижения этой цели. Эти человеческие изобретения принадлежат духу, и такое орудие следует ставить выше, чем предмет, существующий в природе»³.

Первой формой производственной деятельности в точном значении этого словосочетания были действия по изготовлению орудий при помощи орудий. Как уже отмечалось, первыми существами, которые стали изготавливать орудия при посредстве орудий, были хабилисы, появившиеся 2,6-2,5 млн лет тому назад. На этом основании многие ученые считают их уже людьми.

На мой взгляд, согласиться с этим невозможно. У хабилисов не было ни мышления, ни языка. Вся их деятельность, включая производственную, не была целенаправленной, сознательной, волевой. Их производственная деятельность, будучи по своему содержанию уже человеческой, по своей форме была еще условно-рефлекторной, животной. И пока эта деятельность не начала освобождаться от этой животной формы, она была неспособна к сколько-нибудь существенному прогрессу. Ее настоящее поступательное развитие началось только тогда, когда она стала освобождаться от животной формы, стала превращаться в сознательную, целенаправленную, волевою, т.е. в человеческую, деятельность.

О том, что человеческая деятельность является целенаправленной, сознательной, волевой, говорят все, но далеко не все понимают, что это значит. Поэтому в этом вопросе нужно разобраться более детально.

³ Гегель Г. Философия истории... С. 227.

Не только в обиходе, но и научной литературе часто встречается характеристика деятельности животных как сознательной, целенаправленной и даже волевой. К этой проблеме мне еще придется вернуться (V.2.1). Здесь же я попытаюсь выявить реальные основания достаточно широкого распространения этого взгляда.

В качестве примера я остановлюсь на работах крупного специалиста по физиологии высшей нервной деятельности, действительного члена АН СССР Петра Кузьмича Анохина (1898-1974). Он специально подчеркивает, что деятельность животных является «целесообразной», «целенаправленной», «целеустремленной», «произвольной» и даже «свободной»⁴. Это отнюдь не означает, что П. К. Анохин отрицает рефлекторный характер деятельности животных. Просто-напросто, с его точки зрения, понятия «целенаправленной деятельности» и «рефлекторной деятельности» ни в малейшей степени не исключают друг друга: рефлекторная деятельность может быть и является целенаправленной, а целенаправленная деятельность может быть и является рефлекторной. Тем самым он стирает грань между человеческой и животной деятельностью. Рефлекторный характер животной деятельности ни коей мере не мешает ей быть целенаправленной, и соответственно целенаправленный характер человеческой деятельности никак не препятствует ей быть одновременно и рефлекторной.

В основе игнорирования П. К. Анохиным отличия между животной и человеческой деятельностью лежит полное непонимание сущности различия между животным и человеком. Он не только животную, но человеческую деятельность характеризует как «приспособительную»⁵. Это, разумеется, грубая ошибка. Животная деятельность действительно является приспособительной. Что же касается человеческой деятельности, то суть ее в том, что она является не приспособительной, а преобразовательной.

⁴ Анохин П. К. Методологический анализ узловых проблем условного рефлекса // Философские вопросы физиологии высшей нервной деятельности и психологии. М., 1963. С. 201-203, 208.

⁵ Там же. С. 211.

И дело здесь не просто в терминологии. Под приравнением животной деятельности к человеческой П. К. Анохиным подводится определенная концептуальная база в виде созданного им учения об «опережающем отражении». «Приспособление к будущим событиям, „предвосхищение будущего“; — пишет он, — рассматривались только как достояние человека и считались признаком наиболее высокоцелесообразных процессов мозга»⁶. А он, П. К. Анохин, открыл, что «опережающее отражение» присуще не только человеку, но и животным.

Что же он имеет в виду, когда говорит об «опережающем отражении» у животных. Возникновение образов (точнее, квазиобразов) того, что пока еще не существует, но должно в будущем возникнуть? Нет, конечно. Речь у него идет о сигнальных раздражителях, которые позволяют животному отыскать пищу, избежать опасности и т. п. и ни о чем другом. В мозгу животного не возникает при этом никаких других образов, кроме образов уже существующих вещей.

Характеристика деятельности животных как целенаправленной глубоко ошибочна. Но эта ошибка выросла из абсолютизации определенной, бросающейся в глаза ее реальной особенности — направленности этой деятельности. Она действительно носит отчетливый направленный характер. И так как для обозначения направленности деятельности в обыденном языке существует только одно словопонятие — «целенаправленность», то им с неизбежностью и пользуются. Деятельность животных действительно всегда направлена, но только не к цели, а к определенному результату. Она является *результато-ориентированной, результативно-направленной*, или, короче, *результативной* деятельностью.

⁶ Анохин П. К. Методологический анализ узловых проблем условного рефлекса // Философские вопросы физиологии высшей нервной деятельности и психологии. М., 1963. С. 187.

Результативным, но иными способами, является и функционирование созданных человеком искусственных систем, что и дало основание назвать их целеустремленными. Такой взгляд тоже достаточно широко распространен. Достаточно сослаться хотя бы на книгу Расселя Л. Акоффа и Фреда Э. Эмери, носящую название «О целеустремленных системах» (М., 1974).

Результато-ориентированной, результативной является не только животная, но и человеческая деятельность. Но ее результативность носит качественно иной характер, что обусловлено коренным ее отличием от деятельности животных. Животные только приспосабливаются к среде, они ищут и, если удастся, находят нужные им для удовлетворения их потребностей вещи, которые уже существуют в природе. Результаты их деятельности — нахождение и потребление предметов, которые возникают и существуют в среде независимо от этой их деятельности. Поэтому в животном мире нет объективной необходимости в возникновении и существовании отражения еще не существующих вещей.

Иное дело — человек. Он, конечно, может заниматься и такой деятельностью, которая заключается в присвоении и потреблении готовых продуктов природы. Но сущность его заключается не в присвоении, а в производстве. Он не может ограничиваться присвоением уже существующих в природе вещей, он должен создавать такие, которых в природе нет. Он может существовать только создавая вещи, которые природная среда не способна породить.

Результат главного вида его деятельности — производства — не существует и не может существовать к началу этой его деятельности. Но чтобы производственная деятельность привела к желаемому результату, настоятельно необходимо существование этого результата к ее началу. В объективном мире как материальная вещь он к этому моменту существовать заведомо не может. Единственный выход из создавшегося положения — результат деятельности должен существовать к ее началу в виде квазиобраза еще не существующего предмета, т. е. идеально. Существовая как квазиобраз еще не возникшей вещи, идеальный результат деятельности определяет ее ход и тем самым ее теперь уже не идеальный, а реальный, материальный результат. Этот идеальный результат деятельности, существующий к ее началу и определяющий ее ход, а тем самым и ее результат и есть цель.

Понятия целенаправленной, волевой, сознательной деятельности совпадают. И таковой является только человеческая деятельность. Животная же деятельность, будучи результатом-направленной, результированной, в то же время не является целенаправленной, а тем самым и сознательной и волевой. По своему механизму она представляет собой деятельность рефлекторную, у высших животных — в основном условно-рефлекторную.

Понятия целенаправленной (целеустремленной, сознательной, волевой) деятельности и условно-рефлекторной деятельности, вопреки взглядам П. К. Анохина и ряда других физиологов, не только не совпадают, а взаимно исключают друг друга. Рефлекторная деятельность не может быть целенаправленной и сознательной, а сознательная, целенаправленная волевая деятельность не может быть рефлекторной. Об этом говорил еще Рене Декарт (1596-1650) и в этом отношении он был совершенно прав.

В этой связи нельзя не заметить, что в работах П. К. Анохина обнаруживается непонимание не только различия между рефлекторной и целенаправленной деятельностью, но и взглядов Р. Декарта по этому вопросу. Он умудрился приписать ему точку зрения прямо противоположную той, что придерживался этот мыслитель. Как утверждает П. К. Анохин, «бессмертная заслуга» Р. Декарта заключается в сведении к рефлексам деятельности не только животных, но и человека⁷. Невероятно, но тем не менее факт.

2. Производство как неразрывное единство субъективной человеческой деятельности и объективного процесса превращения одних материальных вещей в другие

Как уже отмечалось и во второй книге (Ш. 15.1), и в данной (4.1), целенаправленная деятельность предполагает создание чувственного квазиобраза той вещи, которой пока нет и которую еще только предполагается изготовить. Истоки этого чувственного квазиобраза находятся не во внешнем мире, как это обстоит с восприятиями и представлениями, а в мышлении. Вначале создается понятийный каркас, который затем «обшивается» чувственным материалом. Такого рода квазиобраз был назван мыслечувственным, или мыслечувствованием.

В объективной реальности любая новая, ранее не существовавшая объективная вещь может возникнуть только в результате трансформации ранее существовавшей объективной же вещи (или вещей). В природе вещи возникают сами по себе в результате совершенно объективных, независящих от сознания и воли человека процессов. Создание новой, ранее не существовавшей вещи человеком не может не быть процессом превращения человеком какой-то уже существующей вещи — предмета труда — в нужную ему, но еще не существующую вещь — продукт труда.

⁷ Анохин П. К. Методологический анализ узловых проблем условного рефлекса // Философские вопросы физиологии высшей нервной деятельности и психологии. М., 1963. С. 195-196.

Создание человеком новой, ранее не существовавшей вещи, есть своеобразное единство противоположностей. С одной стороны, он представляет собой человеческую деятельность, деятельность субъекта. С другой, он же представляет собой объективный процесс превращения одной материальной вещи в другую. Соответственно, здесь имеют место два качественно отличных вида предопределенности. Одна из них — целевая предопределенность, другая — объективная, природная, причинно-следственная предопределенность. И они неразрывно связаны. Целевая предопределенность может проявиться только в причинно-следственной предопределенности и никак иначе.

Так как человеческая деятельность по созданию вещи всегда есть процесс превращения одной материальной вещи в другую, то в сознании человека, наряду с целью — мыслечувственным квазиобразом продукта труда — обязательно должен присутствовать чувственный образ предмета труда.

Предмет труда, в отличие от продукта труда, к началу производственной деятельности существует объективно, во внешнем мире. Действуя на органы чувств человека, он порождает восприятие. Вместе с восприятием возникает энграмма, а тем самым возможность вызова представления этого предмета. Конечно, восприятие и возникающее на его основе представление суть чувственные образы предмета труда. Но в них отражаются лишь наглядные, внешние свойства предмета. Для приспособления к миру этого достаточно. Для преобразования мира необходимо большее.

Чтобы превратить одну объективную вещь (предмет труда) в другую тоже объективную вещь (продукт труда), нужно знать, может ли первая вещь в принципе быть трансформирована во вторую. А для этого нужно знать не только внешние свойства вещи, но и ее внутренние, существенные свойства, ее качество. А качество всегда есть общее. Поэтому качество может найти свое отражение только в понятиях. Таким образом, необходимостью является «вставление», «встраивание» «вмонтажное» в представление о вещи (а тем самым и в ее восприятие) понятийного костяка. Нужно создание мыслечувственного образа предмета труда.

Но и этого недостаточно. Превращение предмета труда в продукт труда происходит в результате воздействия на предмет труда еще одной материальной вещи, которую принято называть орудием труда.

Следовательно, нужно знание о существенных свойствах, качестве орудия труда, т. е. опять-таки создание его мыслечувственного образа.

Знание качества и предмета труда, и орудия труда необходимо для того, чтобы предвидеть результаты воздействия орудия труда на предмет труда. Но только этого мало. Необходимо знание связей, причем тоже существенных, между происходящими с вещами событиями. В данном случае это связь между воздействием одной вещи на другую (орудия труда на предмет труда) и объективным результатом этого воздействия — определенным изменением второй вещи (предмета труда). Эта существенная связь есть объективная причинно-следственная связь. Выявление этой связи, отделение ее от просто временной связи, — необходимое условие успеха производственной деятельности. И эта связь открывалась производящими существами.

Чтобы знать, что произойдет в результате данного конкретного воздействия орудия труда на предмет труда, нужно обратиться к тому, что происходило ранее, в прошлом, выявить, к каким именно следствиям приводили ранее происходившие различного рода воздействия орудия труда на предмет труда. Только это может позволить понять, к каким именно результатам приведут те или иные будущие воздействия орудия труда на предмет труда.

Выявление причинно-следственных связей происходило у первых людей в своеобразной форме. Для понимания этой формы необходимо принять во внимание, что объективное воздействие орудия труда на предмет труда было одновременно и человеческим субъективным трудовым действием. Поэтому в глазах человека оно выступало не только и не столько как связь между двумя объективными событиями (между объективным воздействием одного материального предмета на другой и объективным же изменением второго предмета), сколько как связь между определенным человеческим действием (ударом орудием труда по предмету труда) и результатом этого действия (изменением предмета труда).

Выявление причинно-следственных связей в процессе производственной деятельности происходило в форме обобщающего вывода: одинаковые воздействия одинаковыми орудиями на одинаковые предметы ведут к одинаковым результатам. Затем оно приняло еще и более общую форму: одинаковые действия ведут к одинаковым результатам. Отсюда вытекало важнейшее правило деятельности по созданию новых вещей: если ты хочешь получить нужный результат действуй так, как ты действовал в тех случаях, когда нужный результат был достигнут. Но в этой связи нельзя не уточнить, что действовало это правило лишь в сфере свободной практической деятельности, к которой относилась деятельность по изготовлению орудий. В сфере зависимой практической деятельности, как это будет показано позднее (6.4; V.1.4.2), дело обстояло иначе.

Возникшее в первобытную эпоху понимание причинно-следственных связей не как связей объективных событий, а связей между актами, совершаемыми действующим субъектом, и их результатами долгое время сохранялось. Именно оно лежит в основе древнейших мифов, в которых возникновение тех или иных природных либо общественных явлений объяснялось действиями персонажей этих произведений словесности — вначале тотемистических предков, позднее — культурных героев⁸. Адекватное понимание причинно-следственных связей пришло позднее.

Открытие причинно-следственных (действие-результатных) связей позволило выявить существование множества реальных возможностей изменения предмета труда. Воздействие орудия труда на предмет труда направляется нашими действиями. И мы должны теперь выбирать: превращению какой из существующих возможностей в действительности мы будем способствовать. Действия, направленные на реализацию одной из существующих возможностей, являются одновременно и действиями по предотвращению реализации всех остальных, не нужных нам возможностей.

Возможность превращения человеком одной материальной вещи в другую посредством воздействия на нее еще одной материальной вещи заложена в существовании в мире, во-первых, объективной неопределенности, выражающейся в наличии нескольких реальных возможностей последующего хода событий, во-вторых, столь же объективной predeterminedности, проявляющейся в бытии постоянных прочных существенных зависимостей, прежде всего причинно-следственных связей. Только потому что мир есть неразрывное единство predeterminedности и неопределенности, возможно его изменение человеком.

⁸ См.: Семенов Ю. И. Тотемизм, первобытная мифология и первобытная религия // Скепсис. №3/4. Весна 2005 г.; *Он же*. Миф // Гобозов И. А. Социальная философия. Учебный словарь. М., 2008.

Крайне редко предмет труда мог быть превращен в качественно отличный от него продукт труда в результате лишь одного единственного воздействия на него орудием труда. Обычно для такой трансформации необходимо было не одно воздействие, а несколько следующих друг за другом воздействий, целая последовательность действий, целая их цепь. В таком случае процесс трансформации одной вещи в другую складывался из нескольких этапов. После каждого единичного воздействия предмет труда претерпевает определенные изменения. И каждый раз человек оказывался в ситуации, когда он должен был выбирать, реализации какой из множества возможностей он будет способствовать.

Человек, когда он сталкивается с тем, что для превращения предмета труда в продукт труда нужно совершить множество операций, никогда не мог исходить только из того, каким должно быть очередное воздействие. Если бы на каждом этапе работник совершенно заново принимал решение, руководствуясь знанием только создавшейся ситуации, то он никогда бы не пришел к цели. Необходимое условие преобразования одной вещи в другую — знание о том, каким должен быть конечный результат целой цепи действий.

Исходя из этого, человек должен заранее иметь достаточно четкое представление о том, каким будет трансформируемый предмет на каждом этапе его превращения в нужную человеку вещь и какие действия нужно будет на каждом из этих этапов предпринять. Нужно было, чтобы человек еще до начала реальной своей деятельности по превращению одного материального предмета в другой, провел это преобразование в своем сознании. Материальной трансформации одной вещи в другую должна предшествовать идеальная трансформация, превращение мыслечувственного образа предмета труда в мыслечувственный квазиобраз продукта труда, т. е. планирование всего хода действий, а тем и цепи воздействий орудия труда на предмет труда.

Для этого необходимо знание не просто отдельных причинно-следственных связей, а всей их цепочки, начиная с начального воздействия орудия труда на предмет труда и кончая последним воздействием, завершающим преобразование. Ядром, стрежнем этого идеального процесса трансформации является воспроизведенная мышлением цепочка будущих причинно-следственных связей. Без знания существенных свойств вещей и причинно-следственных связей, т. е. общего, невозможна сколько-нибудь уверенная и способная к развитию деятельность по преобразованию мира человеком.

3. К истории возникновения производственной деятельности и мышления *

Как уже указывалось, первыми создавать орудия стали существа, которые были еще не людьми, а хотя и поздними, но все же предлюдьми, а тем самым животными. Их предшественники — австралопитеки, которые тоже были предлюдьми, но только не поздними, а ранними, не создавали орудия. Но они уже отличались от всех прочих животных тем, что постоянно, систематически в своей деятельности по приспособлению к среде использовали естественные предметы в качестве орудий. Деятельность по приспособлению к среде с помощью готовых, природных, естественных орудий, которую нередко именуют *праорудийной* деятельностью, подготовила и на определенном этапе сделала необходимым переход к изготовлению орудий и использованию этих изготовленных орудий.

* Подробнее обо всем этом см: Семенов Ю. И. На заре человеческой истории...; Он же. Как возникло человечество...

Использование естественных орудий (праорудий) позволило ранним предлюдям перейти к охоте на довольно крупных животных, включая даже гиппопотамов. Ранние предлюди не обладали ни когтями, ни клыками. Поэтому они не могли разделать тушу крупного убитого животного, не используя орудия. Содрать шкуру, разрезать мясо можно было только при помощи камней, имеющих острые края. А найти такие камни было нелегко. Но систематически оперируя каменными орудиями, предлюди неизбежно должны были сталкиваться со случаями, когда одни камни ударялись о другие, разбивались — вообще претерпевали изменения. В результате могли появляться такие осколки, которые были более пригодны для применения в качестве орудий, чем исходные объекты.

Если первоначально это происходило чисто случайно, то в дальнейшем, по мере накопления опыта, предлюди начали намеренно разбивать одни камни при помощи других, а затем выбирать из массы образовавшихся осколков наиболее пригодные для использования в качестве орудий. Как свидетельствуют эксперименты, проводимые археологами, простое бросание одной каменной глыбы на другую, нередко дает кроме бесформенных осколков также и отщепы правильной формы и с четко выраженным острым краем. Такой способ изготовления орудий наблюдался наряду с другими, более совершенными, у целого ряда первобытных народов, в частности у тасманийцев.

Вероятнее всего, именно с использования такого приема и началась производственная деятельность предлюдей. Подобного рода производственная деятельность не требует и не предполагает наличие мышления и воли. Поэтому она могла зародиться до мышления и долгое время существовать без него. Наряду с описанным выше приемом разбивания в последующем возник и другой, более совершенный: предчеловек одним сравнительно небольшим камнем бил по другому такому же камню до тех пор, пока на одном из них не образовывался острый край, и он становился пригодным для использования в качестве орудия.

Но могло произойти и так, что либо один из камней, либо оба становились негодными для дальнейшей обработки. В последнем случае брались новые камни, и операция повторялась. Этот прием тоже не предполагал и не требовал мышления и воли. Не только при первом, но при втором приеме сам процесс производства происходил без контроля со стороны производящего существа. Результат процесса всецело зависел от случая.

Структура мозга хабилисов свидетельствует о том, что они не обладали даже зачатками языка и тем самым мышления. Но это не единственное доказательство. Когда действия живого существа имеют своим результатом появление новых, ранее не существовавших вещей, то на основании анализа особенностей этих предметов можно с определенной долей уверенности судить о том, направлялись эти действия мышлением или нет, а при наличии мышления установить уровень его развитости.

Все особенности древнейших каменных орудий, а таковыми были орудия хабилисов, свидетельствуют, что они появились в результате деятельности, которая не была ни сознательной, ни волевой. Формы орудий на этой стадии были крайне разнообразны. Это отнюдь не свидетельствует о высоком уровне развития каменной техники, о существовании разнообразных совершенных приемов обработки камня. Наоборот, многообразие форм орудий было следствием того, что производственная деятельность была облечена в животную условно-рефлекторную форму.

В силу того что эта деятельность не была волевой, сознательной, ее результаты во многом зависели не столько от собственных усилий производящего существа, сколько от случайного стечения обстоятельств. Как следствие, среди этих древнейших орудий трудно найти такие, которые во всем были бы похожи друг на друга.

Пока производственная деятельность носила условно-рефлекторный характер, возможность ее прогресса была крайне ограниченной, а начиная с определенного этапа дальнейшее ее поступательное развитие стало совершенно невозможным. С этого времени необходимым условием дальнейшего прогресса каменной техники стало зарождение мышления, воли, а тем самым и языка, превращения деятельности по изготовлению орудий из условно-рефлекторной в сознательную и волевую.

Специфические человеческие черты в морфологической организации вообще, в строении мозга в частности, появились только у потомков хабилисов, которых называют питекантропами, архантропами или *Homo erectus*, что означает «человек прямоходящий». Два последних термина имеют более широкое значение, чем термин «питекантроп». *Архантропам*, или *Homo erectus*, называют не только питекантропов, но другие, сходные с ними формы — синантропов, атлантропов и т. п. В том, что архантропы были уже людьми, не сомневается никто. Появились они примерно 1,9-1,8 млн лет назад. Но архантропы были людьми еще не готовыми, а формирующимися. Формирующимися были и их мышление, и их язык.

О существовании у архантропов формирующихся мышления и языка свидетельствуют особенности не только их мозга, но и создаваемых ими орудий. С переходом от хабилисов к архантропам формы орудий все в большей степени стали зависеть не столько от стечения обстоятельств, сколько от действий производителя. Работник налагал на камень отпечаток своей воли, придавал материалу нужную форму. В результате, каждая форма орудий была представлена теперь в наборе большим количеством стандартизованных экземпляров.

Самое известное из первых стандартизованных орудий — ручное рубило. Если остатки хабилисов обнаружены лишь в Африке, то части скелетов и каменные орудия архантропов — на огромной территории, простирающейся от Северного Китая и Явы на востоке до африканского и европейского побережий Атлантики на западе. И везде, где встречаются ручные рубила, они отличаются необыкновенным сходством.

Некоторые археологи особо подчеркивали, что появление стандартизованных орудий свидетельствует о возникновении не только мышления, но и общества. «Стандартизованное орудие, — писал выдающийся английский исследователь древности Вир Гордон Чайлд (1892-1957), — есть само по себе ископаемая концепция. Оно является археологическим типом именно потому, что в нем воплощена идея, выходящая за пределы не только каждого индивидуального момента, но и каждого конкретного гоминида, занятого конкретным воспроизведением этого орудия: одним словом, это понятие социальное. Воспроизвести образец — значит знать его, а это знание сохраняется и передается обществом»⁹.

Ручное рубило возникает в результате серии последовательных воздействий орудия труда на предмет труда. Его появление означает, что производящие существа были способны создавать квазиобразы несуществующих еще вещей, которые могли быть только мыслечувствованиями, а также планировать и контролировать свою деятельность по созданию этих вещей, что предполагало знание причинно-следственных (действие-результатных) связей. Вполне понятно, что мышление на первых порах было еще только формирующимся. Процесс становления человеческого мышления окончательно завершился лишь с появлением человека, который был уже не формирующимся, а готовым человеком. Им стал человек современного физического типа, которого называют *неоантропом*, или *Homo sapiens* (человеком разумным). Он появился примерно 40-35 тыс. лет тому назад.

⁹ Чайльд В. Г. Археологические документы по предистории науки // Вестник истории мировой культуры. 1957. № 1. С. 30.

Весь период от появления архантропов до возникновения неантропов был временем становления человека и общества, временем антропосоциогенеза. В течение всего этого времени шло формирование мышления. Крупным переломом в данном процессе был переход от самых первых формирующихся людей (пралюдей) — архантропов к более поздним пралюдям — *палеоантропам*, который произошел 0,3-0,2 млн лет назад.

С появлением палеоантропов связано возникновение очень своеобразного приема изготовления орудий, который носит название техники леваллуа. Раньше пралюди создавали лишь такие вещи, которые были полезны сами по себе, в частности различного рода орудия, включая уже упоминавшееся выше ручное рубило. Техника же леваллуа заключалась в том, что прачеловек много времени и труда тратил на создание вещи, которая сама по себе взятая не могла быть использована в его деятельности по приспособлению к среде. Эта вещь — тщательно оббитое со всех сторон ядрище (нуклеус), напоминающее панцирь черепахи. Когда ядрище было готово, от него откалывалась пластина довольно правильного овального, округлого или треугольного очертания, которая и использовалась в качестве орудия. Если при изготовлении ручного рубила прачеловек создавал вещь, которая непосредственно практически была ему полезна, то в случае с техникой леваллуа он творил вещь, которая была ему необходима лишь для того, чтобы из нее сделать предмет, который мог бы практически служить ему. Прачеловек в последней ситуации заглядывал в будущее значительно дальше, чем в первом случае.

Пока не было мышления и производящие существа не могли познать общего, а тем самым и причинно-следственных связей, они не могли предвидеть и направлять ход своей деятельности по созданию нужных им вещей. Они не столько сами творили предметы, сколько эти предметы возникали сами собой в результате их действий. Поэтому результаты их деятельности зависели не столько от их собственных усилий, сколько от стечения обстоятельств. При благоприятном стечении случайностей могла возникнуть вещь, которая была более или менее пригодна для использования в качестве орудия, при неблагоприятном — усилия оказывались напрасными.

Когда начало возникать мышление и особенно после того, как оно окончательно сформировалось, появилась возможность познать общее, а тем самым направлять и контролировать процесс создания вещей. Но именно лишь возможность, которая каждый раз должна была превращаться в действительность. Не будем заниматься формирующимся мышлением пралюдей, для которого существовало то, чего оно в принципе не могло постичь, т. е. непознаваемое. Для мышления готового человека — *Homo sapiens* — в принципе нет ничего непознаваемого, но всегда было и всегда будет непознанное. Поэтому и человек современного физического типа всегда обладает ограниченным объемом знаний и соответственно его производственная деятельность может быть зависимой от игры случайностей. Единственный способ обеспечить гарантированный успех производственной деятельности — знать общее: существенные свойства вещей и причинно-следственные (действие-результатные) связи, прежде всего иметь знание о том, к каким именно изменениям предмета труда приведут те или иные воздействия на него того или иного орудия труда.

4. Способ проникновения общего в человеческое мышление

Знание общего абсолютно необходимо для успешного протекания производственной деятельности. Спрашивается, каким же образом человек может узнать о существовании общего, каким образом общее проникает в его мышление, если его органы чувств сами по себе взятые дают ему знание лишь об отдельном, лишь о внешних чувственных свойствах вещей? Ответ на этот вопрос может быть только один.

Производственная и не только производственная, но вообще вся человеческая практическая деятельность не только требует познания общего, но и обеспечивает его. Именно практика вообще, производственная деятельность прежде всего несет человеку информацию о том, что в мире существует не только отдельное, чувствозримое, но и общее, которое ни видеть, ни слышать, ни обонять, ни осязать нельзя, и обеспечивает проникновение этой информации в человеческое мышление.

Человек действует, пытаясь превратить одну вещь в другую, но терпит неудачу. Он намечает одно, а получается совсем другое. Это значит, что при планировании своих действий он что-то не учел. Все то, что чувствозримо, он принял во внимание. Выходит, что кроме чувствозримого, отдельного существует и нечто другое, без знания которого не будет удачной его деятельность. И человек восполняет мир, создает, прибегая к фантазии, предположительные образы общего (понятия) и определенным способом связывает их. Но раз человек сам творит понятия и сам связывает их, то он может создать и такие понятия и их связи, которые не имеют объективного содержания, не являются образами реального общего.

Проверка объективности создаваемых понятий происходит в ходе практической деятельности. Человек, используя данные понятия, творит мыслечувственный квазиобраз вещи, которую хотел бы создать, и мыслечувственные образы предмета и орудия труда, а затем трансформирует в своем сознании предмет труда при помощи орудия труда в продукт труда.

Вслед за этим он начинает действовать. Если все идет так, как было запланировано, если объективная трансформация материального предмета идет в главном и основном примерно так же, как шла идеальная трансформация этого предмета в сознании, и вещь, которая к началу процесса труда существовала только в сознании, становится к концу существующей и в действительности, то это значит, что созданные человеческой фантазией понятия имеют объективное содержание, имеют корреляты в мире. В мир можно вернуть только то общее, которое было заимствовано из мира, взято из него.

Реализация цели есть процесс превращения идеального — вещи, которая существовала только в сознании, в материальное, в объективно существующую вещь. Как уже указывалось, этот процесс является возможным потому, что он одновременно представляет собой процесс превращения одной материальной вещи (предмета труда) в другую материальную же вещь (продукт труда). Здесь, несомненно, имеет место целевая предопределенность, но эта целевая предопределенность реализуется лишь через посредство объективной, в данном случае причинно-следственной предопределенности.

Все сказанное относится к ситуации, когда практическая деятельность увенчивается успехом. Если же она кончается неудачей, то это означает, что созданные человеком понятия не имеют объективного содержания, не представляют собой отражения общего: существенных свойств предметов и причинно-следственных связей. Необходимо, следовательно, снова создавать понятия и снова их проверять.

Практическая деятельность людей — явление весьма чувственное. Крайне чувственны, можно даже сказать необычайно чувствительны, для человека ее результаты — ее успехи и провалы. Обращаясь к ней, мы сталкиваемся с особой формой чувственного опыта, которую не замечали все прежние сенсуалисты, в том числе и сенсуалисты-материалисты. Говоря о чувственном опыте, старые материалисты имели в виду исключительно лишь воздействие предметов внешнего мира на органы чувств человека и возникновение в его результате ощущений и восприятий. «Главный недостаток всего предшествующего материализма — включая и фейербаховский, — писал К. Маркс, — заключается в том, что предмет, действительность, чувственность берется только в форме *объекта*, или в форме *созерцания*, а не как *человеческая чувственная деятельность, практика*, не субъективно»¹⁰. «Недовольный абстрактным мышлением, — продолжал великий мыслитель, — Фейербах апеллирует к *чувственному созерцанию*; но он рассматривает чувственность не как *практическую, человечески-чувственную деятельность*»¹¹. Старые материалисты не замечали существования сугубо человеческой формы чувственного опыта. Стремясь охарактеризовать этот новый чувственный опыт, нередко подчеркивают, что человек не пассивно воспринимает воздействие предметов внешнего мира, а взаимодействует с этим миром. Такой характеристики явно недостаточно. Как уже отмечалось во второй книге (II.7.3), и животное не просто воспринимает воздействие объектов внешней среды на его органы чувств. Его отношение к среде отнюдь не сводится к восприятию его органами чувств воздействий внешних объектов. Оно как целостный биологический организм постоянно взаимодействует со средой.

¹⁰ Маркс К. Тезисы о Фейербахе // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. Т.3. С. 1.

¹¹ Там же. С. 2.

Суть этого взаимодействия в приспособлении животного к среде. Животное не просто познает мир, а действует. Животное совершает массу действий, направленных на удовлетворение своих инстинктов. Оно что-то получает или, наоборот, не получает от среды, например, пищу, оно от чего-то отстраняется, а иногда не может отстраниться, например, от опасности. Его действия могут быть удачными, а могут быть неудачными. Предметы внешней среды воздействуют не только на его органы чувств, но и на весь его организм в целом. Они вызывают не только ощущения и восприятия, но и повреждения, ранения, боль, страдания и т. п.

Главное в отношении животного к среде заключается не в познании, а в его практической деятельности. Познание есть лишь необходимый момент практической деятельности животного. И практическое отношение животного к внешней среде лежит в основе его познавательного отношения к ней. Практическая деятельность животного постоянно корректирует его чувственное познание. Как уже было показано во второй книге (II.7.3), чувственный мир, каким он является для организма, формируется не просто в результате воздействия предметов на его органы чувств, а в процессе взаимодействия организма и мира в себе. Практика постоянно подгоняет чувственный мир, каким он выступает для организма, к объективному чувственному миру.

Таким образом, то понимание чувственного опыта, которое мы находим у старых материалистов-сенсуалистов, является более чем упрощенным. Чувственный опыт даже у животных включает в себя не только воздействие предметов на органы чувств, но и весь объем практического, физического взаимодействия организма и внешнего мира. И здесь имеет место не просто созерцание, но несомненная активность.

Отличие человеческого чувственного опыта от чувственного опыта животного заключается вовсе не в том, что животное созерцает, а человек действует, что животное пассивно, а человек активен. Суть различия в характере деятельности, в характере активности животных и человека.

И животные действуют, но вся их деятельность представляет собой лишь приспособление к внешней среде. Если это и практика, то практика приспособительная, практика приспособления к среде. Животное и окружающая его среда взаимодействуют непосредственно. Между организмом и средой нет посредников. У ранних предлюдей (австралопитеков) такие посредники появились. Они, как и любые другие животные, только приспособлялись к среде, но приспособлялись они к ней при помощи посредников — естественных, заимствованных из природного окружения орудий (праорудий).

У поздних предлюдей (хабилисов) возникло производство орудий. Они стали приводить в движение вещи с тем, чтобы в результате взаимодействия этих вещей возникли предметы, которых в природе ранее не было, но которые были насущно нужны поздним предлюдям для обеспечения их приспособления к среде. Но поздние предлюди ограничивались лишь приведением вещей в движение. Они не направляли и не контролировали движение вещей и тем самым их взаимодействие. Как следствие результаты этого воздействия вещей на вещи зависели не от них, а от случайного стечения обстоятельств. При благоприятном стечении обстоятельств появлялись предметы, которые отвечали нуждам поздних предлюдей, при неблагоприятных — такие вещи не возникали. В результате, был невозможен сколько-нибудь заметный прогресс производственной деятельности.

А он был действительно необходим: совершенствование производственной деятельности становилось все более и более необходимым условием успешного приспособления производящих существ к среде. Необходимой стала ликвидация власти случайностей в области производственной деятельности. Материальное творчество в качестве необходимого условия своего развития потребовало возникновения идеального творчества и тем самым преобразования процесса трансформации одного материального предмета в другой одновременно и в процесс превращения идеального в материальное. Превращение материального в идеальное имеет место и в животном мире. Но превращения идеального в материальное там нет и не может быть. Простое приспособление к среде его не требует, не предполагает. Необходимость в таком процессе возникает лишь с появлением производства.

Производство для своего развития требует и предполагает появление процесса превращения идеального в материальное, а превратиться в материальное может не всякое идеальное. Существующее в животном мире биоидеальное на это не способно, хотя оно может отражать не только материальное, не только чувствозримые предметы (точнее внешние свойства явлений, внешнюю оболочку вещей), но и некоторые виды объективного, такие, например, как пространство и время. Кстати сказать, отражение пространства и времени в мозгу животных возможно только в силу того, что биологическое существо совершает множество действий, направленных на приспособление к внешней среде. Именно информация о действиях и их результатах является одновременно и информацией о существовании в объективном мире двух названных форм порядка. Без появления пространственных и временных представлений животное не могло бы выжить.

Животное для успешного приспособления к среде нуждается в отражении пространства и времени, но не в появлении специальных образов общего. Поэтому приспособительная деятельность не несет в себе сколько-нибудь постоянной и прочной информации об общем. Совершенно иное дело — производственная деятельность. Она без все более и более глубокого и прочного отражения общего развиваться не может. Возникнув, она потребовала и вызвала к жизни принципиально новое идеальное, творческое идеальное, способное создать образы еще не существующих предметов. А таким идеальным могло быть только отражение общего, качества, существенных связей вещей.

Производственная деятельность, материальное творчество не только требует и предполагает появление отражения общего, но и создает все условия для появления такого отображения. Сама производственная деятельность представляет собой вполне чувственное явление. Чувствозримы и сами процессы производственной деятельности и их результаты — удачи и провалы этой деятельности. Причем эти удачи и неудачи не просто воспринимаются производящими существами, но и глубоко им переживаются: ведь от исхода производственной деятельности зависит их жизнь, их существование.

Информация о протекании производственной деятельности и ее результатах представляет собой одновременно и информацию не только о том, что в мире кроме отдельного существует также и общее, но и о том, каково это общее. С самого начала производственная деятельность несла информацию о существенных связях, а тем самым и о качествах вещей, а в последующем — и об их сущности. Представляя собой сугубо чувственное явление, будучи самосуществующей, производственная деятельность несет в себе информацию о существовании того, что обладает только вьинобытием и тем самым непосредственно недоступно органам чувств, а именно — общего. Будучи чувствозримой, производственная деятельность в то же время является носителем информации об общем. Как писал В. И. Ленин: «Практика выше (теоретического) познания, ибо она имеет не только достоинство всеобщности, но и непосредственной действительности»¹².

¹² Ленин В. И. Конспект книги Гегеля «Наука логики». Философские тетради... С. 195.

Будучи чувственной, практическая деятельность входит в чувственное познание, становится содержанием чувственного познания. А так как эта чувственная деятельность несет информацию об общем, то тем самым эта информация оказывается в чувственном познании, начинает существовать в организме. Но, существуя в организме, эта информация не существует для организма, существуя в субъекте познания, она не существует для этого субъекта. Эта информация остается закодированной. Знание об общем существует в чувственном познании в скрытом виде, является знанием только потенциальным, а не реальным.

Как уже отмечалось во второй книге цикла (II.14.2; 4), некоторые выдающиеся мыслители прошлого, в частности Абу-ль-Валид Мухаммед ибн Ахмед Ибн Рушд, в европейской традиции — Аверроэс (1126-1198), Иоанн Скот Эриугена (ок. 810-после 877) и Фома Аквинский (1225/26-1274), высказали предположение, что в чувственном познании человека, кроме знания отдельного, содержится знание и общего, но последнее существует в нем лишь в скрытом виде, является знанием не действительным, а потенциальным. Работа разума вскрывает это знание, превращает его из потенциального в действительное. Но они при этом предполагали, что знание о общем скрыто в восприятиях или содержании восприятий вещей и извлекается из них мышлением. В действительности же знание общего содержится в чувственном отражении чувствозримой практической, прежде всего производственной, деятельности людей, откуда оно и извлекается их мышлением.

Чтобы начать существовать не только в субъекте познания, но для субъекта познания, информация должна быть декодирована. Говоря о субъекте познания, опять-таки нужно иметь в виду, что если в животном мире таковым является организм, тело, то человек как субъект познания есть единство тела (организма) и духа. И информация об общем, существующая в человеческом чувственном познании, а она может существовать только в чувственном познании человека (но ни в коем случае не животных), никогда в принципе не может существовать для организма. Она может существовать только для духа. Ее декодирование может осуществлено одним единственным способом — путем создания понятий и их систем. Знание об общем, содержащееся в скрытом, потенциальном виде в человеческом чувственном познании, может стать открытым, превратиться из возможного в действительное исключительно в мышлении. Суть мышления в том, что оно декодирует существующую в человеческом чувственном познании информацию об общем, высвобождает общее из чуждой ему чувственной формы путем создания, творения чистого общего. Таким способом человек получает новое знание, которого не могло быть дано ему чувственным познанием.

Во второй книге (II.14.2) уже говорилось о двух тезисах сенсуализма. Первый из них: чувственное познание есть единственный источник знания, верно. Второй: нет ничего в разуме, чего не было бы в чувствах одновременно и верен, и неверен. Любой однозначный ответ на вопрос: существует ли в разуме такое знание, которого ранее не было бы в чувствах, заводит теорию познания в тупик. Ошибочен отрицательный ответ, но неверен и безоговорочно утвердительный. Оба они ложны. Единственно правильным ответом на этот вопрос является утверждение: и да, и в то же время нет. В разуме и есть то, чего не было в чувствах, и одновременно нет ничего, чего не было в чувствах.

Мыслители, которые настаивали на однозначно отрицательном ответе, — абсолютные, или радикальные, сенсуалисты, с неизбежностью должны были прийти к выводу о том, что мышление не дает никакого нового знания, а раз так, то оно не является ни формой, ни тем более ступенью познания. Отсюда следовало, что в мире либо вообще нет ничего нечувствозримого, либо, если таковое все же существует, то оно непознаваемое. Факты начисто опровергали их точку зрения. Мышление, несомненно, давало такое знание, которое не давали и в принципе не могли дать чувства. В разуме всегда присутствует то, чего нет и не может быть в чувственном опыте, — чистое общее, чистая сущность.

Мыслители, которые настаивали на однозначно положительном ответе, — абсолютные, или радикальные, рационалисты — с неизбежностью должны были прийти к выводу, что либо разум сам из себя родит знание, либо в нем изначально присутствует неизвестно откуда взявшееся знание, либо, наконец, имеются какие-то другие, кроме органов чувств, каналы по которым мир, существующий вне и независимо от человеческого духа, проникает в мышление. Но никаких данных, которые говорили бы в пользу хотя бы одной из перечисленных точек зрения, не существует.

Таким образом, каждый из приведенных выше ответов, несомненно, содержит в себе момент истины, но эта крупинка истины в нем настолько абсолютизирована, что конечным результатом является заблуждение. Необходимым является своеобразный синтез сенсуализма и рационализма. Результатом этого синтеза является взгляд, который можно назвать сенсуалистическим рационализмом, точнее сенсуалистическим ментализмом (*сенсоментализмом*), или рационалистическим, точнее ментальным, сенсуализмом (*ментосенсуализмом*), или прагматическим сенсуализмом, короче *прагмосенсуализмом* (от греч. «прагма» — дело, действие), имея в данном случае в виду специфическую человеческую практику, прежде всего производственную деятельность. Такой прагмосенсуализм (сенсоментализм, ментосенсуализм) входит в качестве необходимого момента в диалектический материализм. Последний, выявив роль практики, прежде всего производства, тем самым раскрыл механизм проникновения общего, существенного из внешнего мира через чувственное познание, через специфически человеческий практический чувственный опыт в мышление.

В предшествующем изложении как в этой, так и других главах неоднократно говорилось, что мышление непосредственно не связано с внешним объективным миром, что оно связано с миром только через посредство органов чувств. Это и верно, и в то же время не вполне верно. Да, внешний мир действительно может *войти* в мышление только через органы чувств, правда необязательно только внешние. Но кроме *входа* мира в мышление существует еще и *выход* мышления в мир. Этим выходом является направляемая мышлением и волей деятельность людей по преобразованию объективного мира. Мышление управляет этой деятельностью, минуя органы чувств, оно посылает через посредство головного мозга нервные импульсы прямо к эффекторным приборам тела. Практические действия людей представляют своеобразные материальные щупальцы, при посредстве которых мышление ощупывает, обследует объективный мир и тем самым проверяет, находится или не находится оно в соответствии с этим миром и, если находится, то какова степень этого соответствия. Без такой прямой связи с объективным миром мышление не смогло бы его отражать, более того не смогло бы возникнуть и существовать.

Открыв роль производства, марксистский материализм не только выявил источник активности мышления и способ проникновения общего из объективного мира в сознание человека, но и решил проблему свободы и необходимости. Но чтобы предложить и обосновать ответ на этот вопрос, недостаточно было раскрыть значение производственной деятельности. В дополнении к этому нужно было дать еще и решение проблемы детерминизма, проблемы предопределенности и неопределенности, необходимости и случайности. Здесь совершенно невозможно было обойтись без диалектики. Чтобы решить эту проблему материализм должен стать диалектическим. Именно таким и был марксистский материализм.

Глава 5. Вероятностный (вариативный, относительный, диалектический) детерминизм и его основные категории

1. Вводные замечания

Как уже говорилось во второй книге цикла (II.15-16), на протяжении веков перед учеными стояла альтернатива: либо придерживаться абсолютного детерминизма, либо сползть к индетерминизму и тем самым к агностицизму и идеализму. Естественно, что почти все они предпочитали оставаться на позициях абсолютного детерминизма. Многие естествоиспытатели и до сих пор не видят никакого другого выбора, кроме присоединения к одной из двух названных выше точек зрения. Именно этим и объясняется то обстоятельство, что несмотря на новейшие открытия науки, явно не укладывающиеся в рамки абсолютного детерминизма, идеи его все еще имеют широкое распространение.

В действительности же обозначенная выше альтернатива является ложной. Кроме абсолютного детерминизма и индетерминизма имеется и иное решение вопроса. Выход из положения дает такое учение, которое признает существование в мире одновременно и объективной предопределенности, и объективной неопределенности. Оно тоже представляет собой детерминизм, но не абсолютный, а относительный. Как уже указывалось во второй книге (II. 16.6), путь к созданию такого детерминизма был намечен Г. Гегелем (II.16.6). Но только намечен. Г. Гегель не сумел создать учение об естественной относительной предопределенности, существующей в объективном мире, ибо не был материалистом.

Такая концепция могла быть создана только приверженцами материализма, причем лишь диалектического. И она была ими создана. К. Маркс и Ф. Энгельс были убежденными сторонниками детерминизма, но не абсолютного, а качественно иного. В своей «Диалектике природы» Ф. Энгельс писал: «Накопленный за это время материал о случайностях раздавил и сломал старое представление о необходимости»¹. В вошедшем в «Диалектику природы» фрагменте «Случайность и необходимость» великий мыслитель подверг жесточайшей критике детерминизм, отрицающий случайность, т. е. абсолютный детерминизм. Конечный его вывод: «Прежнее представление о необходимости отказывается служить. Сохранять его — значит навязывать природе в качестве закона противоречащее самому себе и действительности произвольное человеческое определение...»². И все это было сказано Ф. Энгельсом задолго до появления квантовой механики, которое, как давно уже принято считать, заставило физиков понять, что в мире существует объективная случайность и объективная вероятность. При изложении концепции относительного детерминизма проще всего сослаться на диалектический закон единства противоположностей, который не только не исключает, но, наоборот, предполагает единство случайности и необходимости, предопределенности и неопределенности. Но это будет декларацией, а не объяснением. Как уже неоднократно говорилось, абсолютный детерминизм был выводом из двух посылок: (1) признания всеобщего характера причинности и (2) взгляда на причинно-следственную связь как на необходимую. Поэтому самое важное — выяснить насколько верны эти положения.

¹ Энгельс Ф. Диалектика природы... Т. 20. С. 536.

² Там же.

Начнем с первого из двух выше названных тезисов. Причинная связь действительно всеобща, но только в одном и лишь одном смысле: нет беспричинных явлений, точнее даже, нет таких состояний в объективном мире, которые не были бы подготовлены и не порождены предшествующими состояниями этого мира. И совершенно неправомерно, что часто делали сторонники абсолютного детерминизма, сводить все связи мира к причинным связям. Трактовка всеобщности причинной связи как ее универсальности в смысле ее единственности в объективном мире, исключительности ее существования в нем — глубоко ошибочна. Понятия причинной связи и всеобщей связи далеко не совпадают. Причинность есть лишь момент всеобщей связи явлений. На это особо указывал Ф. Энгельс. «Мы видим далее, — читаем мы у него, — суть представления, которые имеют значение, как таковые, только в применении к данному отдельному случаю; но как только мы будем рассматривать этот отдельный случай в его общей связи со всем мировым целым, эти представления сходятся и переплетаются в представлении универсального взаимодействия, в котором причины и следствия постоянно меняются местами; то, что здесь и теперь является причиной, становится там или тогда следствием и наоборот»³.

Комментируя это высказывание В. И. Ленин писал: «Следовательно, человеческое понятие причины и следствия всегда несколько упрощает объективную связь явлений, лишь приблизительно отражая ее, искусственно изолируя те или иные стороны одного единого мирового процесса»⁴. В последующем, он специально указывал на «всесторонность и всеобъемлющий характер мировой связи, лишь односторонне, отрывочно и неполно выражаемой каузальностью»⁵. «Каузальность, обычно нами понимаемая, — подчеркивал он, — есть лишь малая частичка всемирной связи, но (материалистическое добавление) частичка не субъективной, а объективной реальной связи»⁶.

³ Энгельс Ф. Анти-Дюринг... С. 22.

⁴ Ленин В. И. Материализм и эмпириокритицизм. Критические заметки об одной реакционной философии // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 18. С. 160.

⁵ Ленин В. И. Конспект книги Гегеля «Наука логики»... С. 143.

⁶ Там же. С. 144.

Сводили всеобщую связь явлений к причинной практически многие сторонники абсолютного детерминизма, хотя прямо об этом они, как правило, не заявляли. Иначе обстоит дело со сведением существующей в мире объективной предопределенности целиком и полностью к причинности. Об этом прямо и открыто говорили и многие естествоиспытатели и домарксистские и немарксистские философы-материалисты. Подобные взгляды излагали и отстаивали и некоторые философы, объявлявшие себя марксистами, диалектическими материалистами, в частности все представители того течения в советской философской мысли двадцатых годов, которое принято именовать механическим (Л. И. Аксельрод, В. Н. Сарабьянов и др.)⁷. Такой взгляд был широко распространен в советской философии и позднее. «Детерминизм (от лат. *determine* определяю), — читаем мы в „Философской энциклопедии“ (1960), — учение о всеобщей причинной обусловленности природных, общественных и психических явлений»⁸.

Данная точка зрения неверна. Причинной связью не исчерпывается вся существующая в мире предопределенность, детерминация. Предопределенность, генетическая (порождающая) связь отнюдь не сводится к причинности. Понятия причинности и детерминирования (определения, порождения) полностью отнюдь не совпадают. Причинность есть лишь момент предопределенности, детерминирования, но не более того.

⁷ См.: Аксельрод Л. (Ортодокс). Спиноза и материализм // Аксельрод Л. (Ортодокс). В защиту диалектического материализма. 2-е изд. М.: URSS, 2013. С. 23-24; Она же. Коренные вопросы диалектического материализма // Аксельрод Л. (Ортодокс). В защиту диалектического материализма... С. 210- 212; Сарабьянов Вл. В защиту философии марксизма. М.; Л., 1929. С. 75-98.

⁸ Ярошевский М. Детерминизм // Философская энциклопедия. Т. 1. М., 1960. С. 464.

Примерно так же обстоит дело и со вторым тезисом, из которого исходит абсолютный детерминизм. Когда мы из огромного множества явлений выделяем два, одно из которых (А) породило другое (Б), то связь между А и Б, рассматриваемая сама по себе, в изоляции от всего прочего, бесспорно, является необходимой. Отсюда сторонниками абсолютного детерминизма и делается вывод о тождестве причинности и необходимости. С их точки зрения причинность и необходимость полностью совпадают. Но этот вывод является глубоко ошибочным. Не всякая необходимая связь обязательно является причинной. С другой стороны, и причинная связь, являясь необходимой в одном объективном контексте, может ею не быть в другом объективном же контексте⁹.

Ведь все связи в мире теснейшим образом связаны и каждая причинно-следственная связь существует не сама по себе, не в изоляции от других связей, а лишь как момент, сторона того иного сложного процесса. И самое главное, связи в мире не находятся на одном уровне, как это рисуют адепты абсолютного детерминизма. Все происходящее в объективной реальности движение предстает в их картине мира в виде бесчисленного множества параллельно тянущихся причинно-следственных цепочек.

⁹ Слово «контекст» в привычном понимании означает относительно законченный в смысловом отношении отрывок устной или письменной речи, наличие которого дает возможность понять смысл входящего в него слова (или фразы). Но само это слово, как и слово «текст», по-своему отнюдь не связано с одной только речью. Латинское слово *textum* означает связь, соединение, слово *contextus* — тесную связь, соединение, что позволяет использовать слово «контекст» и словосочетание «в контексте» в применении и к объективному миру.

В действительности же существует множество уровней связей, причем эти связи существуют не рядом, не параллельно, и даже не только и не просто одни выше, а другие ниже, а одни в других. И связь, необходимая на каком-либо определенном уровне, может быть случайной по отношению к другому, более высокому уровню.

Таково самое общее решение проблемы. Но оно требует дальнейшей конкретизации.

2. Гносеологические корни абсолютного детерминизма

Познание любой конкретной причинно-следственной связи с неизбежностью предполагает ее изоляцию, ее вырывание ее из общей связи явлений. Это не только неизбежный, но и необходимый шаг. Без него познать причинную связь невозможно. Но он же таит в себе и опасность огрубления и даже искажения картины действительности.

Оба названные выше тезиса, из которых исходили приверженцы абсолютного детерминизма, были обобщением мыслительной деятельности людей, имеющей целью познание существующих в мире причинно-следственных связей. В реальности причина порождает следствие, т. е. реальное движение идет от причины к следствию. Мысль, раскрывающая причинную связь, движется в прямо противоположном направлении: от следствия к причине. Мы первоначально знаем только следствие. Задача состоит в том, чтобы найти его причину. В процессе своей практической деятельности по преобразованию мира люди выработали целый ряд приемов установления причинно-следственной связи. Так как они в более или менее систематической форме были изложены в труде Ф. Бэкона «Новый органон», то их нередко называют приемами бэконовской индукции. Это — методы сходства, различия и сопутствующих изменений.

Найти причину, скажем, явления Б значит установить, какое именно из множества сопровождающих его явлений (А, В, Г, Д, Е и т. п.) породило его. Прежде всего отсеиваются явления, которые появились после возникновения Б или одновременно с ним. Наблюдаются ситуации, в которых явление Б отсутствует, а явления, скажем, Д и Е присутствуют. Последние в таком случае отпадают. При наблюдении за ситуациями, при которых явление Б возникает, стараются выявить, какое из сопровождающих его явлений присутствует всегда, а какие могут быть, а могут не быть. В конце концов выясняется, что из всех предшествующих Б явлений только одно, скажем явление А, имеет место всегда. В отличие от всех прочих связей (В—Б, Г—Б и т. п.), которые могут быть, а могут не быть, т. е. являются случайными, связь А—Б имеет место всегда, является регулярно повторяющейся, постоянной, устойчивой. Отсюда следует, во-первых, совершенно конкретный вывод, что в данном случае А есть причина Б, во-вторых, самое общее заключение, что причинно-следственная связь является необходимой и только необходимой и другой быть не может.

Однако более тщательный анализ данного примера показывает, что дело обстоит не так просто. Выше уже говорилось о повторяемости явлений А и Б. О повторяемости наблюдаемых явлений принято говорить во всех естественных науках. Естествознание имеет дело только с теми явлениями, которые повторяются. Если при исследовании явление не повторяется, для естествознания оно не существует.

В действительности же все конкретные отдельные явления происходят только один раз, они единичны. Раз исчезнув, они никогда не возрождаются. Говоря о повторяемости явлений, имеют в виду отнюдь не возвращение уже раз состоявшихся явлений, а о появлении таких новых явлений, которые ничем существенным не отличаются от прежних и в этом смысле тождественны этим старым, уже бывшим явлениям. Это, конечно, упрощение, но такое, без которого естествознание обойтись не может.

Возвращаясь к рассмотренному выше примеру выявления причинной связи, нужно прежде всего принять во внимание, что в каждой из множества ситуаций, в которых встречались явления А и Б, мы имели дело не с одними и теми же единичными явлениями, а хотя и со сходными, но тем не менее разными. В первой ситуации наблюдались явления А1 и Б1, во второй — А2 и Б2, в третьей — А3 и Б3 и т. д. А далее выделялось то общее, что имело место во всех ситуациях и делался вывод, что А есть причина Б.

Если в объективной реальности существовали отдельные явления (сингулаты) А1, А2, А3, Б1, Б2, Б3 и т. п., то в мышлении их заменили А вообще и Б вообще, которые уже не сингулаты (отдельное), а универсаты (общее). Если в объективной реальности существовали связи А1—Б1, А2—Б2, А3—Б3 и т. п., то в мышлении их заменила связь А—Б. И эта связь стала теперь рассматриваться не просто как существующая в действительности, а как единственно существующая в ней. А между тем между связями А1—Б1, А2—Б2, А3—Б3 и т. п., с одной стороны, и связью А—Б, с другой, существует качественное различие.

Связи А1—Б1, А2—Б2, А3—Б3 и т.п. суть связи между сингулатами, которые существуют как таковые, самосуществуют, связи единичные. Связь А—Б есть связь между универсатами, которые самостоятельного бытия в реальности не имеют, связь не единичная, а общая. Она в объективной реальности существует лишь в единичных связях А1—Б1, А2—Б2, А3—Б3 и т. п., как общее в них. Как нечто единичное она существует лишь в мышлении. И вот эту связь, которая есть чистое общее, чистая необходимость, мы представляем как существующую в реальности в качестве единичной связи. В результате, мир предстает перед нами как такой, в котором нет и не может быть ничего случайного, в котором единичные причинные связи являются необходимым и только необходимыми. В этом заключается один из реальных истоков абсолютного детерминизма.

Отвлечение от различий между А1, А2, А3 и т. п. и между Б1, Б2, Б3 и т. п., а тем самым и от различий между связями А1—Б1, А2—Б2, А3—Б3 и т. п. с чисто практической точки зрения вполне оправдано, когда предметом исследования являются сравнительно простые процессы, прежде всего механические. Оно давало прекрасные практические результаты.

Важнейшим фактором, настоятельно требовавшим познания причинных связей, была практическая деятельность, которая могла успешно развиваться лишь при условии предвидения, предсказания возникновения и изменения тех или иных явлений. Предсказание шло по формуле: причина необходимо порождает следствие, следовательно, появление причины необходимо вызовет появление следствия. В основе предвидения лежало, таким образом, отождествление ситуаций, в которых явление А1 вызвало явление Б1, явление А2 — явление Б2, явление А3 — явление Б3 и т. п. (что резюмировалось в формуле: А вызывает Б), с ситуацией, в которой явление, скажем, явление А8 еще не вызвало, но может вызвать явление Б8.

Но если брать любую из ситуаций, в которых то или иное А уже породило то или иное Б, то отношение между любым из этих А и любым из этих Б выступит даже не просто как абсолютно однозначное, но и как абсолютно необратимое, ибо то, что уже произошло, никакими силами изменить нельзя. То, что уже случилось, не имеет альтернатив. В этом смысле прошлое абсолютно безальтернативно.

Допустив, что различие между ситуацией, в которой А8 еще только должно породить Б8, и любой ситуацией, в которой то или иное А уже породило соответствующее Б, ничуть не больше, чем между различными ситуациями, в которых то или иное А порождало определенное Б, мы неизбежно должны прийти к выводу, что не только прошлое, но будущее абсолютно безальтернативно, абсолютно предопределено, т. е. к концепции абсолютного детерминизма, иначе говоря к полному фатализму.

Но можно ли в самом деле ставить знак равенства между ситуацией, в которых А8 еще должно породить Б8, и ситуацией, в которой, скажем, А1 уже породило Б1, вообще всеми ситуациями, в которых то или иное А (А1, А2, А3 и т. п.) уже породило то или иное Б (Б1, Б2, Б3 и т. п.)? Ответ может быть только один — конечно, нет.

Коренное различие состоит хотя бы уже в том, что если в последних ситуациях мы имеем налицо и причину и следствие, то в первой мы не имеем в наличии не только следствия, но и причины. Ведь причина есть то, что породило следствие. Если нет следствия, то соответственно, нет и причины. Пока А не вызвало следствия, оно причиной не является. В последнем случае можно говорить не о причине, а лишь о явлении, которое еще только может стать причиной, т. е. лишь о потенциальной, возможной, но не реальной, действительной причине. Все это делает невозможным полное перенесение знания о ситуациях, в которых то или иное А порождало соответствующее Б, на ситуации, где А8 существует, но Б8 пока еще отсутствует, тем более что и ход мысли при рассмотрении этих ситуаций совершенно различен: при выявлении причинной связи она двигалась от следствия к причине, т. е. от настоящего к прошлому, а здесь она должна направляться от настоящего к будущему. Применение понятий причины и следствия, которые созданы для отображения связи между прошлым и настоящим, для характеристики связи между настоящим и будущим, есть явное огрубление действительности. Оно может давать и дает практически полезные результаты, т. е. позволяет предвидеть будущее, но только в определенных границах, лишь пока мы имеем дело с более или менее простыми процессами, прежде всего механическими.

Но по мере перехода ко все более и более сложным процессам оба рассмотренных выше приема: и (1) подмена единичных связей общими и (2) использование понятий о связях между прошлым и настоящим для выявления связей между настоящим и будущим начинали давать сбои, что неизбежно должно было рано или поздно привести к осознанию того факта, что причинная связь не исчерпывает всей объективной предопределенности явлений, а представляет собой лишь ее сторону, ее момент.

3. Причина и условия. Кондиционализм против каузализма

При изучении все более и более сложных процессов исследователи все чаще начали сталкиваться с тем, что явление А, выступавшее в ряде случаев как причина Б, в других ситуациях этого явления не порождало.

Результатом было постепенное оформление понятия об *условиях* как о чем-то принципиально отличном от причины. Тем самым была пробита брешь в концепции абсолютного детерминизма. И эта брешь, даже будучи не вполне теоретически осознанной, все время давала о себе знать.

Проявилась она уже при самой попытке ввести наряду с понятием причины понятия условий. Оставаясь полностью на позициях абсолютного детерминизма, сделать это было совершенно невозможно. Ведь если, например, А в одних случаях порождало Б, а в других не порождало его, то, оставаясь на позициях абсолютного детерминизма, можно было ставить вопрос о причинах и только причинах такого положения дел, а вовсе не о каких-то условиях, отличных от причин, не совпадающих с причинами. С точки зрения абсолютного детерминизма, нет и не может быть никаких различий между причиной и условиями; существуют причины и только причины. Любая попытка провести грань между причиной и условиями практически означает отход от позиций абсолютного детерминизма.

Первоначально исследователи в основном ограничивались лишь введением и использованием наряду с понятием причины понятия условий и тем самым лишь имплицитным, а не эксплицитным отходом от позиций абсолютного детерминизма. Но на определенном этапе некоторые исследователи прямо бросили вызов этой концепции, заявив о необходимости полностью отказаться от понятия причины. Согласно их взгляду, единственным понятием, способным дать понимание происходящих в мире событий, является понятие условий. Такая концепция получила наименование *кондиционализма, или кондиционизма* (от лат. *conditio* — условие, состояние).

Ее основоположники — ученые, изучавшие сложнейшие биологические явления, прежде всего патологические процессы, протекавшие в организме человека, — немецкий патологоанатом Давид фон Ханзема́н (1858-1920), автор книги «О кондициональном мышлении в медицине и его значении для практики» (1912) и немецкий же физиолог Макс Ферворн (1862-1921). Зародившись в области прежде всего патологической физиологии, а тем самым и медицины, кондиционализм в дальнейшем получил более широкое распространение, но, в отличие от абсолютного детерминизма, не добился широкого признания в естествознании в целом.

Не обратили на кондиционализм должного внимания и философы. В некоторых, даже весьма авторитетных справочниках по философии, например в «Философском энциклопедическом словаре» (М., 1989) кондиционализм вообще не упоминается. Нет его и в недавно вышедших «Словаре философских терминов» (М., 2004), «Словаре современной философии» (М., 2004), «Философском энциклопедическом словаре» (М., 2004), в «Энциклопедии эпистемологии и философии науки» (М., 2009). Впрочем, в последнем издании отсутствует и термин «детерминизм». Имена и М. Ферворна, и Д. Ханземана отсутствуют даже в пятитомной «Философской энциклопедии» (М., 1960-1970). Не нашлось места кондиционализму и в учебниках философии.

Все это искажает картину развития методологической мысли. Когда говорят о выступлении естествоиспытателей против абсолютного детерминизма, то почти всегда имеют в виду физиков и ситуацию, сложившуюся в их науке после появления квантовой механики. А между тем бунт определенной части естествоиспытателей против классического детерминизма произошел, по меньшей мере, десятилетием раньше. И если физики, отвергая лапласовский детерминизм, ничего определенного ему противопоставить не смогли, а некоторые из них даже прямо объявили о переходе на позиции индетерминизма, то названные выше ученые не только попытались выработать, но и выработали определенную общеметодологическую концепцию, отличную от абсолютно-детерминистической.

Никто из кондиционалистов не выступил с критикой детерминизма вообще, никто из них не заявил о принятии индетерминизма. У них не было и речи об отказе от признания существования в мире объективной предопределенности, объективной детерминированности. Они обрушились с критикой лишь на ту форму детерминизма, в которой предопределенность была сведена к причинности, против причинного, каузального детерминизма, или, как они сами его называли, *каузализма*.

По существу кондиционалисты, может быть, даже впервые в истории естественно-научной мысли выявили, что предопределенность не исчерпывается причинностью, что нужны еще и другие категории, чтобы ее полностью отобразить. Но сделав это, они ударились в другую крайность, полностью отбросив понятие казуальности. Если каузалисты абсолютизировали причину, то кондиционалисты возвели в абсолют условия. «Естествознание..., — читаем мы у М. Ферворна, — должно все более и более стремиться исключить из своего точного мышления понятие о причинности. *Не причинность* (каузализм), а *условность* (кондиционизм)»¹⁰.

Критикуя привычную традиционную точку зрения, М. Ферворн писал: «Общим признаком первоначального понятия причины является, что причина явления есть фактор в единственном числе. Каждое явление имеет *свою причину*»¹¹. В действительности же наблюдается картина прямо противоположная. «*Ни одно явление и не одно состояние*, — подчеркивает автор, — *не зависит от одного какого-нибудь фактора*».¹² И поясняет: «Тот факт, что в мире нет вообще изолированных систем и, что, наоборот, каждая система, признаваемая нами из практических соображений изолированную, в действительности имеет самую разнообразную связь с другими же „изолированными“ системами — этот факт является одним из основных данных нашего познания вообще. Если элективная деятельность наших органов чувств и рисует наивному пониманию весь мир в виде суммы отдельных изолированных вещей, то критическое естествознание знает уже очень давно, что о *действительности* имеется налицо *постоянная взаимозависимость вещей* во всех отношениях. Каждое состояние или явление обуславливается поэтому в своем специфическом существовании многочисленными другими состояниями и явлениями и, безусловно, не имело бы места в этой своей специфической форме при отсутствии хотя бы одного из факторов, от которых оно зависит»¹³.

¹⁰ Ферворн М. Общая физиология. Основы учения о жизни. Вып. 1. М., 1910. С. 68.

¹¹ Ферворн М. Развитие человеческого духа. М., 1913. С. 82.

¹² Там же. С. 84.

¹³ Ферворн М. Развитие человеческого духа... С. 84.

Все многочисленные факторы, обуславливающие то или иное явление, в одинаковой степени необходимы и в этом смысле эквивалентны. Условия не подразделяются на необходимые и случайные, существенные и второстепенные, истинные и вспомогательные. «Один фактор, — указывает М. Ферворн, — не может быть необходимым в различной степени. Он или необходим, или нет — какая-либо третья возможность исключена. Поскольку, однако, условия явления или состояния все необходимы, они все и одинаково равноценны для его осуществления или наличности. Это безусловно верный и неопровержимый вывод»¹⁴.

Когда в наличии имеются все нужные факторы, явление возникает или существует. В этом отношении кондиционализм предполагает существование объективной предопределенности. Все явления предопределены. «В действительности же, — подчеркивает М. Ферворн, — все мировые явления безусловно и необратимо определяются условиями, сходящимися как раз в данной точке»¹⁵. Таким образом, получается, что кондиционализм тоже является детерминизмом, но только не причинным, а условным. Получается, что наряду с каузальным детерминизмом существует детерминизм кондициональный.

¹⁴ Там же. С. 87.

¹⁵ *Ферворн М.* Естествознание и мирозерцание. Проблема жизни. Две лекции. М., 1909. С. 63.

Но этот, кондициональный, детерминизм носит своеобразный характер. Согласно кондиционализму, в мире все предопределено, ибо любое явление может возникнуть только в том случае, если для этого существуют объективные условия. Любое явление всегда обусловлено. Это означает, что его возникновение предопределено, но, в отличие от каузального детерминизма, существованием не какого-либо одного явления, а обязательно совокупности, комбинации некоторого числа явлений. В работах кондиционалистов условиями одинаково именуется и комбинация явлений, и каждое из этих явлений, взятое в отдельности. Ничего они не говорят и о том, как образуются эти комбинации. По существу у них это выступает как дело случая. Условия-компоненты могут в одном случае сочетаться так, а в другом — иначе, комбинации могут быть такими, а могут быть иными. Как видно из всего приведенного выше, по мнению кондиционалистов, добавление или исключение даже одного компонента делает комбинацию совершенно другой и тем самым иным вызываемый ею результат.

Такой взгляд сводит на нет все претензии кондиционалистов на то, что они, в отличие от каузалистов, рассматривают явления мира не как изолированные, а неразрывно связанные друг с другом. Комбинации-условия выступают у них не как системы, где каждый компонент является неотъемлемой частью единого целого, а как простые конгломераты независимых друг от друга, совершенно самостоятельных единиц.

Каждая определенная комбинация явлений всегда вызывает один и тот же результат. Но из одних и тех же компонентов могут чисто случайно образовываться самые различные комбинации. А раз так, то и будущее будет различным. Поэтому кондиционалисты понимают отношение между настоящим и будущим иначе, чем каузалисты. По мнению последних, будущее однозначно, абсолютно предопределено. Согласно взгляду кондиционалистов, будущее и предопределено и не определено. Оно альтернативно, т. е. возможны разные его варианты. Так как возникновение тех или иных условий-комбинаций зависит от случая, то и будущее развитие является в значительной степени, а то и совершенно неопределенным, а тем самым и непредсказуемым. Число возможных вариантов у кондиционалистов ничем не ограничено. В этом отношении кондиционализм является детерминизмом не просто даже относительным, но в известном смысле даже и индетерминизмом.

Таким образом, перед нами картина очень сходная с той, что наблюдалась в концепции причинности и случайности Антуана Огюстена Курно (1801-1877) (см. II.16.3). У последнего все имеет причину, но результаты не определены. Здесь же: всю обусловлено, но может быть таким, а может быть и совершенно иным. Но даже если брать не концепцию О. Курно, а классический причинный абсолютный детерминизм, то, как мы уже видели во второй книге цикла (II.16.5), абсолютная необходимость в нем оборачивается абсолютной же случайностью. И кондициональный, и абсолютный детерминизм одинаково оборачиваются индетерминизмом. А причина одна и та же: абсолютизация одной из сторон объективной предопределенности, разная в двух различных разновидностях абсолютного детерминизма.

Кондиционализм не в меньшей, а, может быть, и в большей степени, чем каузальный детерминизм, был односторонним и упрощенным взглядом на движение мира. Но это не помешало, а, может, даже помогло кондиционалистам заметить одно из важнейших слабых мест своих оппонентов. Это полная изоляция явления, представляющего собой причину, от всех окружающих феноменов. В действительности же, подчеркивали кондиционалисты, в частности М. Ферворн в приведенных выше высказываниях, существует всеобщая связь и взаимозависимость всех вещей. Другое дело, что переходя от общих рассуждений к построению собственной методологии, кондиционалисты практически тоже рассматривали явления как во многом изолированные друг от друга. Но само провозглашение тезиса о всеобщей связи явлений миру уже было шагом вперед по сравнению с каузализмом.

Принимая положение о существовании в мире всеобщей связи, необходимо при этом учитывать, что эта связь не одинакова для разных явлений. То или иное явление может быть в значительной степени изолировано от остальных. В таком случае взгляд на него как на изолированное, огрубляя и упрощая картину действительности, в то же время не мешает понять бытующие в ней существенные связи. Более того, такого рода упрощение может быть необходимым шагом на пути познания этих связей. Но если то или иное явление теснейшим образом интегрировано в какой-нибудь комплекс, то ошибочность его вырывания из общего контекста выявляется сразу.

Появление наряду с понятиями причины и следствия понятия условий в значительной степени способствовало выявлению непригодности двух первых понятий для характеристики отношения между настоящим и будущим. Действительно, в отношении ситуаций, которые уже завершились возникновением того или иного явления, различие причины и условий имеет под собой определенную основу. Иное дело ситуации, в которой то или иное явление, от которого ожидают определенного следствия, еще его не породило. Здесь мы имеем дело не с действительной, а лишь с возможной, потенциальной причиной. Основание для взгляда на то или иное явление как на потенциальную причину дает нам то обстоятельство, что оно в возможности содержит в себе следствие.

Потенциальная причина есть не что иное, как потенциальное следствие. Однако если данное явление не может вызвать ожидаемого следствия без наличия условий, то из этого с неизбежностью вытекает, что следствие в возможности содержится не в потенциальной причине самой по себе, а в комплексе, состоящем из потенциальной причины и условий. Однако если потенциальная причина не содержит в себе возможности следствия, то она тем самым не является потенциальной причиной. Но если нет потенциальной причины, то нет и потенциального следствия.

Таким образом, с введением понятий условий применение категорий причины и следствия к ситуации, в которой нечто должно возникнуть, но еще не возникло, теряет всякий реальный смысл. Можно говорить лишь о том, что в данное время *действительно* существует, т. е. о *действительности*, и о том, что может на основе этой действительности возникнуть, т. е. о *возможности*. Заглянуть в будущее можно только одним способом; необходимо детально проанализировать действительность, чтобы выявить содержащуюся в ней возможность, проследить процесс превращения возможности в действительность.

На этом примере более чем наглядно видно, что понятие причинности никоим образом не исчерпывает и не может исчерпать всей объективной предопределенности явлений, оно отражает лишь одну сторону, один момент этой предопределенности. В данном случае более чем бросается в глаза, что в понятии причинности находит свое отражение связь лишь между прошлым и настоящим. Применяя его как единственное выражение объективной предопределенности, используя его и для выявления связей между настоящим и будущим, мы неизбежно огрубляем, упрощаем, а тем самым и искажаем действительность. Примером такого огрубления, упрощения действительности как раз и является абсолютный каузальный детерминизм.

Выход из положения не может состоять в попытке «расширить» понятие причинности до такого предела, чтобы оно исчерпало собой объективную предопределенность явлений. Этот путь ведет в конце концов к тому, что само понятие каузальности теряет всякое методологическое значение. «Расширить» понятие причинности значит уничтожить его, ибо именно в его «узости» и состоит весь его реальный смысл. К желаемому результату может привести лишь четкое понимание того, что раскрыть картину возникновения и изменения явлений можно лишь в том случае, если наряду с понятиями причины и следствия использовать и другие категории, более глубоко отражающие объективную предопределенность явлений.

4. Движение познания от явлений к сущности, от событий к процессу. Процесс, его факторы, условия, уровни и подуровни

Как видно из предшествующего изложения, к числу категорий, выражающих предопределенность развития прежде всего должны быть отнесены понятия *возможности* и *действительности*. Если категории причины и следствия вскрывают связь прошлого и настоящего, то категории возможности и действительности выражают связь настоящего и будущего. Только использование их позволяет глубоко проникнуть в будущее.

Понятие возможности теснейшим образом связано с понятием условий. Последнее характеризует не будущее, а настоящее, но такое которое таит в себе будущее. Поэтому возможность обычно определяют как совокупность условий, делающих возможным появление тех или иных, еще пока не существующих явлений.

Поэтому, казалось бы, что для понимания природы возможности лучше всего было бы обратиться к трудам сторонников того направления, центральным понятием которого является категория условия. Но, к сожалению, они не только не проливают света на это понятие, а, наоборот, затемняют его. Выше уже отмечалось, что кондиционалисты нигде не дают ясного определения понятию условий. Не проводят сколько-нибудь четкой грани между условиями существования тех или иных уже бытующих явлений (условиями бытия, бытийными) и условиями, вызывающими появление тех или иных новых ранее не существовавших явлений, порождающими их (генетическими условиями). Они вообще, когда говорили о возникновении новых явлений, старались не пользоваться словами «порождение», ибо это явно сближало их взгляды с каузалистскими. Они предпочитали писать об «осуществлении» явлений, о «вызывании» явлений их условиями. В целом же они чаще всего говорили о зависимости явлений от условий, не различая бытийных и генетических условий.

Условия явлений они понимали как явления же. «Что такое в самом деле условия какого-нибудь состояния или явления? — спрашивал М. Ферворн и отвечая. — Они в свою очередь — такие же состояния и явления, т. е. вещи, обладающие определенными качествами»¹⁶. Отношение между явлением и его условиями кондиционалисты иногда толковали как отношение между целым и его частями. «Каждое явление или состояние, — писал тот же автор, — идентично с суммой своих условий»¹⁷. «Явление или состояние, — пояснял он, — на самом деле не что иное, как совокупность своих условий»¹⁸.

¹⁶ Ферворн М. Общая физиология... С. 68.

¹⁷ Там же. С. 94.

¹⁸ Там же. С. 68.

С тем, что условия есть вещи или состояния, можно согласиться. Но понимание явления как целого, а условий как его частей ошибочно даже в отношении условий бытия. Организма высшего животного, например, не может существовать без среды: воздуха, воды, определенной температуры и т. п. Все эти явления — необходимые условия существования организма, но отнюдь не его части. Тем более это неприменимо к генетическим условиям. Последние заведомо не могут быть частями нового явления, ибо они существуют и тогда, когда самого этого явления еще нет, оно еще не возникло.

Беда кондиционалистов заключается в том, что они останавливались на уровне явлений, не доходя до познания их сущности. И этот недостаток был свойственен не только им, но и их противникам — каузалистам. Кое-кто может с такого рода заявлением не согласиться: ведь каузалисты доходили до познания необходимых связей. Действительно, установленная ими путем использования приемов бэконов-ской индукции связь типа А—Б есть связь не единичная, а общая, существенная. Зная ее, мы в известном смысле знаем необходимость. И в то же время мы не знаем необходимость. Существуют разные уровни знания необходимости. Существенное еще само по себе есть сущностное. Чтобы раскрыть сущность мало знать, что А порождает Б. Нужно для этого еще обязательно знать, почему А порождает Б. Только тогда мы знаем сущность, законы, необходимость не в известном, а в полном и точном смысле слова. Только тогда, когда мы знаем, почему А вызывает Б, мы можем предвидеть и такие ситуации, когда А не вызывает Б.

Движение от познания явлений к познанию сущности есть переход от взгляда на происходящие в объективном мире изменения как на чередование множества событий к пониманию этого мира как многоуровневой системы процессов, причем процессов развивающихся по определенным объективным законам. Как уже отмечалось во второй книге (II.9.3), эти процессы являются саморазвивающимися. Введение понятия процесса делает необходимым выработку понятия его движущих сил. Каждому саморазвивающемуся процессу присуща определенная естественная объективная сила, обуславливающая именно такое, а не иное его развитие. Имеются и силы, не определяющие направление развертывания процесса, но более или менее заметно влияющие на его протекание.

Для обозначения этих сил чаще всего используется термин *факторы* (от лат. *factor* — делающий, производящий). Именно это термин, по-видимому, вполне можно использовать в этом значении. Факторы можно подразделить на определяющие и влияющие. А все остальное, без чего процесса не существует, можно называть *условиями*.

Всякий объективный процесс имеет два главных уровня. Один из них — самый низший — уровень отдельного, уровень явлений, конкретных единичных событий, короче, *событийный* уровень. Второй — уровень общего, сущности, необходимого, закономерного. Его можно назвать также *процессуальным* уровнем. Процессуальный уровень не имеет самостоятельного бытия. Он может существовать только в единичных событиях. Процессуальное существует только в событийном, а событийного нет и не может быть без процессуального.

В свою очередь процессуальный уровень может быть подразделен на несколько подуровней. Может существовать целая иерархия процессов, из которых процесс более высокого подуровня (общий процесс) проявляется и существует в процессе более низкого подуровня (особенном), причем при этом один и тот же процесс может быть общим по отношению к процессу более низкого подуровня и особенным — по отношению к процессу более высокого подуровня.

С переходом от событийного уровня к процессуальному уровню привычные для нас понятия причины и следствия теряют свое прежнее значение. На этом высшем уровне нет явлений, нет событий. И определение причины и следствия как явлений, из которых одно порождает другое, теряет смысл. И если применительно к этому уровню продолжают говорить о причине или причинах, то имеют в виду нечто иное, чаще всего действие тех или иных факторов развития.

Необходимо учитывать, что существуют не только уровни, но и этажи объективного мира (подробно об этом см. IY1.5). Существуют не только макромир, но также и мегамир, и микромир. И совершенно не исключено, что понятия причины и следствия, созданные на материале событийного уровня макромира, могут оказаться не применимыми не только к процессуальному уровню макромира, но и к событийному уровню микромира.

Могут сказать, что в таком случае допускается появление в микромире беспричинных явлений, т. е. событий ничем не предопределенных. Ничего подобного. Даже полный отказ от понятия причинности вовсе не означает перехода на позиции индетерминизма. Это можно наглядно видеть на примере кондиционализма. Кондиционалисты, отбрасывая понятие причинности, отнюдь не отказывались от понятия объективной предопределенности. Выше уже неоднократно отмечалось, что понятие причинности не тождественно понятию объективной предопределенности. Причинность есть всего лишь один из моментов объективной предопределенности и никак не более. Но не исключено, что причинность — не просто всего лишь один из моментов предопределенности, но и такой, который не является всеобщим. Но допущение того, что в той или иной области мира нет причинной предопределенности, вовсе не означает отказа от признания всеобщего характера объективной предопределенности. Все без малейшего исключения объективно предопределены, но не все они причинно предопределены.

Течение всех процессов всегда объективно предопределено. Но это отнюдь не только исключает, но, наоборот, и предполагает существование объективной же неопределенности.

5. Предопределенность и неопределенность. Необходимость и случайность

Из всех понятий, характеризующих реально существующую в мире относительную предопределенность, т. е. такую, которая включает в себя неопределенность, первыми скорее всего появились категории причинности, необходимости и случайности. Последняя была характеристикой только явлений, событий. Категория необходимости характеризовала одновременно и явления, и связи, причем первоначально лишь одну форму связи — причинно-следственную. Понятия причинной и необходимой связи во многом сливались.

Необходимым называли то, что не могло не быть, не могло не возникнуть, т. е. абсолютно предопределенное. Случайным именовали то, что могло возникнуть, а могло и не возникнуть, т. е. полностью неопределенное. Ошибочным является взгляд на мир как такой, в котором царит абсолютная предопределенность (абсолютный детерминизм), также как и такой, согласно которому в мире нет никакой предопределенности, все абсолютно неопределенно (индетерминизм). Но это отнюдь не означает, что понятия необходимости и случайности ошибочны, лишены объективного содержания. И необходимость, и случайность реально существуют, но только не как что-то всеобъемлющее, а лишь как моменты относительной предопределенности. Использование этих понятий ведет к искажению картины действительности только тогда (да и то лишь с определенного этапа развития познания), когда их полностью отрывают друг от друга и абсолютно противопоставляют.

Взятые же в неразрывном единстве эти две категории обеспечивают глубокое понимание относительного детерминизма, соотношения в нем предопределенности и неопределенности. Выше уже отмечалось о существовании двух уровней реальных процессов: событийного и процессуального, который подразделен на несколько подуровней. Самый низший подуровень процессуального уровня может быть назван инфрапроцессуальным (лат. *infra* — под, ниже, нижний).

Отношение необходимости и случайности особенно наглядно можно видеть на примере соотношения инфрапроцессуального и событийного уровней конкретно-реальных процессов. Инфрапроцессуальный уровень есть уровень общего, сущности, необходимости. В результате действия прежде всего определяющего фактора становятся совершенно необходимыми определенные изменения. Но эти, ставшие абсолютно необходимыми, преобразования должны быть воплощены в совершенно конкретных явлениях, конкретных событиях. А каковы будут эти единичные явления зависит не только от определяющего фактора, но и от влияющих факторов, а также множества условий.

Общее может воплотиться в одном отдельном, а может в другом. Сущность обязательно обретет существование в явлениях, но проявиться она может в одних явлениях, а может в других. Иначе говоря, то, что не может не быть, проявляется в том, что может быть, а может не быть. Необходимость проявляется в случайностях и тем самым существует только в случайностях. Случайность есть проявление и единственный способ существования необходимости или в крайнем случае, как говорил Г. Гегель, дополнение к необходимости.

Так как необходимость может существовать только в оболочке случайностей и ни в коем случае не иначе, то в этом смысле она всегда является и случайной. Так как только в случайностях может проявиться и существовать необходимость, то в этом смысле случайность является необходимой. Без случайностей не было бы и необходимости. «То, что утверждается как необходимое, — писал Ф. Энгельс, — слагается из чистых случайностей, а то, что считается случайным, представляет собой форму, за которой скрывается необходимость...»¹⁹.

Отношение инфрапроцессуального и событийного уровней конкретно-реального процесса есть, если можно так выразиться, классический образец отношения необходимости и случайности. Но случайным может быть не только отдельное, но и общее. Инфрапроцессуальный подуровень процессуального уровня выступает как уровень необходимости по отношению к событийному уровню этого же процесса. А по отношению к более высокому подуровню этого же процесса он может выступать в качестве случайного. Как уже указывалось, иерархия подуровней процессуального уровня конкретно-реального процесса есть иерархия процессов, из которых каждый высший (общий) существует в более низком (особенном) процессе. В развитии всегда существуют развилки. В зависимости от влияющих факторов и условий общий процесс может воплотиться в одном особенном процессе, а может в другом. Развитие процесса вариативно не только на событийном уровне, но и на каждом подуровне процессуального уровня. Таким образом, отношения необходимого и случайного есть отношения не только общего и отдельного, но и общего и особенного, сущности более высокого порядка (уровня) и сущности более низкого порядка (уровня).

¹⁹ Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд2-е. Т. 21. С. 303.

Таким образом, всякая общая связь может быть в определенном отношении случайной. С другой стороны, единичная связь может быть необходимой, но тоже лишь в определенном отношении. Связь между конкретными единичными явлениями А1 и Б1, из которых первое порождает второе, является одновременно и случайной, и необходимой: это такая случайная связь, в которой проявляется необходимость. Но если вырвать из общего контекста и рассматривать изолированно, то она выступит как только и только необходимая.

Необходимое в одном отношении может выступать как случайное в другом, случайное в одном отношении может выступать как необходимое в другом. А это значит, что в мире нет ни абсолютной предопределенности как таковой, ни абсолютной неопределенности, как таковой. Абсолютная предопределенность и абсолютная неопределенность существуют лишь как моменты объективной мировой предопределенности, необходимо включающей в себя неопределенность и в силу этого носящей в целом относительный, вероятный, а не абсолютный характер.

6. Возможность и действительность, возможность и невозможность, вероятность и неизбежность

В предшествующем разделе проблема предопределенности и неопределенности рассматривалась с позиции структуры процесса, в плане в основном, если можно так выразиться, «вертикальном»: мысль двигалась от одного уровня или подуровня процесса к другому, то вверх, то вниз. Но процесс всегда развивается во времени: идет движение от настоящего его состояния к будущему. Поэтому нужен не только структурный, «вертикальный», но временной (темпоральный), «горизонтальный» подход.

Важнейшими понятиями, связывающими настоящее с будущим, являются, как уже указывалось, категории возможности и действительности.

Возможность и действительность ни в коем случае нельзя ни отождествлять, ни отрывать друг от друга. Возможность и действительность — не одно и то же. Действительность есть то, что уже возникло и существует. Возможность — то, чего пока нет, но что может возникнуть, появиться. В этом смысле действительность и возможность противоположны. Но если возможность существует, то она может существовать только в действительности и никак не иначе. Если ее нет в действительности, то ее нет вообще. И этой действительностью, в которой существует возможность, является целостный комплекс определяющих процесс и влияющих на него факторов, а также и условий. В этом смысле всякая возможность есть непременно и действительность. С другой стороны, всякая действительность включает в себе возможность возникновения чего-то, что еще не существует. В этом смысле действительность всегда одновременно есть и возможность чего-то, отличного от действительности.

Понятие возможности противоположно понятию не только действительности, но и понятию невозможности. Возможно то, что может возникнуть, невозможно то, что появиться не может. Существуют разные виды невозможности. Есть абсолютная невозможность, когда то или иное явление не может появиться потому, что его возникновение исключают законы природы или общества. Если говорить только о человеческой деятельности, то абсолютно невозможно, например, создание вечного двигателя. Невозможны сейчас и межзвездные полеты, но только сейчас, при современном уровне развития техники. С прогрессом техники они могут стать вполне возможными. Таким образом, граница между такого рода невозможностью и возможностью является относительной. Это относительная невозможность.

Существую и разные виды возможности, Г. Гегель, например, когда речь заходила о человеческой жизни и деятельности, различал формальную и реальную возможности. Под формально возможным он понимал то, что в принципе не невозможно, не противоречит законом природы и общества, но для реализации чего сейчас нет никаких условий²⁰. Такого рода возможность тесно смыкается с относительной невозможностью. В дальнейшем изложении речь будет идти только о реальных возможностях.

Самое главное в отношении возможности и действительности — превращение возможности в действительность, в ходе которого то, что существовало только в возможности, но не в действительности, начинает существовать в действительности.

Так как результат процесса зависит не только от определяющего, но и влияющих факторов, а также от условий, то одна и та же действительность может заключать в себе не одну, а несколько конкурирующих реальных, т. е. способных стать реальностью, возможностей. Причем в силу иерархической структуры процесса существует и иерархия возможностей. Общая возможность включает в себя ряд особенных возможностей, которые в свою очередь могут распадаться на несколько еще более частных возможностей.

Настоящее, таким образом, всегда содержит в себе возможности нескольких вариантов будущего, несколько альтернатив дальнейшего развития. Тем самым вопрос об абсолютной предопределенности всех явлений в мире снимается. Будущее может быть таким, а может быть и иным. Но если снимается вопрос об абсолютной предопределенности, то не снимается проблема предопределенности вообще.

²⁰ Гегель Г. Наука логика. Т. 2. Философия природы. М., 1971. С. 188-192.

То или иное явление реально возможно только в том случае, если существуют объективные предпосылки, объективные факторы и условия, предопределяющие его возникновение. Понятие реальной возможности неотделимо от понятия предопределенности. Когда существует только одна возможность, можно говорить об абсолютной предопределенности. Если же имеют место несколько конкурирующих возможностей, то предопределенность существует в неразрывной связи с неопределенностью. Превращение каждой из конкурирующих реальных возможностей в действительность одновременно и предопределено и не предопределено, иными словами, является лишь вероятным, причем вероятность превращения той или иной возможности в действительность может быть большей или меньшей, может возрастать, а может и уменьшаться. Таким образом, *вероятность* есть не что иное, как неразрывное единство предопределенности и неопределенности, есть мера предопределенности неопределенности или, что то же самое, мера неопределенности самой предопределенности.

Если категории причины и следствия, необходимости и случайности, возможности и действительности являются парными, то понятие вероятности обычно употребляется как одиночное. Но и у него есть своя противоположность — понятие *неизбежности*, или *неотвратимости*. Последнее крайне близко к понятию необходимости, но тем не менее отличается от него. Понятие необходимости выражает связи между уровнями и подуровнями процесса. Но для характеристики отношений между настоящим и будущим больше подходит понятие неизбежности.

Понятие вероятности имеет самое широкое применение в науке. Как уже говорилось во второй книге (II.16.2), пользуются им и сторонники абсолютного каузального детерминизма. Но с их точки зрения, вероятность носит чисто субъективный характер. Все явления в мире абсолютно предопределены, и если мы не можем с абсолютной точностью предсказать наступление того или иного явления, то лишь потому, что не все о нем знаем. Бесспорно, что бывают случаи, когда отсутствие точности предсказания обусловлено исключительно недостаточным знанием реального положения вещей. Но кроме субъективной вероятности существует и объективная вероятность как единство объективной предопределенности и объективной же неопределенности. В огромном количестве ситуаций мы не можем с абсолютной точностью предсказать исход того или иного процесса вовсе не потому, что мало знаем о нем, а потому, что исход его на самом деле не предопределен абсолютно и поэтому независимо от нашего сознания является лишь более или менее вероятным.

В реальности никогда не бывает такой ситуации, при которой существует одна единственная реальная возможность. Поэтому нет и не может абсолютной неизбежности. Но бывает, особенно в случае более или менее простых процессов, что существующие реальные возможности крайне близки друг к другу. В результате, какая бы из них ни реализовалась, действительность будет практически одной и той же. Это мы уже видели на примере применения приемов бэко-новской индукции для выявления причин явлений, при котором сходные явления (A_1 , A_2 , A_3 и т. п.) рассматриваются как одно и то же, но повторяющееся явление (A).

Степень вероятности реализации той или иной возможности может укладываться в пределах от нуля процентов, что равнозначно невозможности, до ста процентов, что равносильно неизбежности. Вероятность и неизбежность — противоположности, но степень вероятности реализации возможности и степень неизбежности реализации возможности есть одно и то же.

Бывает, что на каком-то этапе развития степень реализации соперничающих возможностей является одинаковой. Но чаще она бывает разной. Но главное, пожалуй, заключается в том, что в процессе развития вероятность реализации тех или иных возможностей меняется: она может возрастать, а может уменьшаться. Возрастание реализации одних возможностей влечет за собой уменьшение вероятности реализации других.

В ходе развития вероятность реализации одного из вариантов, одной из альтернатив будущего может возрасти настолько, что если не теоретически, то практически дальнейший процесс становится почти что полностью предопределенным. В таком случае можно говорить о *дисвариантизации*, *дизальтеризации* (от лат. *dis* — приставка, означающая отрицание) или *унификации* (от лат. *unus* — один и *via* — путь, дорога) развития. Но до конца о полной дисвариантизации говорить не приходится. Если, скажем, из двух главных вариантов будущего развития более или менее определенно побеждает один, то сам этот вариант может реализоваться в разных меньших вариантах (подвариантах). В этом смысле полная дизальтеризация возможного развития совпадает с превращением возможности в действительность.

Особенно сложна ситуация, когда вероятность превращения конкурирующих существенно отличных друг от друга возможностей в действительность остается абсолютно одинаковой вплоть до самого момента реализации одной из них, т. е. дисвариантизация происходит только в момент превращения возможности в действительность, в момент реализации возможности. В таком случае исход событий остается до самого конца совершенно неопределенным. Но и в таком случае нет абсолютной неопределенности. Прежде всего, превратиться в действительность может только то, что реально возможно, а число таких реальных возможностей никогда не безгранично, как это получалось у кондиционалистов.

Возможность заключена не в случайном стечении условий, а в факторах и условиях определенного конкретнореального процесса. И в силу существования в этом процесс нескольких уровней и подуровней то, что на низшем уровне, особенно на событийном, выступает как совершенно случайное, неопределенное, на высшем является необходимым, полностью предопределенным. Неопределенное есть проявление и формы бытия предопределенного. Поэтому, какими бы ни были внешне различными возможные исходы событий, они всегда имеют между собой общее, всегда представляют собой не абсолютно исключают друг друга пути развития, а два варианта одного и того же основного пути.

Но самое главное заключается в том, что в каждом процессе действует только один определяющий фактор. Поэтому в главном и основном результат этого процесса предопределен. Но только в главном и основном. Каким же он будет в деталях, иногда даже существенных, зависит от влияющих факторов и условий.

Представляя собой меру предопределенности неопределенности, или, что то же самое, меру неопределенности предопределенности, вероятность выступает не только в отношении на одном уровне, например, между конкурирующими возможностями, но в отношении между разными уровнями, между случайностью и необходимостью. Необходимость проявляется в случайностях, но она может проявиться в одной серии случайностей, а может в другой. Поэтому вполне законным является вопрос о том, насколько вероятно, а тем самым насколько неизбежно проявление необходимости именно в этих, а не иных случайностях, который является одновременно и вопросом о том, насколько вероятно реализация одной и той же необходимости в той или иной серии реально возможных случайностей.

Закономерность как категория вероятностного (вариативного, относительного) детерминизма

7. Закономерность как категория вероятностного детерминизма

Как видно из сказанного, категории вероятности и неизбежности, предопределенности и неопределенности являются столь же всеобщими, как и категории возможности и действительности, случайности и необходимости, и не в меньшей степени, чем последние, заслуживают права именоваться категориями диалектики. Только они в неразрывном единстве с понятиями возможности и действительности, случайности и необходимости позволяют снять альтернативу, веками стоявшую перед учеными и философами: или абсолютный детерминизм, или индетерминизм. Они позволяют понять, что и первый, и последний представляют собой не что иное, как абсолютизацию, раздувание противоположных моментов существующей в мире объективной предопределенности.

Такая характеристика абсолютного детерминизма и индетерминизма ни в коей мере не означает, что они являются в одинаковой степени ошибочными и в одинаковой степени несущими зерна истины. Ничего подобного. Между абсолютным детерминизмом и индетерминизмом существует принципиальное различие, заключающееся в том, что в основе первого лежит верная идея, а в основе второго — ошибочная.

Основная идея абсолютного детерминизма — мысль о существовании в мире естественной объективной предопределенности, естественного мирового порядка — лежит в основе и *вероятностного, относительного, диалектического детерминизма*. Диалектический детерминизм, как и абсолютный детерминизм, есть учение об объективной предопределенности всех существующих в мире явлений о всеобщем естественном мировом порядке. В этом отношении он является не только относительным, но и абсолютным.

Но в отличие от абсолютного детерминизма, он представляет собой учение о такой объективной предопределенности явлений, которая не только не исключает неопределенность, а, напротив, включает ее в себя в качестве своего необходимейшего момента; которая является не абсолютной, а относительной, вероятностной. Категорией, характеризующей относительную предопределенность, является понятие *закономерности* как отличное от понятия необходимости. Если абсолютный детерминизм — учение о том, что в мире все необходимо, а поэтому и закономерно, то диалектический детерминизм есть учение о том, что в мире все закономерно, хотя и не все необходимо, что мир есть закономерное движение материи.

Моментами объективной мировой закономерности являются законы. Всякий закон науки представляет собой отражение того или иного момента объективной мировой предопределенности. Моменты эти различны, иногда даже противоположны. Поэтому различны по своему характеру и законы их отображающие.

Абсолютная предопределенность, не существуя как таковая, в чистом виде, существует как один из моментов относительной предопределенности явлений. Законы науки, отражающие эти моменты абсолютной предопределенности в относительной предопределенности, и носят обычно наименование *динамических*.

Законы науки, отображающие предопределенность как она проявляется во множестве однородных явлений, каждое из которых выступает в данном отношении как абсолютно неопределенное, носят название *статистических*. В том случае, когда данное множество явлений не образует целостной системы, статистические закономерности являются исчерпывающими. В других случаях открытие статистических законов есть лишь шаг на пути познания более глубоких законов, более глубокой объективной предопределенности явлений.

Представляя собой отражение крайних моментов относительной предопределенности явлений мира, динамические и статистические законы не являются единственно существующими. Имеются закономерности, не относящиеся ни к той, ни к другой группе. Открывая все новые и новые законы, человек все глубже и глубже отражает объективную предопределенность явлений, никогда в то же время ее не исчерпывая. Как уже указывалось, индетерминисты, исключая предопределенность, необходимость и признавая одну лишь случайность, тем самым отрицали возможность предвидения хода событий. Абсолютные детерминисты, отбрасывая объективные неопределенность, случайность, вероятность и признавая одну лишь необходимость, неизбежность тоже, сами того не осознавая, практически отвергали возможность предсказания течения процессов. Никакое предвидение будущего не было бы возможно ни в том случае, если бы в мире существовала только неопределенность, ни в том, если в мире все было бы абсолютно предопределено. Но в мире реально существует и предопределенность, и неопределенность, причем первая существует только во второй, а вторая является проявлением первой. Именно только в силу этого и возможно предвидение. Чтобы предсказать будущее, нет нужды знать все связи явлений, достаточно знания одних лишь существенных, необходимых отношений между ними, знания законов.

8. Проблема предопределенности и неопределенности и современная наука

Хотя диалектический, вероятностный детерминизм существует уже давно, однако большинству естествоиспытателей он до сих пор незнаком, что чревато немалыми неприятными последствиями. Хорошо известно, какую смуту в умах естествоиспытателей вызвало появление в первые десятилетия XX в. квантовой механики.

Невозможно было понять вновь открытые процессы, не допустив существования объективной случайности и объективной же вероятности. Но практически все физики до этих открытий, независимо от того, сознавали они этого или не осознавали, стояли на позициях абсолютного детерминизма. Для них понятие детерминизма было равнозначно понятию абсолютного детерминизма. Поэтому некоторыми из них крушение абсолютного детерминизма было воспринято как крах детерминизма вообще. Некоторыми, но не всеми. Но даже те физики, которые говорили о необходимости отказа от детерминизма и даже характеризовали квантовую механику как индетерминистическую, не спешили переходить на позиции индетерминизма. Практически все они в той или иной форме признавали существование и в квантовой механике какой-то объективной предопределенности. По существу все они, сами того четко не сознавая, занимались поисками какого-то другого детерминизма, отличного от привычного абсолютного. Существовал широкий спектр взглядов.

Крупнейший физик-теоретик Нильс Хендрик Давид Бор (1885-1962) писал, например, об отказе не от детерминизма вообще, а лишь от «классического идеала детерминизма», подчеркивая при этом, что не может быть и речи об отказе от «идеала причинности»²¹. Другой крупнейший физик-теоретик Макс Борн (1882-1970) в работе «Натуральная философия причины и случая» (1949) разводил понятия детерминизма и причинности. Если от первого можно отказаться, то от второго — ни в коем случае, ибо тогда не будет никакой науки. Несомненно, что существуют случайности, но это не означает отсутствие в мире необходимости. «В самом деле, — писал М. Борн, — „причина“ служит для выражения идеи необходимости в отношении между событиями, в то время как „случай“ означает как раз противоположное — полную беспорядочность. Природа, как и дела человеческие, кажется подверженной как необходимым, так и случайностям»²².

²¹ Бор Н. Квантовая физика и биология // Бор Н. Атомная физика и человеческое познание. М., 1961. С. 144, 146 и др.

²² Борн М. Натуральная философия причины и случая // Борн М. Моя жизнь и взгляды. М., 1973. С. 141.

В другой, более поздней работе «Непрерывность, детерминизм, реальность» (1955) М. Борн говорит о детерминизме, который не только не исключает, а предполагает вероятность. Он называет его слабым детерминизмом. Этот детерминизм присущ не только квантовой механике, где он выступает в явном виде, но и другим областям физики²³.

И даже те физики, которые, в отличие о Н. Бора и М. Борна, склонялись к идеализму и агностицизму, не могли не заметить, что в мире, описываемом квантовой механикой, существует какая-то предопределенность. В противном случае было бы абсолютно невозможно предвидеть и предсказать развитие процессов микромира. А квантовая механика бесспорно давала такую возможность. Так, например, немецкий физик Артур Марх, разделявший многие положения философии Эрнста Маха (1838-1916), в книге «Основы квантовой механики» (1931), просмотренной, кстати, перед изданием самим Вернером Карлом Гейзенбергом (1901-1976), писал: «Не следует, однако, ложно понимать квантовую механику, считая, что она защищает полный индетерминизм. Подобное утверждение не может быть сделано уже потому, что в таком случае она вообще отрицала бы возможность физической науки, так как если бы в мире существовала только случайность, было бы напрасным трудом задумываться о его будущем. В действительности наряду со случаем господствуют также и законы, а поэтому квантовая механика и не утверждает, что причинности просто нет, но только то, что последняя не должна быть понимаема с точки зрения классической механики»²⁴.

²³ Борн М. Непрерывность, детерминизм, реальность // Борн М. Размышления и воспоминания физика. М., 1977. С. 103-104.

²⁴ Марх А. Основы квантовой механики. Л.; М., 1933. С. 12.

Некоторые же исследователи, по-прежнему пытались цепляться за абсолютный детерминизм. Они упорно продолжали надеяться, что за обманчивой видимостью вероятностных явлений микромира скрываются реальные абсолютно детерминированные процессы.

Со времени появления квантовой механики прошел почти век. За это время несостоятельность абсолютного детерминизма обнаружилась и в других областях естествознания. Но так как естествоиспытатели по-прежнему не овладели диалектикой, их метания продолжаются. Достаточно сослаться на лекцию «Все ли предопределено?», прочитанную в 1990 г. на семинаре клуба «Сигма» в Кембриджском университете выдающимся современным физиком-теоретиком Стивеном Хокингом. Поставив в начале лекции вопрос: «Все ли предопределено?», лектор в заключение заявляет: «Ответ — да, все предопределено. Но можно считать, что и нет, так как мы не знаем, что же именно предопределено»²⁵.

Своеобразная попытка решить проблему предопределенности и неопределенности была предпринята бельгийским физиком Ильей Романовичем Пригожиным (1917-2003), одним из отцов синергетики. Сейчас естествознание с большим запозданием пришло, наконец, к одной из важнейших идей диалектики — идее саморазвивающихся процессов. Началась теоретическая разработка одной их формы, которая получила название самоорганизующихся процессов. По мнению И. Пригожина, самоорганизующийся процесс первоначально всецело подчинен необходимости, затем в результате нарастания флуктуации или комбинации флуктуаций существующая его организация не выдерживает и разрушается. В этот момент, который И. Пригожин называет особой точкой, или точкой бифуркации, наступает полное господство случайности. Развитие становится абсолютно неопределенным. После выбора одного пути из массы возможных вновь вступает в силу детерминизм и так до следующей точки бифуркации²⁶.

²⁵ Хокинг С. Черные дыры и молодые вселенные. СПб., 2001. С. 152.

²⁶ См.: Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. М.: Книжный дом «Либроком»/URSS, 2009; Они же. Время, хаос, квант. М.: Издательство ЛКИ/URSS, 2008 и др.

Понять, что любой процесс на всех этапах своего развития одновременно и предопределен, и не определен, причем на одних стадиях может выступить на первый план предопределенность, а на других — неопределенность, вследствие чего и возникает иллюзия замены полной предопределенности полной же неопределенностью, И. Пригожин так и не смог. Причина — незнание диалектики и, соответственно, отсутствие у него диалектического подхода к миру.

Многие ученые в самых различных областях все в большей степени стали убеждаться, что и в них имеют место случайности. И одновременно они же стали понимать, что эти случайности управляются объективными законами. Началось смятение: одни стали утверждать, что это какие-то не настоящие случайности, другие, что они — кажущиеся случайности. А американский математик Джеймс Зорк ввел для обозначения подобного «компромисса» между «абсолютной случайностью» и «полнейшей регулярностью» термин «хаос»²⁷.

Не все ученые принимают это определение. Но как бы то ни было, понятие хаоса для обозначения предопределенной неопределенности получило в последние 30-40 лет самое широкое распространение. Оно начало усиленно разрабатываться на материале многих наук. Стали говорить о возникновении науки о хаосе или, по меньшей мере, теории хаоса. «Понятие „хаос“, — пишет Джеймс Глейк в книге „Хаос. Создание новой науки“, — дало название стремительно развивающейся дисциплине, которая перевернула всю современную науку... Как утверждают современные теории, хаос присутствует везде... Хаос обнаруживается и в капризах природы, и в траектории движения летательного аппарата, и в поведении автомобилей в дорожной пробке, и в том, как струится нефть по нефтепроводу. Каковы бы ни были особенности конкретной системы, ее поведение подчиняется одним и тем же недавно открытым закономерностям... Хаос проявляет себя на стыке областей знания. Будучи наукой о глобальной природе систем, теория хаоса объединила ученых, работающих в весьма далеких сферах»²⁸.

²⁷ См.: *Мэттьюз Р.* 25 великих идей. Научные открытия, изменившие наш мир. М.; СПб., 2007. С. 148.

²⁸ *Глейк Дж.* Хаос. Создание новой науки. СПб., 2001. С. 11-13.

Так ученые идут к идее, которая давно открыта великими философами: идее диалектического единства необходимости и случайности, предопределенности и неопределенности. Наука заново и с немалым трудом рождает диалектику, которая давно уже родилась, но, увы, почти совсем не известна естествоиспытателям.

Когда физики, занимавшиеся квантовой механикой, выявили что возможно несколько вариантов развития событий, причем нередко равновероятных, перед ними встал вопрос о терминах, которые позволили бы описать эти новые для них явления. До сих пор, даже когда в области науки были абсолютными детерминистами, они практически исходили из того, что в сфере человеческой деятельности возможны разные образы действий, а тем самым выбор человеком одного из них, что предполагает свободу человека выбирать, т. е. свободу его воли. Открыв объективную вариативность, они стали использовать термин «выбор» для характеристики исследуемых ими объективных физических процессов, а некоторые из них начали говорить и о свободе тех или иных элементарных частиц, прежде всего свободе электрона. В нашей литературе начали писать даже, что якобы нашлись физики, которые стали писать о «свободе воли» электрона, выбирающего себе орбиту. Правда, подтверждения этому я не нашел.

О свободе электронов стали говорить даже и те ученые, которые считали себя не просто материалистами, а сторонниками марксистского материализма. Так, например, известный советский ученый и организатор науки Отто Юльевич Шмидт (1891-1956) в 1929 г. в докладе «Задачи марксистов в области естествознания» как о само собой разумеющемся говорил, что «в микрокосмосе отдельные электроны свободны в своих проявлениях»²⁹, и никто из участвовавших в прениях ему не возразил. Самое же удивительное, что буквально вслед за такого рода утверждением О. Ю. Шмидт обрушился на тех зарубежных физиков, которые будто бы приписывают электрону свободу воли³⁰.

Использование слов, характеризующих действия человека, для описания процессов, происходящих в объективном мире, имеет давнюю традицию в науке о природе. С течением времени эти термины теряют антропоморфный характер, объективируются. Об этом, в частности, писал в свое время великий физик-теоретик Макс Карл Эрнст Людвиг Планк (1858-1947) (см. IV.14.2). Поэтому не исключено, что использование слова «выбор» для характеристики вариативности физических процессов, может стать привычным. Но все же применение понятия «выбор», который ассоциируется с понятиями «свобода» и тем более «свобода воли» при описании природных явлений вряд ли целесообразно, несмотря, в частности, на утвердившиеся в механике и термодинамике понятия «степеней свободы».

²⁹ Задачи марксистов в области естествознания. Доклад О. Ю. Шмидта, прения по докладу и заключительное слово. М., 1929. С. 15.

³⁰ Там же.

Н. Бор рассказывает, что на V Физическом конгрессе Института Сольвей (1928) разгорелся спор о том, как следует говорить о рассмотренных выше явлениях. «Спор вертелся, — читаем мы у него, — вокруг вопроса, следует ли применять к осуществлению отдельного эффекта (из числа возможных) терминологию, предложенную Дираком, согласно которой мы имеем дело с выбором со стороны „природы“, или же мы должны говорить, как предлагал Гейзенберг, о выборе со стороны „наблюдателя“, построившего измерительные приборы и сделавшего отсчет результатов. Любая такая терминология представляется, однако, сомнительной; в самом деле, с одной стороны, едва ли допустимо приписывать природу воли в обычном смысле, а с другой, — наблюдатель никак не может повлиять на события, которые протекают при созданных условиях»³¹. Возвращаясь к этому вопросу в другой работе, Н. Бор писал, что хотя такое явление картинно описывают как «выбор природы», однако это выражение не «содержит намека на одухотворенность природы»³².

Все говорит о том, что сейчас естественным наукам необходимы новые понятия и термины. На мой взгляд, такими терминами вполне могли бы стать уже использовавшиеся ранее в данной главе слова «дисвариантизация», «дизальтеризация», «унивиация».

³¹ Бор Н. Дискуссия с Эйнштейном о проблемах теории познания в атомной физике // Бор Н. Атомная физика и человеческое познание... С. 75.

³² Бор Н. Единство знания // Бор Н. Атомная физика и человеческое познание... С. 103.

В природе есть предопределенность и неопределенность, возможность и действительность, вероятность, случайность и необходимость, а тем самым и вариативность, альтернативность развития. Все это делает свободу возможной, но не более того. В природе самой по себе никакой свободы нет, что нисколько не исключает признания бытия в ней вариативности, альтернативности. Свобода возникает только с человеком и присуща только человеку.

Во одном из предшествующих разделов (4.1) уже рассматривались моменты, которые дали некоторым современным ученым основания трактовать деятельность животных как целенаправленную, сознательную, волевою и даже свободную. Изложенное выше понимание природы существующей в мире объективной детерминированности позволяет добавить ко всему сказанному еще один момент. Рефлекторную деятельность вообще, условно-рефлекторную деятельность в частности, принято было рассматривать как абсолютно детерминированную. Именно так ее прямо характеризовал выдающийся русский физиолог Иван Михайлович Сеченов (1829-1905) (см. П.8.3). В действительности условно-рефлекторная деятельность животных, как и любой другой природный процесс, является не абсолютно, а лишь относительно детерминированной. В поведении животных всегда имеет место не только предопределенность, но и неопределенность. Принимая неопределенность, присущую поведению животных, за свободу¹, одни исследователи приходили к выводу¹, что деятельность животных не является рефлекторной, а другие, что рефлекторная деятельность вполне может быть сознательной и свободной.

Глава 6. Диалектико-материалистическое решение проблемы свободы и необходимости

1. Обыденное понимание соотношения свободы и необходимости

Как уже неоднократно подчеркивалось, только наличие в мире одновременно и неопределенности и predeterminedности, и необходимости и случайности создает объективную возможность свободы, но последняя, разумеется, возникает только с появлением человека. Несомненно существование свободы воли человека, которую, однако, можно понимать по-разному. Самое простое, житейское представление о свободе воли, а тем самым и о свободе вообще — человек в каких-то пределах может выбирать образ действия, может вести себя так, а может и иначе. Но проблема свободы отнюдь не сводится к вопросу о свободе воли. Без свободы воли, разумеется, не может быть никакой свободы вообще. Но признание существования свободы воли, т. е. возможности выбора способа действия, не есть еще решение проблемы свободы. В истории философии встречалось немало мыслителей, которые имплицитно, практически (а иногда и эксплицитно, теоретически) признавали свободу воли, но отрицали реальную свободу человека.

Решение проблемы свободы совершенно невозможно без соотнесения ее с необходимостью, т. е. предопределенностью. Проблема свободы в своей сущности есть вопрос о соотношении ее с необходимостью. Но в обыденном понимании свобода и необходимость абсолютно исключают друг друга. Свобода в житейском толковании состоит в том, что я могу действовать как мне заблагорассудится, ни с чем не считаясь. Необходимость в том же понимании заключается в том, что меня заставляют действовать определенным образом, совершенно не считаясь с моими желаниями. Свобода предполагает, что я полный хозяин своих поступков, я и только я и никто другой решаю, как действовать: хочу — поступаю так, хочу — совершенно противоположным образом. Напротив, необходимость предполагает не только и не просто ограничение моих решений и действий, но принуждение действовать только так и ни в коем случае не иначе. Необходимость предполагает существование определенной внешней, независимой от меня силы, не считающейся с моими желаниями, заставляющей меня действовать строго определенным образом. Свобода заключается в том, что я выступаю в роли господина, хозяина, необходимость предполагает бытие у меня хозяина, который господствует надо мной, а тем самым и низведение меня до положения раба.

2. Проблема отношения свободы и необходимости в домарксистской философии

В действительности же свобода и необходимость теснейшим образом связаны. Иногда даже говорят, что они неразрывно связаны. Последнее положение, конечно, ошибочно. Необходимость может существовать и существует и без всякой свободы. Она объективна, т. е. существует совершенно независимо от сознания, без которого нет и не может быть никакой свободой, а если ограничиться лишь необходимостью в природе, то она существовала без сознания и до возникновения сознания. А вот свобода на самом деле неразрывно связана с необходимостью, ее нет и не может быть без объективной необходимости.

Связь свободы с необходимостью осознали, как уже указывалось во второй книге цикла (11.15; 16.4; 16.6), конечно же, только философы: в античности — стоики, в Новое время — Бенедикт (Барух) Спиноза (1632-1677), Готфрид Вильгельм Лейбниц (1646-1716), Иоганн Готлиб Фихте (1762-1814), Фридрих Вильгельм Йозеф Шеллинг (1775-1854), Георг Вильгельм Фридрих Гегель (1770-1831). Все они так или иначе понимали свободу прежде всего как познание необходимости.

Как все они считали, необходимость всегда определяет поведение людей, совершенно независимо от того, знают они ее или не знают. Естественно возникал вопрос, каким образом, необходимость, о которой люди ничего не знают, может определять их поведение. Ведь все, что приводит людей в движение, исключая лишь рефлекторные их действия, должно проходить через их сознание.

Совершенно ясное его понимание и соответственно ясный ответ на него мы находим лишь у Г. Гегеля. Как подчеркивает он, необходимость всегда на поверхности выступает в форме случайностей¹. Когда человек не знает необходимости, эта непознанная, «слепая», как называет ее Г. Гегель, необходимость господствует над ним в форме случайностей. По существу к такому пониманию господства непознанной необходимости склонялись в конечном счете все названные мыслители, хотя они его столь четко никогда не формулировали.

¹ См.: Гегель Г. Энциклопедия философских наук. Т. 1. Наука логика... С. 319-320.

Власть случайностей есть одна из форм власти необходимости над человеком. Так господствует над ним слепая, т. е. непознанная, необходимость. Когда человек познает необходимость, ее власть над человеком от этого, разумеется, не исчезает. Но теперь человек подчиняется ей в силу не внешнего давления, а вследствие знания о том, каков с неизбежностью будет результат его действий.

В первом случае необходимость навязывается человеку через случайности. Человек ставит перед собой определенные цели и стремится их осуществить, а в результате, как говорит Г. Гегель, «часто из его действий выходит совершенно другое, чем то, что он предполагал и хотел»², реализуется не его замысел, а объективная неизвестная ему необходимость. Во втором случае, человек сознательно, добровольно подчиняется необходимости, ибо понимает, что иного быть не может, что сопротивляться необходимости и невозможно, и неразумно.

Таким образом, существуют две формы власти необходимости над человеком и соответственно две формы подчинения человека необходимости: одна принудительная, вторая — добровольная. В обоих этих случаях, если не весь ход человеческих действий, то их конечный исход абсолютно предопределен. У стоиков их фатализм выступает совершенно открыто. Свобода есть не что иное, как добровольное следование необходимости, добровольное подчинение ей. Фатализм присущ и Б. Спинозе. Когда он говорит о свободе, он ее понимает как отсутствие внешнего принуждения.

² См.: Гегель Г. Энциклопедия философских наук. Т. 1. Наука логика... С. 324.

Г. Гегель отрешивается от «слепого» фатализма. «Слепа необходимость, — пишет он, — лишь постольку, поскольку она не постигается в понятии, и нет поэтому ничего более превратного, чем упрек в слепом фатализме, который делают в философии истории за то, что она видит свою задачу в познании необходимости того, что произошло в истории человечества»³. Но по существу отсутствие фатализма в человеческой истории он видит в том, что люди могут действовать не только так, но и несколько иначе, в частности могут пойти вразрез с исторической необходимостью, что изменит частности, но не общий ход событий. Иначе говоря, он, как и другие названные выше мыслители, в конечном итоге сводит свободу человека к свободе воли, в способности действовать не только в соответствии с необходимостью, но и по капризу и произволу.

И это он делает несмотря на то, что, в отличие от многих других, прекрасно понимает, что реальная свобода не может быть сведена к свободе выбора. «Когда, — пишет он, — говорят о свободе воли, то часто понимают под этим голый произвол, т. е. волю в форме случайности. Но хотя произвол как способность определять себя к тому или иному, несомненно, есть существенный момент свободной по своему понятию воли, он, однако, отнюдь не есть сама свобода, а есть только формальная свобода»⁴.

Отвлекаясь от философии истории и касаясь обыденной жизни человека, Г. Гегель пытается обосновать тезис о том, что свобода человека заключается в том, что каждый сам кует свое счастье. «Это означает, — поясняет он, — что человек пожинает только свои собственные плоды. Противоположное воззрение состоит в том, что мы сваливаем вину за то, что нас постигает, на других людей, на неблагоприятные обстоятельства и т. п. Эта точка зрения несвободы и вместе с тем источник недовольства.

³ См.: Гегель Г. Энциклопедия философских наук. Т. 1. Наука логика... С. 323.

⁴ Там же. С. 319.

Когда же, напротив, человек признает, что происходящее с ним есть лишь эволюция его самого и что он несет лишь свою собственную вину, он относится ко всему как свободный человек и во всех обстоятельствах своей жизни сохраняет веру, что он не претерпевает несправедливости»⁵. В этом высказывании Г. Гегеля четко проявляются присущие ему в поздние годы охранительные тенденции, стремление объяснить все беды человека как следствие свободно предпринятых им действий, но никак не общественного строя, при котором он живет, но никакого серьезного осмысления понятия реальной свободы, как отличной от свободы воли, от формальной свободы у него здесь нет.

Столь же неудачна и другая попытка. «Понимание происходящего как необходимого, — пишет он, — кажется на первый взгляд совершенно несвободной позицией. Древние, как известно, понимали необходимость как *судьбу*, а современная точка зрения есть, скорее, точка зрения *утешения*. Последняя состоит вообще в том, что отказываясь от наших целей, наших интересов, мы делаем это в надежде получить возмещение за самоограничение. Судьба, напротив, не оставляет места для утешения. Присматриваясь ближе к представлению древних о судьбе, мы убеждаемся, что оно, однако, показывает нам отнюдь не картину несвободы, а скорее, наоборот, картину свободы»⁶. Но, во-первых, это не совсем так, даже более, совсем не так (достаточно вспомнить миф об Эдипе), но даже если бы Гегель в толковании понятия древних о судьбе был бы прав, это ни малейшей степени ничего не объясняет. Нужен анализ не представлений людей о свободе, а реальной свободы.

⁵ См.: Гегель Г. Энциклопедия философских наук. Т. 1. Наука логика... С. 326.

⁶ Там же. С. 324.

3. Свобода как практическое господство человека над объективным миром, «приручение», «оседлание», «обуздание» необходимости

Понимание свободы только как познанной необходимости очень часто приписывается и диалектическому материализму. Так, например, научный сотрудник Института философии РАН Игорь Алексеевич Акчурин (1930-2005), стремясь, по-видимому, искупить свое советское философское прошлое, в котором он получил степень доктора философских наук, категорически утверждает, что «марксизм и его апологеты» «рабски» повторяют гегелевское положение о свободе как осознанной необходимости. Он не первый, кто приписал марксизму такую трактовку свободы. Это сделал еще один из видных деятелей российской социал-демократии Александр Самойлович Мартынов (1865-1935) в работе «Главнейшие моменты в истории русского марксизма» (1910). При этом он ссылаясь на Г. В. Плеханова и его книгу «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», в которой вопрос о соотношении свободы и необходимости ставился и рассматривался как главнейшая философская проблема. «В книге „К вопросу о развитии“, — писал А. С. Мартынов, — он показывает, как этот вопрос пыталась решить и в конце концов решила западно-европейская философия. С точки зрения чисто антропологической вопрос о взаимоотношении свободы и необходимости был решен очень давно. В этом смысле дали на него правильный ответ и Спиноза, и Лейбниц, и материалисты XVIII в.»⁷ Г. В. Плеханов действительно в указанной работе не раскрывает различия между решением проблемы свободы и необходимости, предложенной Спинозой, Лейбницем, Гегелем и марксистским ее решением. Не исключено, что он тогда до конца его и не понял в силу того, что не отрешился полностью от абсолютного детерминизма⁸. Но ведь это Г. В. Плеханов, а не К. Маркс и не Ф. Энгельс.

⁷ Мартынов А. Главнейшие моменты в истории русского марксизма // Общественное движение в России в начале XX века. Т. 2. Ч. 2. СПб., 1910. С. 291.

⁸ Но в более поздней его работе «Основные вопросы марксизма» (Соч. Т. 18. М.; Л., 1928. С. 240-241) это различие поводится достаточно четко.

Уже в наши дни эту эстафету подхватила марксоведка, а точнее, пожалуй, в духе нашего времени, марксоедка Ольга Борисовна Леонтьева. В книге «Марксизм в России на рубеже XIX-XX веков. Проблемы методологии истории и теории исторического процесса» (Самара, 2004) она категорически утверждает, что согласно Плеханову, свобода действия и свобода выбора существуют лишь в человеческом воображении. Взгляд на свободу только как на осознание необходимости и фактическое отрицание свободы человеческих действий она приписывает и К. Марксу, и всем русским марксистам; Любове Исааковне Аксельрод (1868-1946), В. И. Ленину и Льву Давидовичу Троцкому (1879-1940). И одновременно она буквально тут же приводит высказывания Л. И. Аксельрод, которые полностью опровергают ее точку зрения⁹. Раскрывая различие между пониманием соотношения свободы и необходимости К. Марксом и идеалистами, Л. И. Аксельрод пишет: «В первом случае человек, зависимый от природы, третирует ее как повелитель, коль скоро он познал ее законы, во втором он рабски смиряет свой гордый дух...»¹⁰.

Среди людей, считавших себя марксистами, действительно существовали и такие, которые отвергали свободу воли. Такова, например, точка зрения Николая Ивановича Бухарина (1888-1938) в его «Теории исторического материализма» (1921)¹¹ и Владимира Николаевича Сарабьянова (1886-1952) в книге «В защиту философии марксизма» (1929)¹², Семена Яковлевича Вольфсона (1894-1941) в учебнике «Диалектический материализм»¹³. Но это было их личное мнение, существенно расходящееся с марксистским решением проблемы свободы и необходимости.

⁹ Мартынов А. Указ. соч. С. 47.

¹⁰ Аксельрод Л. (Ортодокс). Почему мы не хотим идти назад? // Аксельрод Л. (Ортодокс). Философские очерки. Ответ философским критикам исторического материализма. 4-е изд. М.: Книжный дом «Либроком»/URSS, 2010. С. 129.

¹¹ Бухарин Н. И. Теория исторического материализма. Популярный учебник марксистской социологии. М., Пг. [1924]. С. 29-34.

¹² Сарабьянов В. Н. В защиту философии марксизма. М.; Л., 1929. С. 80-81.

¹³ Вольфсон С. Я. Диалектический материализм. Минск, 1929.

Несомненно, что без познания необходимости нет и не может быть свободы. Но само по себе познание необходимости не есть свобода. Вполне можно знать необходимость, но не быть свободным. Свобода есть явление не только и даже не столько гносеологическое, познавательное, сколько практическое. Свобода (так же как и несвобода) прежде всего проявляется в материальной практической деятельности. Человек свободен тогда, когда он ставит перед собой цели по преобразованию объективного мира и успешно реализует их, когда он господствует над объективным миром, подчиняет его себе. Приведя в работе «Анти-Дюринг...» положение Г. Гегеля о свободе как познанной необходимости, Ф. Энгельс далее раскрывает сущность марксистского взгляда на свободу. «Не в воображаемой независимости от законов природы заключается свобода, а в познании этих законов и основанной на этом знании возможности планомерно заставлять законы природы действовать для определенных целей. Это относится как к законам внешней природы, так и к законам, управляющим телесным и духовным бытием самого человека, — два класса законов, которые мы можем отделять один от другого самое большое в нашем представлении, отнюдь не в действительности... Свобода, следовательно, состоит в основанном на познании необходимостей природы [*Naturnotwendigkeiten*] господстве над нами самими и над внешней природой, поэтому она является продуктом исторического развития. Первые выделившиеся из животного царства люди были во всем существенном так же несвободны, как и сами животные; но каждый шаг вперед на пути культуры был шагом к свободе»¹⁴.

¹⁴ Энгельс Ф. Анти-Дюринг... С. 116.

То же самое понимание свободы развивает В. И. Ленин в работе «Материализм и эмпириокритицизм». Свобода проявляет себя прежде всего в практической деятельности людей. «У Энгельса, — пишет он, — вся живая человеческая практика врывается в самую теорию познания, давая *объективный* критерий истины: пока мы не знаем закона природы, он, существуя и действуя помимо, вне нашего познания, делает нас рабами „слепой необходимости“. Раз мы узнали этот закон, действующий (как тысячи раз повторял Маркс) *независимо* от нашей воли и от нашего сознания, — мы господа природы. Господство над природой, проявляющее себя в практике человечества, есть результат объективно-верного отражения в голове человека явлений и процессов природы, есть доказательство того, что это отражение (в пределах того, что показывает нам практика) есть объективная, абсолютная, вечная истина»¹⁵.

Данное Ф. Энгельсом и В. И. Лениным определение свободы как господства человека над объективным миром, основанное на знании им необходимости, хотя в целом является и верным, но тем не менее требует определенного уточнения и дополнения. Все дело в том, что господство человека над объективным миром основано не только и даже, пожалуй, не столько на познании необходимости, сколько на наличии в распоряжении человека определенных материальных средств, с помощью которых он только и может произвести нужные ему изменения мира.

¹⁵ Ленин В. И. Материализм и эмпириокритицизм... С. 198.

Если такие средства отсутствуют, то никакое, даже самое полное и точное, знание необходимости, не сделает человека свободным. Допустим, например, что астрономы абсолютно точно вычислили, что в соответствии с законами механики через несколько суток или недель произойдет столкновение нашей планеты с крупным астероидом, в результате которого погибнет жизнь на Земле. При нынешнем уровне развития техники человечеству ничего другого не остается, кроме как готовиться к неизбежной гибели. Это допущение, конечно, относится к области фантазии. Но существует масса реальных катаклизмов, которые можно более или менее точно на основе знания законов природы предвидеть, но предотвратить наступление которых пока людям не по силам. Да и в жизни конкретных людей существует множество ситуаций, когда человек прекрасно предвидит неблагоприятный для него исход событий, но ничего изменить не в состоянии.

Выходит, что знание необходимости взятое само по себе не способно сделать человека свободным. Нужно наличие определенных материальных средств воздействия на мир. С другой стороны, возможны и ситуации, когда человек располагает необходимыми средствами, но не может их успешно использовать, ибо не обладает достаточным объемом знаний об общем, о необходимых связях в объективном мире.

В связи с этим нельзя не отметить, что знание необходимости может быть различным. Существуют и разные уровни и самой необходимости и знания этой необходимости. Одно дело, например, просто знать, что А порождает Б, другое — знать почему А порождает Б. В первом случае наше знание необходимости является во многом неявным, имплицитным, во втором — явным, эксплицитным. Но и то, и это знание, когда оно сочетается с наличием нужных технических средств, дает человеку свободу.

Таким образом, свобода человека, т. е. его господство над миром, основывается на единстве двух моментов: во-первых, на наличии в распоряжении человека необходимых для преобразования этого мира материальных средств, во-вторых, на обладании им знания объективной необходимости мира. И эти два фактора, на которых базируется свобода, далеко не равнозначны. Главный из них — наличие материальных средств, которые человек может привести в движение. Как уже неоднократно отмечалось, в отношении практики и познания первичным, определяющим является практика. Но практика практике рознь. Она развивается, прогрессирует и вместе с ней и на ее основе развивается познание. А уровень поступательного развития практической деятельности определяется степенью прогресса тех материальных средств, которые использует человек. Чем выше материальная вооруженность человека, тем успешнее его практическая деятельность, тем выше степень его господства на миром. Только наличие у человека определенных материальных средств позволяет ему глубже проникнуть в тайны мира, все более полно и точно знать существующую в нем объективную необходимость. Если он не располагает необходимыми материальными средствами, то тем самым оказывается не в состоянии познать необходимость. Таким образом, проблемы соотношения двух основ свободы человека: его материальной и интеллектуальной вооруженности, представляет собой не что иное, как проявление того давно уже поставленного и решенного вопроса о соотношении практики и познания, практического и гносеологического отношений мира и сознания. По-видимому, для Ф. Энгельса и В. И. Ленина все это было до того само собой разумеющимся, что они не посчитали нужным особо это оговаривать при рассмотрении вопроса об основе свободы человека. Они ограничились лишь указанием, что свобода человека проявляется в его практике, которая, само собой разумеется, представляет собой использование материальных средств для господства над миром.

Когда человек только предвидит ход событий, а тем самым течение происходящих совершенно независимо от него в мире процессов, то само по себе это еще не делает его свободным. Свобода начинается тогда, когда знание объективной необходимости природы начинает использоваться для достижения поставленных человеком целей. Человек может использовать для этого процессы, которые начались без всякого его вмешательства. Например, человек может употребить огонь возникшего без его участия лесного пожара для разжигания костра и тем самым приготовления мяса.

Но самое, пожалуй, важное, когда человек в соответствии со своими целями своими действиями намеренно, сознательно вызывает, создает объективные процессы, которые без его вмешательства никогда бы в мире не произошли. Одни камни могут ударяться о другие и иногда в качестве следствия этого совершенно естественного, неподконтрольного человеку процесса на одном из них или на обоих образуются острые края и они оказываются пригодными для службы человеку в качестве орудий, позволяющих содрать шкуру убитого животного, разделать тушу и т. п.

Однако никакой такой естественный процесс практически не может завершиться появлением типичного ручного рубила. Последнее может возникнуть только в результате такого процесса воздействия одних камней на другие, которые направляются сознанием и волей человека. Человек здесь направляет ход процесса превращения одних предметов в другие, качественно отличные от первых. Движущей силой этого процесса является мускульная сила человека. Человек подчиняет себе не только предметы природы, но и иные, кроме энергии своих мышц, силы природы. Одной из первых сил природы, которую подчинил себе человек, является огонь. Человек первоначально, вероятно, использовал огонь, который возникал не в результате его преднамеренных действий. Когда человек при изготовлении орудий ударял камень о камень, то попутно могли появиться искры. Но они могли и не появиться. Когда люди научились пользоваться огнем, возникла нужда в его преднамеренном добывании. Возникли специальные приемы добывания огня. Первоначально он, скорее всего, высекался. Человек намеренно строго определенным образом сталкивал специально выбранные, наиболее подходящие для этой цели камни с целью добывания огня.

Человек придает новый вид естественным процессам, вид, в котором они в природе не существуют, по-своему оформляет их. В природе существует вода, которая способна превращаться в пар, но нет паровых машин, нет в природе и двигателей внутреннего сгорания, атомных реакторов и т.п. и т.д. Список этот можно продолжать до бесконечности. Познав сущность протекающих в мире процессов, человек может не только создавать из природных материалов новые вещи, но и новые, без него не существующие материалы.

Человек, таким образом, не только и просто предвидит ход объективных процессов, не только и не просто использует возникшие без его вмешательства объективные процессы. Он своими действиями создает определенные объективные процессы и предопределяет их ход. Такое возможно потому, что в объективном мире существует не только объективная предопределенность, но и объективная неопределенность, не только необходимость, но и случайность, причем они существуют не рядом, не параллельно, а одно в другом: предопределенное существует в форме неопределенного, необходимое в форме случайного.

Необходимость всегда есть общее. А общее в мире может существовать только в отдельном, в явлениях. Необходимость не может не быть. Каждое конкретное отдельное, конкретное явление может быть, а может не быть. В этом смысле явления всегда случайны. Одна и та же необходимость может проявиться в одних явлениях, а может — в других. Отдельное, случайное всегда вначале существует в виде возможности. И таких возможностей всегда несколько. Но реализоваться из числа их может только одна.

Зная необходимость, человек знает существующие возможности, Из массы возможных явлений он отбирает и своими действиями способствует превращению в действительность только таких, которые могут служить его целям, которые нужны и полезны ему, и предотвращает реализацию возможности появления таких случайностей, которые ему не нужны или даже вредны и опасны. В результате такой человеческой практической деятельности реализовавшиеся случайности из того, что могло быть, а могло и не быть, превращаются в такие, которые обязательно должны быть.

В результате получается, что эти случайности в определенном смысле перестают быть случайностями. Объективная необходимость в такой ситуации проявляется не в одной из случайно реализовавшихся форм, а в строго определенном нужном, намеченном человеку варианте.

Познав необходимость, опираясь на нее и пустив в ход имеющиеся материальные средства, человек вызывает нужные ему явления, создает такой мир явлений, который ему нужен и господствует над этим миром. А так как законы, необходимость существуют только в явлениях, а не иначе, то человек, покоряя мир явлений, тем самым подчиняет себе объективную необходимость. В результате, исчезает власть случайностей, а тем самым и необходимости в ее природном естественном виде. Познанная необходимость начинает служить человеку, становится средством установления его власти над миром. Не человек теперь подчинен необходимости, а она ему. Он «оседлывает», «запрягает», «приручает» необходимость.

Но от этого объективная необходимость не исчезает. Человек добивается гарантированного успеха и тем самым свободы только в том случае, когда считается с объективной необходимостью и действует в соответствии с ней. В этом смысле человек подчиняется объективной необходимости. Но подчиняется он ей для того, что подчинить ее себе и с ее помощью преобразовать мир, господствовать над миром. Мыслители, понимавшие свободу исключительно как познанную необходимость абсолютизировали момент подчинения человека необходимости при игнорировании другого, причем главного момента: подчинении человеком необходимости и превращении ее в средство обеспечения его господства над миром, его свободы. Свобода эта, разумеется, никогда не может быть полной, абсолютной, ибо она имеет место только в рамках, которые заданы необходимостью, но она реально существует как не абсолютное, но тем не менее подлинное господство над миром.

4. Две основные сферы человеческой деятельности: свободная и несвободная (зависимая)

Когда Ф. Энгельс говорил, что первые люди были столь же несвободны, как и животные, он был не вполне прав. У самых первых, даже еще только начавших формироваться людей — архантропов — появилась деятельность, которая уже в известной степени была свободной. Речь идет о рассмотренной более или менее подробно выше деятельности архантропов по изготовлению орудий, в частности ручного рубила.

Если первоначально целенаправленной, сознательной, волевой стала лишь производственная деятельность, то в последующем такой характер приобрела вся практическая деятельность человека, включая охоту, собирательство, приготовление пищи и т. п. Во всяком случае, совершенно несомненно, что вся практическая деятельность людей современного физического типа — неантропов, *Homo sapiens* — с самого начала была целенаправленной, сознательной, волевой. Но когда вся человеческая деятельность превратилась в целенаправленную, сознательную, волевою, то это отнюдь не означает, что вся она стала свободной.

Человеческая целенаправленная, волевая практическая деятельность и была, и сейчас остается подразделенной на два основных вида: деятельность *свободную* и деятельность *несвободную, зависимую*. Вполне понятно, что между свободной и несвободной деятельностью существуют все степени перехода и что поэтому грань между ними не абсолютна, а относительна, но тем не менее она всегда существовала и существует.

Свободной является такая практическая деятельность, результаты которой в главном и основном зависят от самого человека. Ход этой деятельности полностью определяется планами, выработанными человеком, и в результате ее целиком реализуются цели, которые были им были перед собой поставлены. Свободная деятельность всегда увенчивается успехом.

Положительный исход ее полностью гарантирован. Как уже неоднократно отмечалось, такой деятельностью может быть лишь при двух условиях: наличия необходимых материальных средств, прежде всего орудий, и познания объективной необходимости. Только познание существенных связей мира дает возможность понять, является ли та или иная цель реализуемой или нет.

Абсолютно нереальны цели, которые идут вразрез с законами природы.

Например, любые попытки создать вечный двигатель, какие бы титанические усилия ни прилагал человек, с неизбежностью обречены на неудачу. Есть цели в принципе осуществимые, но реализация которых при данном уровне развития материальных средств невозможна. Есть и такие цели, которые могут быть осуществлены, но только при наличии определенных условий, лишь в определенной, но не в любой ситуации.

Только проникнув во внутреннюю связь явлений и правильно оценивая свою практическую мощь, воплощенную в имеющихся в его распоряжении материальных средствах, человек может понять, реализуема или нереализуема его цель, с какой ситуацией он столкнется, какой образ действия может привести к цели, а какой обречет на неудачу, какие именно средства нужно использовать и как их использовать. Человек в таком случае свободен. Он свободно принимает решения и свободно действует. Он направляет не только ход своих действий, но и ход событий. Он не только предполагает, но и располагает. Человек в таком случае властвует над объективным миром, является хозяином, господином. Область свободной практической деятельности является сферой человеческой свободы.

Иной характер носит область зависимой практической деятельности. Эта сфера, в которой царит слепая, непознанная необходимость. Когда человек не обладает материальными средствами, которые могли бы гарантировать успех его практической деятельности, он, как правило, одновременно оказывается и неспособным проникнуть во внутренние связи явлений, раскрыть их внутреннюю необходимость. Недостаточная развитость практической деятельности человека всегда с необходимостью обуславливает и недостаточную развитость его познавательной деятельности.

Когда человек не обладает материальными средствами, которые могли бы гарантировать реализацию целей, и не знает внутренних связей явлений, он тем самым оказывается не в состоянии предвидеть ход событий и результаты своих собственных действий. Он вынужден действовать вслепую, осязая, впопыхах. Принятие того или иного решения, выбор того или иного образа действий зависят в такой ситуации не столько от сознания и воли человека, сколько от случайного стечения не зависящих от него обстоятельств. Именно к сфере зависимой практической деятельности относится тот способ действий, который принято называть методом проб и ошибок.

Человек в такой ситуации не направляет хода собственных действий, а тем более хода событий. Случайности, обуславливая образ действий человека, во многом определяют и результаты его действий. Именно от их неподдающегося учету и контролю стечения, а не от собственных усилий человека зависит, увенчается его деятельность успехом или же его постигнет неудача.

Зависимая деятельность совершенно не обязательно завершается неудачей. Возможен и успех, но он совершенно не гарантирован. Здесь перед человеком выступает то, что обычно называют удачей, фортуной, везением. Ему может повезти, а может — не повезти. Человек в таких условиях не сам едет в нужном ему направлении, а его что-то куда-то везет, причем неизвестно куда привезет. Человек в таких условиях находится во власти случайностей, в которых проявляется слепая необходимость природы. Последняя в форме случайностей господствует над человеком, делая его своим рабом. Господство над человеком слепой необходимости оборачивается для него его бессилием, его зависимостью от слепой необходимости, его несвободой.

Именно в сфере несвободной практической деятельности с неизбежностью зарождается понятие судьбы. В нем в иллюзорной форме отражается господство слепой непознанной необходимости над человека и, соответственно, его бессилие перед ней. Власть слепой непознанной необходимости проявляется в форме власти случайностей. Когда человек в иллюзорной форме осознает только власть случайностей, то появляется представление о судьбе-фортуне. В нем ярко отражается, во-первых, зависимость хода и исхода деятельности человека не от его собственных усилий, а от воздействия неподконтрольных ему внешних сил, во-вторых, явная неопределенность результатов этих воздействий: может быть так, а может быть совершенно иначе, может быть успех, а может его не быть, может повезти, а может не повезти. В другой форме иллюзорного отражения более или прямо осознается существование только необходимости, но не случайностей. Так возникает представление об абсолютной однозначной предопределенности — судьбе-фатуме, судьбе-роке.

5. Свобода воли: формальная и реальная

После выявления природы и реальной свободы, и реальной несвободы человека, можно вернуться к вопросу о свободе воли. Человек всегда в принципе обладает способностью выбора одного из множества в принципе возможных образов действия. Но в сфере несвободной практической деятельности он не может предвидеть ни хода, ни исхода, ни одного из этих вариантов действия. И дело здесь не просто в познавательной беспомощности. Было бы ошибочно полагать, что ход и исход этих возможных образов поведения в действительности предопределен, а мы в силу незнания необходимости неспособны это предвидеть.

Главное, что нужно понять: в самой объективной реальности ход и исход этих действий, ход и исход событий никогда полностью не предопределен. Необходимость, конечно, есть предопределенность, но эта предопределенность всегда проявляется в форме случайностей и поэтому она одновременно и не определена. Неопределенны детали событий, а именно к ним относятся результаты деятельности: ее удачи и неудачи. В таких случаях выбор одного из множества в принципе возможных образов действий определяется не трезвым расчетом, а всевозможными случайностями, как внешними, так и внутренними, включая и такие, как чистый человеческий каприз. В результате, выбор является, как отмечал Г. Гегель, произвольным, а свобода выбирать становится чисто формальной. По форме свобода воли существует, но в реальности же ее нет, ибо выбор образа действия носит случайный характер.

В области свободной практической деятельности все обстоит совершенно иначе. Человек имеет полную возможность проследить в уме ход и исход любого из множества потенциальных вариантов действий и, соответственно, выбрать из их числа тот, который с наименьшей затратой сил и с наименьшими трудностями ведет к реализации намеченной цели.

Выбираются образы действий, не только обрекающие на неудачу, но и ведущие к цели более трудным и длинным путем. Чем глубже человек знает необходимость, тем уже становится круг способов действий, из которых делается выбор, пока не остается один единственный — наиболее оптимальный.

Человек выбирает в таком случае не произвольно, а совершенно свободно, основываясь на точном знании объективной необходимости и своих собственных объективных сил, материализованных в различного рода технических и тому подобных средствах. Поэтому только в таком случае мы имеем дело не с формальной, а реальной свободой воли.

И получается, что самые свободные действия являются одновременно и самыми необходимыми. «Свобода воли, — писал Ф. Энгельс в „Анти-Дюринге“, — означает, следовательно, не что иное, как способность принимать решения со знанием дела. Таким образом, чем *свободнее* суждение человека по отношению к определенному вопросу, с тем *большей необходимостью* будет определяться содержание этого суждения; тогда как неуверенность, имеющая в своей основе незнание и выбирающая как будто произвольно между многими различными и противоречащими друг другу возможными решениями, тем самым доказывает свою несвободу, свою подчиненность тому предмету, который она как раз и должна была бы подчинить себе»¹⁶.

¹⁶ Энгельс Ф. Анти-Дюринг... С. 116.

Именно совершенно верное положение, согласно которому самые свободные действия являются одновременно и самыми необходимыми, и легло в основу концепции, в которой свобода объявляется той же самой необходимостью, но только познанной, т. е. сводится к одной лишь познанной необходимости.

Человек несвободен, когда его действия определяются слепой, т. е. непознанной необходимостью, когда же необходимость познается, перестает быть слепой, наступает свобода, которая заключается в безоговорочном добровольном подчинении необходимости.

Ошибка мыслителей, отстаивавших эту точку зрения, заключалась в том, что они понимали происходившие в мире согласно необходимости процессы как такие, которые совершенно независимы от человека и на которые человек ни в коем случае не может оказывать никакого воздействия. Он может только предвидеть их протекание и их конечные результаты.

6. Свобода и необходимость в обществе и его истории

Все сказанное выше прежде всего касается отношения человека к природе.

Но кроме природы, существует и общество со своими собственными законами, которые не менее объективны, чем законы природы.

Положение исторического материализма о том, что история есть объективный процесс, идущий по объективным законам, не только исключает, а, наоборот, предполагает огромную роль и сознания, и воли людей в этом развитии.

Марксисты, как и Г. Гегель, придерживаются диалектики. Поэтому для них предопределенность не только не исключает, но, наоборот, предполагает неопределенность. Необходимость, т. е. то, что не может не быть, способна проявляться только в случайностях, т. е. в том, что может быть, а может и не быть. Единство необходимого и случайного, предопределенного и неопределенного находит свое проявление в вероятности. Действительность всегда таит в себе не одну, а несколько возможностей, из которых может реализоваться лишь одна. Превращение одних возможностей в действительность более вероятно, других — менее вероятно, причем степень вероятности реализации той или иной возможности может со временем меняться.

В ходе исторического развития важнейшим условием возрастания или уменьшения вероятности реализации той или иной возможности и, наконец, ее реализации является деятельность людей. Поэтому предопределенная в главном и основном история в деталях и частностях никогда не предопределена. Как говорил Г. В. Плеханов, на одной и той же исторической канве могут быть вышиты разные узоры. В этом смысле люди свободны, но эта их свобода всегда ограничена определенными объективными рамками, которые не одинаковы в разные эпохи.

Как в решении вопроса о случайности и необходимости, так и в решении проблемы свободы и необходимости в истории исторический материализм близок к Г. Гегелю с тем лишь различием, что заменяет требования саморазвивающегося абсолютного мирового духа объективными потребностями развития общественного производства, которые одновременно являются объективными потребностями общества и тем самым живущих в нем людей.

Когда выше речь шла о свободе человека в обществе и истории, то имелась в виду свобода выбора людьми образа действия, т. е. свобода воли. В зависимости от того, какой именно образ действия из всех объективно возможных люди выберут, на одной и той же исторической канве будут вышиты именно эти, а не какие-либо другие узоры. Но самый важный вопрос, конечно, — это проблема не свободы воли, а свободы как господства человека над окружающим его общественным миром. На первый взгляд кажется, что в обществе со свободой должно обстоять значительно лучше, чем в отношении с природой, ибо, в отличие от природных процессов, общественные целиком складываются из собственных действий людей. На деле все обстоит как раз наоборот.

Долгое время люди вообще не могли открыть ни одного общественного закона, тем более законов развития общества в целом и законов развития отдельных его типов. По существу законы общественной эволюции были впервые открыты лишь с возникновением материалистического понимания истории. Но мало было открыть самые общие законы развития общества, нужно было выявить законы эволюции конкретных типов общества. И это еще не все. Даже знание законов общества позволяет людям управлять течением общественных процессов не в любом обществе, а только в обществе определенного типа. Таким обществом не может быть ни первобытное, где ни о каком знании общественных законов не могло быть речи, ни классовое общество. Во всех этих обществах люди жили под властью слепой непознанной общественной необходимости.

Подчинить себе общественную необходимость люди могут только в обществе, отличающемся высоким уровнем развития производительных сил, базирующемся на общей собственности всех членов общества на средства производства, т. е. обществе коммунистическом. Появление такого общества может быть подготовлено только развитием капитализма.

«Раз общество, — писал Ф. Энгельс, — возьмет во владение средства производства, то будет устранено товарное производство, а вместе с тем и господство продукта над производителями. Анархия внутри общественного производства заменяется планомерной, сознательной организацией. Прекращается борьба за отдельное существование. Тем самым человек теперь — в известном смысле окончательно — выделяется из мира животных и из звериных условий существования переходит в условия действительно человеческие. Условия жизни, окружающие людей и до сих пор над ними господствовавшие, теперь подпадают под власть и контроль людей, которые впервые становятся действительными и сознательными повелителями природы, потому что становятся господами своего собственного объединения в общество. Законы их собственных общественных действий, противостоявшие людям до сих пор как чуждые, господствующие на них законы природы, будут применяться людьми с полным знанием дела и тем самым будут подчинены их господству. То объединение людей в общество, которое противостояло до сих пор как навязанное свыше природой и историей, становится теперь их собственным свободным делом. Объективные, чуждые силы, господствовавшие до сих пор над историей, поступают под контроль самих людей. И только с этого момента люди начнут вполне сознательно сами творить свою историю, только тогда приводимые ими в движение общественные причины будут иметь в преобладающей и возрастающей мере и те следствия, которые они желают. Это есть скачок человечества из царства необходимости в царство свободы»¹⁷.

¹⁷ Энгельс Ф. Анти-Дюринг... С. 294-295.

Это отнюдь не значит, что в классовом обществе вообще никогда не было абсолютно никакой свободы. Время от времени возникали и нередко снова исчезали отдельные ее очаги, но не более. В какой-то степени более или менее свободной становилась деятельность представителей прогрессивных сил во время крупных социальных переворотов. Но даже в эти переломные эпохи она полностью свободной так никогда и не была, ибо объективные задачи революции осознавались не только ее рядовыми участниками, но руководителями не в адекватной, а в иллюзорной форме.

Вот что писал о революционных иллюзиях Ф. Энгельс: «Предположим, эти люди воображают, что могут захватить власть, — ну, так что же? Пусть только они пробьют брешь, которая разрушит плотину, — поток сам быстро положит конец их иллюзиям. Но если бы случилось так, что эти иллюзии придали бы им большую силу воли, стоит ли на это жаловаться? Люди, хвалившиеся тем, что *сделали* революцию, всегда убеждались на другой день, что они не знали, что делали, что *сделанная* революция совсем непохожа на ту, которую они хотели сделать. Это то, что Гегель называл иронией истории, той иронией, которую избежали немногие исторические деятели»¹⁸.

¹⁸ Энгельс Ф. Письмо В. И. Засулич, 23 апреля 1885 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. Т. 36. С. 263.

Глава 7. Диалектико-материалистическое решение основного вопроса философии

Выше уже указывалось, что диалектический материализм есть материализм и исторический. Выявив ведущую роль производственной деятельности в истории человечества, он открыл, что кроме природной объективной реальности, существует еще социальная объективная реальность. Тем самым впервые был до конца материалистически решен основной вопрос философии. Но этим вклад диалектического материализма в решение основного вопроса далеко не ограничивается. Основной вопрос философии не только в частности, но и в целом был диалектическим материализмом по-новому поставлен и по-новому решен. И опять-таки главным было открытие роли человеческой практики вообще, производственной деятельности прежде всего. Именно оно дало возможность решить проблему отношения свободы и необходимости. А как уже неоднократно отмечалось, эта проблема есть не что иное, как основной вопрос философии, взятый в полном своем объеме. Все прежние материалисты рассматривали отношение материи и сознания как одностороннее: материя воздействует на сознание и определяет его. Сознание они понимали только как отражение материи. Они знали лишь одну форму взаимоотношения материи и сознания — познание, т. е. превращение материального в идеальное.

С точки зрения нового материализма, отношение материи и сознания является двусторонним. Философия марксизма — диалектический материализм — впервые в истории материалистической мысли пришла к выводу, что существует не только процесс превращения объективно-реального в идеальное, но и встречный процесс — превращения идеального в объективно-реальное. Не только материя порождает сознание и отражается в нем, но и сознание через практику воздействует на материю, изменяя те или иные вещи и процессы, происходящие в объективном мире. Сознание не только отражает мир, но обратно через практику воздействует на него, преобразует его. Как ярко и образно выразился В. И. Ленин: «Сознание человека не только отражает объективный мир, но и творит его»¹.

¹ Ленин В. И. Конспект книги Гегеля «Наука логики»... С. 194.

Когда это положение стало известно, то оно было понято большинством философов-марксистов как принадлежащее самому В. И. Ленину и стало широко использоваться. Но в 1970 г. против подобной трактовки этого тезиса выступил директор Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС академик Петр Николаевич Федосеев (1908-1990). «Следует отметить, — писал он, — что некоторые ревизионистски настроенные теоретики, вроде Гароди, утверждают, будто В. И. Ленин в „Философских тетрадах“ отошел от позиций материализма и признал недостаточность теории отражения, которая якобы не учитывает активный характер познания. Ссылаются при этом на известную фразу в „Философских тетрадах“ о том, что сознание не только отражает, но и творит мир. В действительности же „Философские тетради“ являются последовательным продолжением и развитием предшествующих работ В. И. Ленина. Что же касается положения „сознание не только отражает, но и творит мир“, то всякий добросовестный читатель видит, что в данном случае Ленин по-своему резюмирует и истолковывает мысли Гегеля. Интерпретируя эти мысли материалистически, Ленин говорит, что, когда человек не удовлетворяется действительностью, он решает своим действием изменить ее»².

² Федосеев П. Н. Критика В. И. Лениным субъективизма и объективизма // Вопросы философии. 1970. № 5. С. 11.

В последующем положении, высказанные П. Н. Федосеевым, были развиты в работах известного советского философа, академика Бонифатия Михайловича Кедрова (1903-1985), в частности в его брошюре «К изучению книги В. И. Ленина „Материализм и эмпириокритицизм“. (Ответы на вопросы)» (М., 1973.). Прежде всего он пытается доказать, что обсуждаемая фраза ленинского конспекта гегелевской работы представляет собой не изложение собственного взгляда В. И. Ленина, а просто пересказ положений Г. Гегеля. Но утверждая это, он нигде не приводит именно то место из «Науки логики» Г. Гегеля, которое было пересказано В. И. Лениным. И понятно почему: такого места у Гегеля не только нет, но и быть не могло. Не мог Гегель сказать об абсолютном сознании, творящем, согласно его учению, мир, что оно также еще и отражает этот мир. Не мог он также сказать о сознании человека (субъективном духе), что оно творит мир. Согласно его взглядам, творить мир способно только абсолютное сознание. Так, что мысль, что сознание не только отражает мир, но творит его, принадлежит вовсе не Гегелю, а Ленину.

И эта мысль встречается у В. И. Ленина не единожды. По существу она же выражена еще в одном его же замечании, содержащемся в том же самом конспекте «Науки логики» Гегеля. «Мысль о превращении идеального в реальное, — пишет он, — *глубока*: очень важная для истории. Но и в личной жизни человека видно, что тут много правды. Против вульгарного материализма. NB. Различие идеального от материального тоже не безусловно, не *uberschwendlich*»³. Данное высказывание В. И. Ленина и П. Н. Федосеев, и Б. М. Кедров старательно обходят. И это понятно: В. И. Ленин здесь не просто пересказывает Г. Гегеля, но во многом с ним соглашается.

³ Ленин В. И. Конспект книги Гегеля «Наука логики»... С. 104.

Ясно одно, что в том и в другом случае В. И. Ленина нельзя понимать буквально, точнее даже, буквалистски. В этих его высказываниях в иносказательной, метафорической форме выражается мысль, что сознание не только отражает объективный, существующей вне и независимо от него мир, но и обратно через практическую деятельность на него воздействует, в результате чего в объективном мире появляются новые, ранее не существовавшие материальные вещи. И в философском языке метафоры не только вполне допустимы, но даже иногда настоятельно необходимы. И, в частности, разве не является метафорическим высказывание К. Маркса, что «идеальное есть не что иное, как материальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней»⁴. Ясно, что буквально это высказывание К. Маркса понимать нельзя. Но от этого не перестает быть правильным.

Обозначенные В. И. Лениным две стороны отношения сознания и материи во всей предшествующей истории философской мысли отрывались друг от друга и абсолютизировались. Если прежние материалисты абсолютизировали определяющую роль материи по отношению к сознанию и тем самым рассматривали сознание исключительно как отражение материи и тем самым как нечто совершенно пассивное, то идеалисты, напротив, абсолютизировали активность сознания и тем превращали его в творца мира. Согласно точки зрения прежних материалистов, сознание только отражало мир, согласно взглядам идеалистов, — творило мир.

⁴ Маркс К. Капитал. Т. 1. Послесловие ко второму изданию // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. Т. 23. С. 21.

И в основе такой односторонности лежало опять-таки прежде всего непонимание роли практики в познании. Материалисты совершенно справедливо придавали огромное значение чувственному познанию как источнику человеческого знания, «первому началу», как называл его Г. Гегель⁵. Но чувственный опыт они понимали крайне упрощенно, не включая в него человеческую практическую деятельность.

Выше уже приводилось высказывание К. Маркса по этому вопросу. Повторю его в более полном виде. «Главный недостаток всего предшествующего материализма — включая и фейербаховский — заключается, — писал великий мыслитель, — в том, что предмет, действительность, чувственность берется только в форме объекта, или в форме созерцания, а не как человеческая чувственная деятельность, практика, не субъективно. Отсюда и произошло, что деятельная сторона, в противоположность материализму, развивалась идеализмом, но только абстрактно, так как идеализм, конечно, не знает действительной, чувственной деятельности как таковой»⁶.

В результате непонимания роли практики, обусловленного, как уже неоднократно указывалось, отсутствием материалистического взгляда на общество и его историю, старые материалисты оказались неспособными выявить путь проникновения общего, сущность в человеческое сознание, понять качественное отличие мышления от чувственного познания, прежде всего его активность, и тем самым раскрыть переход от чувственности к мысли, от «первого начала» человеческого познания к его «продолжению» — мышлению. Как следствие, они вынуждены были по существу сводить мышление к чувственному познанию. Некоторые из них делали это открыто и прямо, как, например, К. А. Гельвеций, другие — с множеством оговорок. Дальше «первого начала» они пойти не могли. Так старые материалисты поступали, когда занимались исследованием процесса познания.

⁵ Гегель Г. Лекции по истории философии. Кн. 2 // Соч. Т. 10. М., 1932. С. 369.

⁶ Маркс К. Тезисы о Фейербахе... С. 1.

Когда же они обращались к обществу, то замечая, что общественные идеи активно воздействуют на жизнь общества и его историю, в то же время совершенно не были в состоянии не только вывести эти идеи из чувственного познания, но вообще найти их объективный источник. В результате, старые материалисты волей-неволей вынуждены были рассматривать общественные идеи как продукты внутренней активности мышления и тем самым, во-первых, признавать последнее как качественно отличное от чувственного познания и, во-вторых, рассматривать его не как «продолжение» процесса познания, начало которому было положено чувственным познанием, а как нечто первичное. Далее они шли от мышления сразу к «концу» — к воздействию общественных идей, т. е. мышления, на жизнь и развитие общества. Тем самым они переходили на позиции социоисторического идеализма. В результате, в их философии противоречиво сочетался взгляд на сознание только как на отражение с прямо противоположным — взглядом на сознание как на творца мира, правда не природного, а только социального. Если не все идеалисты, то по крайней мере объективные, в большинстве своем были значительно более последовательны: чувственное познание было для них в конечном счете делом второстепенным, главным для них был разум, всегда так или иначе выступавший в качестве творца мира. И только марксистская философия, открывшая социальное объективное бытие (социальную материю) и выявившая роль практики, смогла раскрыть двусторонний характер отношения материи и сознания и тем самым понять процесс и познания мира во всей его сложности, в частности раскрыть переход от чувственности к мышлению; и воздействия сознания на объективный мир. Как писал В. И. Ленин: «„Первое начало“ забыто и извращено идеализмом. А *диалектический* материализм один *связал* „начало“ с продолжением и концом» ⁷.

⁷ Ленин В. И. Конспект книги Гегеля «Лекции по истории философии». Философские тетради... С. 264.

Но признание того, что решение вопроса об отношении сознания и материи, даваемое не только идеалистами, но и прежними материалистами, представляет собой абсолютизацию одной из сторон этого отношения при игнорировании другой, вовсе не означает, что обе эти точки зрения в одинаковой степени ошибочны и в одинаковой степени содержат в себе моменты истины. Ничего подобного. Предлагаемое идеалистами решение основного вопроса философии в целом было ложным. То, что в основе этого решения лежала абсолютизация крупницы истины, не меняет такой его оценки, хотя и позволяет понять, как к нему пришли, на чем основывались доводы в его пользу. В отличие от идеалистического решения основного вопроса философии, его решение прежними материалистами было в своей основе верным, хотя и слишком упрощенным, не учитывавшим всей сложности отношения материи и сознания.

Таким образом, согласно взгляду диалектического материализма, кроме познавательного отношения материи и сознания, существует еще и практическое, прагматическое их отношение. Постоянно происходит процесс не только превращения объективно-реального в идеальное, но и идеального в объективно-реальное. И второй из названных выше процессов представляет собой основу первого. Практическое отношение материи и сознания лежит в фундаменте их познавательного отношения.

Первичная форма практической деятельности, а именно производственная деятельность, может быть процессом превращения идеального в материальное в силу своей природы. Она, как уже отмечалось выше (4.2), является не только субъективной деятельностью, но и одновременно процессом превращения одних материальных вещей в другие. Но это еще не все. Суть дела в том, что производственная деятельность, сама по себе взятая, в отвлечении от процесса трансформации материальных предметов, есть единство материального и идеального. Она материальна, ибо есть движение материальных объектов — человеческого тела и его органов (рук, прежде всего). И она же идеальна, ибо направляется мышлением, является сознательной, волевой, целенаправленной. Именно в силу того, что производственная деятельность есть неразрывное единство материального и идеального, она и может быть процессом превращения идеального в материальное.

Но если сознание человека не только отражает природный мир, но и обратно через практику воздействует на него, то естественно встает вопрос, можно ли считать этот мир полностью объективным, материальным? Ведь объективность, материальность мира заключается в его существовании *вне и независимо* от сознания. То, что этот мир и после познания, и после воздействия на него продолжает существовать и вне сознания, после всего сказанного выше в первых трех книгах цикла вряд ли нужно доказывать. Но как быть с его независимостью от сознания? Зависит ли он пусть в какой-то степени от сознания или не зависит?

Как уже указывалось, существуют два вида отношений сознания и мира: познавательное (гносеологическое) и практическое (прагматическое). Если брать практическое отношение сознания и мира, то ответ будет: и да, и нет, мир и зависит от сознания и не зависит от него. Да, мир зависит от сознания, ибо в результате направляемой сознанием практической деятельности в мире возникают вещи, которые сами по себе никогда бы в нем не появились.

Человек, руководствуясь сознанием, создает, творит эти вещи. Нет, ибо создание человеком ранее не существовавших вещей есть не что иное, как превращение одних материальных тел в другие, причем совершающееся в результате действия природных, объективных и никаких других сил и при этом ни по каким другим законам, кроме природных, естественных. Об этом уже достаточно было сказано в соответствующих главах о диалектико-материалистическом решении проблемы свободы и необходимости (6.3; 6.4).

Если от практического отношения сознания и мира перейти к познавательному, здесь единственно правильным будет один, совершенно однозначный ответ — нет. В чисто гносеологическом плане мир существует не только вне сознания, но полностью независимо от сознания. В природном мире нет и не может быть ничего субъективного. Он только и только объективен. Дома, теплоходы, самолеты, столы, стулья и другие созданные людьми вещи столь же объективны, столь же материальны, как планеты, горы, реки и прочие природные объекты. Процессы, происходящие в паровых машинах, двигателях внутреннего сгорания, урановых реакторах имеют естественную и только естественную природу, идут исключительно по природным, естественным и никаким другим законам.

Последнее особо важно подчеркнуть в связи с наметившейся после возникновения квантовой механики у ряда естествоиспытателей трактовкой научного знания, подхваченной многими западными и не только западными философами. Суть этого взгляда в проведении резкого различия между природой познания в классической физике и неклассической физике. В классическую эпоху физик выступал как наблюдатель. Даже когда ученый использовал приборы, то последние никак не воздействуют на объект исследования и поэтому он познавал этот объект таким, каков он «сам по себе».

При исследовании микромира не только абсолютно невозможно обойтись без приборов, но, и это главное, они с неизбежностью воздействовали на изучаемый объект. «Каждый акт наблюдения, — как совершенно верно отмечал, например, один из создателей квантовой механики Вернер Карл Гейзенберг (1901-1976), — вызывал серьезные возмущения»⁸. И отсюда он делал вывод, «что больше говорить о поведении частицы вне зависимости от процесса наблюдения. В результате получается, что те законы природы, которым мы даем математическую формулировку в квантовой теории, относятся уже не к элементарным частицам, а нашему знанию о них»⁹. «Научный метод, сводившийся к изоляции и упорядочиванию, — пишет тот же самый автор в другой работе, — наткнулся на свои границы. Оказалось, что его действия изменяют и преобразуют предмет познания, вследствие чего метод уже не может быть отстранен от предмета. В результате естественно-научная картина мира, по существу, перестает быть только естественно-научной»¹⁰. И конечный вывод — необходимость «отказаться от объективного — в ньютоновском смысле — описания природы»¹¹. Макс Борн (1882-1970), поставив в вопрос, «совместима ли новая теория с представлением об объективном мире, существующем независимо от наблюдателя», отвечал: «Трудность здесь лежит... в факте, что никакое явление в атомном мире не может быть описано без ссылки на наблюдателя, не только на его собственную скорость, как это имеет место в теории относительности, но и весь его образ действия при выполнении наблюдения, на установку приборов и так далее. Сам наблюдатель изменяет ход событий. Как в таком случае можем мы говорить об объективном мире»¹².

⁸ Гейзенберг В. Картина природы в современной физике // Гейзенберг В. Шаги за горизонт. М., 1987. С. 295.

⁹ Гейзенберг В. Картина природы в современной физике // Гейзенберг В. Шаги за горизонт. М., 1987. С. 295.

¹⁰ Там же. С. 304.

¹¹ Гейзенберг В. Изменение структуры мышления в развитии науки // Гейзенберг В. Шаги за горизонт... С. 192.

¹² Борн М. Философские аспекты современной физики // Борн М. Физика в жизни моего поколения. М., 1963. С. 92.

К сходным взглядам пришел и Нильс Хендрик Давид Бор (1885-1962), который особо напирал на то, что атомная физика напомнила нам, что «в драме бытия мы являемся одновременно и актерами и зрителями»¹³.

Сходные идеи можно найти и у других ученых, в частности в статье Эугена (Юджина) Вигнера (1902-1995) «Заметки к проблеме отношения ума и тела» (1962)¹⁴. Некоторые авторы выражаются еще более резко. «Акт наблюдения в микромире, — читаем мы в одной из статей по истории науки, — не просто влияет на реальность, но в определенно смысле создает, порождает ее»¹⁵.

Прежде всего нужно подчеркнуть, что и в прежнюю эпоху физики никогда не были только наблюдателями. Они всегда занимались экспериментами и тем самым воздействовали, причем иногда весьма существенно, на изучаемые объекты. И никто из них при этом не сомневался, что в результате не только наблюдения, но и эксперимента получается знание о объектах самих по себе.

При изучении микромира наблюдение, которое могло вестись только посредством приборов фактически превратилось в эксперимент. Особенность этого вида эксперимента заключалась, что он был непреднамеренным.

Ученые не собирались изменять объект исследования, они хотели его только наблюдать. Отсюда и трактовка этого действия только как наблюдения.

¹³ Бор Н. Атомная физика и человеческое познание... С. 89. См. также: С. 35.

¹⁴ Wigner E. P. Remarks on the mind-body question // Scientist Speculates. Ed. By J. Good. London, 1962.

¹⁵ Кузнецова О. В. Квантовая механика и ее интерпретации // Физика XIX-XX вв. в общенаучном и социокультурном контекстах. М., 1997. С. 98.

А наблюдение понималось исключительно как познание и только познание. А из этого с неизбежностью следовал вывод, что именно познание, т. е. сознание, действует на объект. В действительности же на объект познания воздействовал не происходящий в голове ученого процесс познания, а прибор — предмет, который столь же материален, что и изучаемый объект. Конечно, этот прибор был приведен в действие ученым. Но ученый является не только и не просто познающим существом (субъектом познания), но действующим материальным телом. И подготовка и приведение в действие прибора производится руками людей, которые, несомненно, материальны. И результат воздействия материального прибора на материальный объект исследования ни в коей мере не мог зависеть от сознания исследователя. Он целиком определялся физическими свойствами этих взаимодействующих материальных предметов.

Иногда особо обращают внимание на то, что приборы в отличие от изучаемых объектов являются предметами макромира. Но это в принципе ничего не меняет. Всегда, по крайней мере на Земле, происходило взаимодействие макрообъектов и микрообъектов. И, если даже допустить, что в результате воздействия прибора на микромир могут возникнуть микрообъекты, которых до данного воздействия не существовало, то и это не ставит под сомнение их объективность. Любая созданная людьми вещь (пароход, тепловоз и т. п.) столь же объективна, что и предметы природы. Поэтому положение о меньшей объективности неклассической физики по сравнению с классической не имеют под собой никакого серьезного основания.

Взгляды, согласно которым квантовая механика менее объективна, чем классическая, давно уже были подвергнуты критике со стороны целого ряда исследователей. Альберт Эйнштейн (1879-1955) характеризовал их как «квантовый солипсизм»¹⁶. Называл позицию Э. Вигнера солипсизмом и крупный физик, действительный член РАН Виталий Лазаревич Гинзбург (1916-2009)¹⁷.

Отношение современных приверженцев субъективистского взгляда на квантовую механику к такой характеристике их воззрений не одинаково. Одни из них (например, М. А. Попов) прямо провозглашают себя квантовыми идеалистами¹⁸. Другие, в частности М. Б. Менский от этого отрешиваются¹⁹. Но тот же автор приходит к еще худшему: он вынужден признать, что пропагандируемые им взгляды на квантовую механику выводят за пределы не только физики, но и вообще естественных наук. Если они с чем и согласуются, то разве что с дзен-буддизмом и близкими ему направлениями²⁰, т.е. с религией и богословием.

Слабость своей позиции осознавали и наиболее думающие представители квантового идеализма. Вот, например, что писал Э. Вигнер в заключении упоминавшейся выше статьи: «Настоящий автор хорошо знает тот факт, он не первый, кто обсуждает вопросы, составляющие содержание данной статьи и что догадки его предшественников были либо признаны неверными, либо недоказуемыми, следовательно, в конечном смысле неинтересными. Он не был бы слишком удивлен, если бы настоящая статья разделила судьбу его предшественников»²¹.

¹⁶ Цит.: Попов М. А. В защиту квантового идеализма // Успехи физических наук (далее — УФН). 2005. Т. 173. № 12. С. 1382.

¹⁷ Гинзбург В. Л. Введение к статье: Менский М. Б. Концепция сознания в контексте квантовой механики // УФН. 2005. Т. 174. №4. С. 413.

¹⁸ Попов М. А. О квантовом идеализме // УФН. 2001. Т. 171. [№12].

¹⁹ Менский М. Б. Концепция сознания в контексте квантовой механики // УФН. 2005. Т. 174. № 4. С. 420-421.

²⁰ Там же. С. 431, 433.

²¹ Wigner E. P. Op. cit. P. 204.

Все это делает понятным, почему подавляющее большинство физиков не принимают квантовый идеализм. Это выражается и в том, что, как плачется М. Б. Менский: «Многие физики не знают, да и знать не желают, что это за проблема»²², и в прямой критике основных положений этой концепции. Выше уже назывались имена А. Эйнштейна и В. Л. Гинзбурга. Добавим к ним одного из крупнейших физиков-теоретиков, нобелевского лауреата Вольфганга Паули (1900-1988). «Объективный характер физики, — утверждал он, — полностью сохраняется и в квантовой механике, но в следующем смысле. Хотя согласно этой теории, принципиально определены лишь статистические закономерности серии экспериментов, наблюдатель в заранее неоговоренных случаях не может повлиять на результаты эксперимента — например, на показания счетчика в какой-нибудь определенный момент времени. Поэтому личные свойства наблюдателя никоим образом в теорию не входят. Наоборот, наблюдение может быть произведено с помощью объективного регистрирующего прибора. Только его результаты и следует считать объективными»²³.

Видный философ, окончивший физический факультет Ленинградского государственного университета, Энгельс Матвеевич Чудинов (1939-1980) в книге «Природа научной истины» (М., 1977) подверг основательной критике, как он сам выражался, «миф об особой роли наблюдателя в современной науке»²⁴.

²² Менский М. Б. Указ. соч. С. 415.

²³ Паули В. Альберт Эйнштейн и его роль в развитии физики // Паули В. Физические очерки. Сб. статей. М., 1975. С. 185.

²⁴ Чудинов Э. М. Природа научной истины. М., 197. С. 194-217.

«Я думаю, — писал физик и одновременно философ, доктор философских наук, профессор Московского физико-технического института Сергей Владимирович Илларионов (1938-2000) в статье „Современная наука так же объективная, как и классическая“, — что все разговоры о том, что квантовая механика разрушила идею объективности знания, об особой роли наблюдателя, роли сознания в редукции волнового пакета — это всего лишь результат болезненности осознания тех главных и действительно не укладывающихся в классические представления черт и закономерностей, которые открываются квантовой механикой»²⁵.

В заключении главы нужно еще раз подчеркнуть, что марксистская философия — диалектический материализм, или материалистическая диалектика — является неразрывным единством гносеологии, логики, онтологии и тем самым предельным общим методом познания. Суть ее заключается в том, что она есть наука о мышлении как объективном процессе, т. е. разумном мышлении. Но так как разумное мышление неразрывно связано с рассудочным мышлением, то она исследует и мышление в целом, как единство разума и рассудка, никогда не занимаясь при этом специально рассудочным мышлением, оставляя его достоянием формальной логики. Все это прекрасно понимали не только К. Маркс, Ф. Энгельс и В. И. Ленин, но и крупный немецкий философ Иосиф Дицген (1828-1888).

²⁵ *Илларионов С. В.* Современная наука так же объективная, как и классическая // Судьбы естествознания: современные дискуссии. М., 2000. С. 90-91.

Последний определял философию не только и не просто как науку о познании и предельно общий его метод, но и как науку о мышлении и его общий метод, как логику разумного мышления. «Теория познания, — писал он, — ставшая специальным предметом философии, есть не что иное, да не может быть ничем иным, как только расширенной логикой»²⁶. А далее пояснял: «Ввиду того, что четыре закона старой логики оказались ограниченными, дальнейшее развитие ее должно было привести к диалектике, составляющей аквизит философии. Это расширенное учение о мышлении истолковывает, таким образом, вселенную как истинно универсальное или бесконечное, где дремлют все противоречия в материнском лоне примирения. Сохранит ли новая логика свое старое имя или же она должна иметь свое особое название теории познания или диалектики — это спор из-за слов, который решается просто в зависимости от целесообразности»²⁷.

Первые шаги на пути исследования мышления как способа постижения истины вообще, как процесса движения разумного мышления прежде всего были уже сделаны в первой и второй книгах цикла. Дальнейшему исследованию процесса мышления как единства рассудка и разума вообще, движению разумного мышления в первую очередь будет посвящена вся четвертая книга.

²⁶ Дицген И. Аквизит философии // Избранные философские сочинения. М., 1941. С. 188.

²⁷ Там же. С. 195-196.

Именной указатель

Аверроэс см. Ибн Рушд
Аксельрод, Любовь Исааковна
(Ортодокс) (1868–1946) *146, 198*
Акчурин, Игорь Алексеевич
(1930–2005) *197*
Анохин, Петр Кузьмич (1898–1974)
112, 113, 115, 116
Антисери, Дарио (род. 1940) *11*

Базар, Сен-Амана (1791–1832) *64*
Барнав, Антуан Пьер Жозеф Мари
(1761–1793) *23*
Бернье Франсуа (1620–1688) *61, 74*
Блок, Марк (1886–1944) *59*
Богданов (Малиновский), Александр
Александрович (1873–1928) *104*
Боден, Жан (1530–1596) *18, 22, 61*
Бонапарт, Наполеон (1769–1821)
24, 29, 33
Бор, Нильс (1885–1962) *180, 186, 229*
Борн, Макс (1882–1970) *180,*
181, 228, 229
Бруни, Леонардо (1370/74–1444) *21*
Бруно, Джордано (1548–1600) *18*
Буагильбер, Пьер Лепезан де
(1646–1714) *53*
Буленвилье, Анри де (1658–1722) *59*
Бухарин, Николай Иванович
(1888–1938) *199*
Бьондо, Флавио (1392–1463) *21*
Бэкон, Фрэнсис (1561–1626) *149*

Вебер, Макс (1864–1920) *10*
Вольтер, Франсуа Мари (1694–1778)
60, 65
Вольфсон, Семен Яковлевич
(1894–1941) *105, 199*

Гегель, Георг Вильгельм Фридрих
(1770–1831) *23, 26–32, 101–103,*
110, 111, 136, 143, 146, 168, 172,
193–196, 198, 199, 211, 213, 216,
220–223, 225
Гейзенберг (Хайзенберг), Вернер
(1901–1976) *181, 186, 228*
Гельвеций, Клод Адриан (1715–1771)
22, 224
Гиббон, Эдуард (1737–1794) *59*
Гизо, Франсуа Пьер Гийом
(1787–1874) *32, 43*
Глейк, Джеймс (род. 1954) *184*
Годскин, Томас (1787–1869) *66–71*
Голдберг, Элхонон (род. 1946) *98*
Грант, Джон *62*
Гроций, Гуго (Гроот Хейг де)
(1583–1645) *19*
Гуно, Шарль (1818–1893) *51*

Дантон, Жорж Жан (1759–1794) *23*
Декарт, Рене (1596–1650) *115, 116*
Джонс, Ричард (1790–1853) *66, 70–76*
Дирак, Поль Андриен Морис
(1902–1984) *186*

Дицген, Иосиф (1828–1888) 233
Доу, Александр 62

Зорк, Джеймс 183

Ибн Рушд (Аверроэс)
(1126–1198) 136
Илларионов, Сергей Владимирович
(1938–2000) 233
Инфантино, Лоренцо 11
Иоанн Скот Эриугена
(ок. 810 – после 877) 136

Кедров, Бонифатий Михайлович
(1903–1985) 221, 222
Келер, Крисоф (Целлариус
Христофор) (1637–1704) 21
Коган-Бернштейн, Фаина Абрамовна
(Месин Ф.) (1899–1976) 105, 106
Кондорсе, Мари Жан Антуан Никола
(1743–1794) 65
Курно, Антуан Огюстен
(1801–1877) 159

Лейбниц, Готфрид Вильгельм
(1646–1716) 193, 197, 198
Ленге, Симон Никола Анри
(1736–1794) 43
Ленин, Владимир Ильич (1870–1924)
83, 102–105, 135, 136, 145, 146,
198, 200, 202, 220–222, 225, 233
Леонтьева, Ольга Борисовна 198
Леруа, Луи (1510–1577) 61

Марат, Жан Поль (1743–1793) 23
Маркс, Карл (1818–1883) 50, 57, 58,
76, 79–84, 86, 87, 89, 91, 93,
100–106, 131, 144, 169, 198, 200,
216, 222, 233

Мартынов, Александр Самойлович
(1885–1935) 197, 198
Марх, Артур 181, 182
Мах, Эрнст (1838–1916) 181
Местр, Жозеф де (1753–1821) 25, 26
Минье, Франсуа Мари Огюст
(1796–1884) 32, 35, 38–40, 43
Мирабо, Оноре Габриель Рикети
(1749–1791) 23
Монкретьен, Антуан (1575/6–1621) 52
Монтень, Мишель (1533–1592) 19
Монтескье, Шарль Луи
(1689–1755) 22
Морган, Льюис Генри (1818–1981) 89
Морелли 19

Паттон, Роберт 62
Паттон, Чарлз 62
Петраков, Николай Яковлевич 58
Петрарка, Фраческо (1304–1374) 59
Петти, Уильям (1623–1687) 53, 54
Планк, Макс (1858–1947) 185
Плеханов, Георгий Валентинович
(1856–1918) 35, 197, 198, 213
Поппер, Карл Раймунд
(1902–1994) 10
Пригожин, Илья Романович
(1917–2003) 182, 183

Рассел, Бертран (1872–1970)
86, 87, 114
Рейналь, Гийом Том Франсуа
(1713–1796) 43
Рикардо, Давид (1772–1823) 32,
54–56, 66
Робертсон, Уильям (1771–1793) 60
Робеспьер, Максимилиен Мари
Изидор (1758–1794) 24

Сарабьянов, Владимир Николаевич
(1888–1952) 146, 199
Сен-Симон, Клод Анри де Ревруа
(1760–1825) 63–65

Сеченов, Иван Михайлович
(1829–1905) *187*
Смит, Адам (1723–1790) *21, 32, 54–57*
Соколов, Николай Семенович
(1808–1859) *24, 25*
Спиноза, Бенедикт (Барух)
(1632–1677) *146, 193, 194, 197, 198*
Струве, Петр Бернгардович
(1870–1944) *86, 104*

Троцкий (Бронштейн), Лев
Давидович (1879–1940) *198*
Тьер, Луи Адольф (1797–1877) *32*
Тьерри, Жак Никола Огюстен
(1795–1856) *32, 65*
Тюрго, Анн Робер Жак (1727–1781)
21, 65

Федосеев, Петр Николаевич
(1908–1990) *220–222*
Фейербах, Людвиг Андреас
(1804–1872) *93, 102, 131, 169*
Ферворн, Макс (1862–1921)
154–157, 160, 163
Фергюсон, Адам (1723–1816) *19, 20*
Фихте, Иоганн Готлиб (1762–1814)
98, 99, 193
Фома Аквинский (1225/26–1274) *136*
Фосс, Иоганн Генрих (1751–1826) *27*

Хайек, Фридрих фон (1899–1992)
10, 11
Ханземан, Давид фон (1858–1920)
154, 155

Чайлд, Вир Гордон (1892–1957) *126*
Чернышевский, Николай Гаврилович
(1828–1889) *97, 98*
Черняк, Ефим Борисович
(род. 1923) *87*
Чудинов, Энгельс Матвеевич
(1939–1980) *232*

Шеллинг, Фридрих Вильгельм
Йозеф (1775–1854) *193*
Шмидт, Отто Юльевич
(1891–1956) *185*

Эйнштейн, Альберт (1879–1955)
186, 231, 232
Энгельс, Фридрих (1820–1895) *50, 58,*
76, 81, 93, 100–106, 131, 144, 145,
169, 198–200, 202, 206, 211, 212,
215, 216, 222, 233

Содержание

Глава 1. Историческая, историческая и экономическая мысль в поисках объективного источника общественных идей, основы общества и движущих сил истории 7

- 1. Постановка проблемы 9*
- 2. Крах волюнтаризма и возникновение философии истории Г. В. Ф. Гегеля 23*
- 3. Французские историки эпохи Реставрации: открытие ими общественных классов и классовой борьбы 32*
- 4. Возникновение политической экономии и открытие социально-экономических отношений 44*
- 5. Превращение трехчленной периодизации истории цивилизованного общества в унитарно-стадиальную концепцию истории 58*
- 6. Выявление еще одной всемирно-исторической эпохи — эры Древнего Востока 61*
- 7. Философско-историческая концепция А. Сен-Симона 63*
- 8. Исследование докапиталистических экономических систем и разработка общих проблем развития общественного производства в первой половине XIX в. (Т. Годскин, Р. Джонс) 66*

Глава 2. Открытие объективного источника общественных идей (объективного социального бытия) и создание материалистического понимания истории 77

- 1. Открытие объективного социального бытия 79*
- 2. Всемирная история как естественно-исторический процесс развития и смены общественно-экономических формаций 88*
- 3. Объективный источник императивов человеческой деятельности 91*

Глава 3. Открытие материального источника активности мышления и создание диалектического материализма 95

- 1. Открытие материального источника активности мышления 97*
- 2. Создание диалектического материализма 101*

Глава 4. Возникновение производства и вместе с ним познания общего — мышления 107

- 1. Коренное, качественное отличие человеческой деятельности от деятельности животных 109*
- 2. Производство как неразрывное единство субъективной человеческой деятельности и объективного процесса превращения одних материальных вещей в другие 116*
- 3. К истории возникновения производственной деятельности и мышления * 122*
- 4. Способ проникновения общего в человеческое мышление 129*

Глава 5. Вероятностный (вариативный, относительный, диалектический) детерминизм и его основные категории 141

- 1. Вводные замечания 143*
- 2. Гносеологические корни абсолютного детерминизма 148*
- 3. Причина и условия. Кондиционализм против каузализма 153*
- 4. Движение познания от явлений к сущности, от событий к процессу. Процесс, его факторы, условия, уровни и подуровни 162*
- 5. Предопределенность и неопределенность. Необходимость и случайность 167*
- 6. Возможность и действительность, возможность и невозможность, вероятность и неизбежность 170*
- 7. Закономерность как категория вероятностного детерминизма 177*
- 8. Проблема предопределенности и неопределенности и современная наука 179*

Глава 6. Диалектико-материалистическое решение проблемы свободы и необходимости 189

- 1. Обыденное понимание соотношения свободы и необходимости 191*
- 2. Проблема отношения свободы и необходимости в домарксистской философии 192*
- 3. Свобода как практическое господство человека над объективным миром, «приручение», «оседлание», «обуздание» необходимости 197*
- 4. Две основные сферы человеческой деятельности: свободная и несвободная (зависимая) 206*
- 5. Свобода воли: формальная и реальная 210*
- 6. Свобода и необходимость в обществе и его истории 212*

Глава 7. Диалектико-материалистическое решение основного вопроса философии 217

Именной указатель 235